

ГЛЕН КУК

В·О·З·В·Р·А·Щ·Е·Н·И·Е
ЧЕРНОГО
ОТРЯДА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Глен Чарльз Кук
Возвращение Черного Отряда.
Суровые времена. Тьма
Серия «Возвращение Черного Отряда»
Серия «Звезды новой фэнтези»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42651776

Возвращение Черного Отряда. Суровые времена. Тьма: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2019

ISBN 978-5-389-16855-8

Аннотация

У могущественных колдунов юга Черный Отряд отвоевал укрепленный город Дежагор – и сразу же оказался в глухой осаде. Противник бросает на штурм все новые войска, не считаясь с потерями. Гарнизон крепости разделился на враждующие лагеря, население готово взбунтоваться, а обезумевший командир ведет торг с Хозяевами Теней. Паломники из древнего племени нюень бао, оказавшиеся в западне вместе с братьями Черного Отряда, утверждают, что пробудились древние божества, а убийцы из секты обманников пророчат скорый приход Года Черепов. И только Мурген, знаменосец и летописец Отряда, оказавшийся во

власти таинственных чар, начинает постигать ход зловещей игры – той, в которой и люди, и боги не более чем пешки.

Содержание

Суровые времена	8
1	9
2	10
3	15
4	20
5	24
6	29
7	32
8	36
9	41
10	46
11	49
12	56
13	57
14	65
15	76
16	81
17	88
18	90
19	91
20	94
21	97
22	98

23	107
24	111
25	117
26	127
27	131
28	139
29	143
30	144
31	153
32	167
33	173
34	185
35	193
36	199
37	201
38	202
39	205
40	207
41	212
42	216
43	224
44	228
45	235
46	241
47	247
48	253

49	263
50	265
51	269
52	287
53	296
54	299
55	302
56	303
57	304
58	309
59	313
60	317
61	325
62	329
Конец ознакомительного фрагмента.	330

Глен Кук

Возвращение Черного Отряда. Суровые времена. Тьма

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 1998

© Д. А. Старков, перевод, 1997

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Триш и Ким, вам, моим дорогим давним друзьям,
посвящаю*

Суровые времена

По равнине метет неутихающий ветер. Метет, шуриша по серым камням мостовых, простертых от горизонта к горизонту. Поет хором призраков вокруг беспорядочно вздымающихся к небу черных колонн. Играет принесенными издалека листьями, взвихряет пыль. Теревит волосы иссохшего мертвеца, сидящего здесь уж целую вечность. Проказливо бросает листья в рот трупа, разинутый в беззвучном крике, – и снова уносит их прочь. Ветер несет дыхание зимы.

Молния прыгает от одной черной колонны к другой, точно ребенок, играющий в догонялки. И тогда равнина на миг обретает призрачный цвет.

Эти колонны можно принять за останки города, поверженного во прах. Но – нет. Слишком мало их, и слишком беспорядочно расставлены они по плато. И ни единая не рухнула еще, хотя многие жестоко источены клыками голодных ветров.

...Обрывки...

...Не более чем потемневшие обрывки, крошащиеся в пальцах.

Побуревшие уголки страниц с полудюжиной начертанных неверной рукой слов, контекст коих более неизвестен.

Все, что осталось от двух томов Анналов. Тысяча часов труда. Четыре года истории. Все это потеряно навсегда.

Или – как?

Я не собираюсь возвращаться. Не желаю вызывать к жизни давний ужас. Не хочу пробуждать боль – она слишком сильна, чтобы вынести ее снова. Все равно нет способа снова пересилить тот кошмар во всей его полноте. Сердце и разум, переправившись невредимыми на дальний берег, просто отказываются рисовать на карте свой безумный маршрут.

К тому же и времени нет. Война.

Дядюшке Дою что-то нужно. И хорошо – самое время остановиться. Чернила расплываются от слез.

Он хочет напоить меня каким-то диковинным зельем.

Обрывки...

...Повсюду вокруг – обрывки моей работы, жизни моей, и любви, и боли, разбросанные по суровым временам.

Тьма. И лишь черепки времени во тьме...

2

Ну, здорово! Добро пожаловать в город мертвых! Не смущайся оттого, что эти типы пьются. Нечасто призракам доводится видеть чужих, да еще и дружелюбно настроенных. Да, тебе не показалось, они действительно голодны. Когда сидишь в осаде, такое случается.

Уж постарайся не шибко смахивать на жареного барашка. Думаешь, шучу? Держись подальше от наров.

Добро пожаловать в Дежагор, как таглиосцы зовут эту дыру. Вон те тщедушные и смугловатые, у которых Черный Отряд отобрал этот город, называют его Штормгардом. Для коренных жителей он всегда был Джайкуром – даже в те времена, когда это считалось преступлением. А как его зовут нюень бао – никто, кроме них, не знает. Да и какая разница? Все равно они неразговорчивы и в игре не участвуют.

А вот и один из них. Вон тот – кожа да кости, с башкой как голый череп. Здесь у каждого кожа с тем или иным оттенком коричневого, и только у нюень бао она серая. Почти как у трупа. Глаза – отшлифованные уголья, которые никого никогда не согреют. Словом, нюень бао ни с кем не спутаешь.

Шум?

Похоже, Могаба со своими нарами и первым легионом снова режет пришельцев из Тенеземья. Они почти каждую ночь пробираются сюда, ни дать ни взять мыши-полевки.

Сколько их ни уничтожай, от всех не избавиться.

В прошлый раз казнили врагов, прятавшихся с того дня, как Отряд взял город.

А запах-то, запах! Впрочем, пока тенеземцы не взялись хоронить мертвяков, было еще хуже. Почему так долго тянули – загадка. Может, лопата для них слишком мудреный инструмент?

От города лучами расходятся длинные насыпи – в них трупы, сложенные, как дрова, в поленницу. Иногда тенеземцы ленятся набросать побольше земли, и тогда участок насыпи взрывается под давлением гнилостных газов. И ты вынужден терпеть этот смрад и дожидаться, когда же ветер повернет в другую сторону.

Видишь, какие они оптимисты, эти тенеземцы, – столько траншей накопили впрок. А уймища вынутой земли пошла на пандусы.

Хуже всего слоны. Пока этакая громадина сгниет... Однажды попробовали сжечь, но только канюков раздражили. Теперь, когда есть возможность, супостаты оттаскивают туши и сбрасывают в свои рвы.

Ты о ком? Вон о том уродце в безобразной шляпе? Это Одноглазый. Тебя на его счет наверняка предупреждали.

Почему «Одноглазый»? Повязку на глазу видишь? Яснее некуда.

Другой коротышка – Гоблин. О нем ты тоже должен знать. Нет? Ну, так держись от обоих подальше. Особенно когда

они спорят. А уж если при этом и пьют... Конечно, они в своей волшбе звезд с неба не хватают, но уж на тебя-то их сноровки хватит за глаза.

Как бы ни были они жалки, это их в первую очередь надо благодарить за то, что тенеземцы сюда суются редко. Враги предпочитают грабить окрестные деревни, оставив помойные роскошества этого города таглиосским войскам да Черному Отряду.

Короче, смотри и запоминай. Гоблин – тот, что посветлее. Ну да, ты правильно догадываешься – это благодаря ежегодному принятию ванны. Посветлее и на жабу похож. А Одноглазый – который в шляпе и с повязкой через лоб.

Ребята в мундирах, что в незапамятные времена были белыми, – таглиосские солдаты. Теперь каждый из них день-деньской ломает голову, с чего это ему, дурню несчастному, взбрело в голову записаться в легион?

А которые с унылыми рожами, в разноцветных простынях – местные, джайкури.

Вот что забавно: когда Отряд с легионами, нахлынув с севера, застал врасплох Грозотень, местные встретили пришельцев душевно. Освободителями величали. Устилали улицы лепестками роз и любимыми дочерьми.

А теперь они не суют освободителям ножик в спину только потому, что альтернатива еще хуже. Да, им голодно и обидно, но, по крайней мере, они способны все это чувствовать, чего не скажешь о мертвецах.

Тенекрут добротой не славится и детишек не целует.

Детишки? Почему их так много вокруг и почему они почти довольны и упитанны? Ньюень бао. Все – ньюень бао.

Когда явились Хозяева Теней, джайкури почти перестали рожать детей. А из немногих родившихся еще меньше дожило до сегодняшнего дня. Эту горстку везунчиков берегут пуще любого сокровища. Чтобы они голышом по улицам носились, вереща и не боясь нисколечко иноземных дядек, – такого ты здесь не увидишь.

Кто такие ньюень бао? Никогда не слышал?

Хороший вопрос. Не из простеньких.

Ньюень бао не говорят с чужими иначе как через своего Глашатая, но если верить слухам, это паломники, возвращавшиеся из какого-то хаджа, что бывает у них раз в поколение, и задержанные здесь обстоятельствами. Таглиосские солдаты говорят, эти люди пришли с болотистой дельты реки, что к западу от Таглиоса. В общем, примитивное, ничтожное меньшинство, ненавидимое большинством, которое молится главным здешним божествам: Гунни, Ведне и Шадару.

В паломничество отправилось все племя ньюень бао. Вот так всем племенем они и застряли в Дежагоре.

Научиться бы им время выбирать... Или, по крайней мере, наработать навык умиротворения своих богов.

У Черного Отряда с ньюень бао уговор. Гоблин полчаса пообщался с их Глашатаем и все уладил. Ньюень бао не заде-

вают Черный Отряд и таглиосцев, которым тот покровительствует. Мы, в свою очередь, не трогаем нюень бао.

Так и живем. Почти без ссор.

А ссориться с ними ты и сам не захочешь. Эти ребята никому не дают спуску. Правда, и сами не нарываються. Разве что натура неподатливая подведет – упрется такой рогом и, как ты его ни упрашивай, не уступит. Но это ежели таглиосцам верить.

Похоже, Одноглазый с его манерой убеждения свой хлеб ест не зря.

3

Дай-ка пинка этой вороне. Вконец обнаглели, проклятые. Возомнили, что тут их царство... Ух ты! Попал! Хватай скорей! Не ахти какое лакомство, но когда кругом шаром покати...

Ч-черт, улетела! Что ж, бывает. Идем к цитадели. Оттуда удобней всего любоваться окрестностями.

Ты про каких парней? А-а, это Отряд. Нипочем бы не догадался, ага. Белые? Который с буйной шевелюрой – Бадья. С ним Масло и Крутой. Дольше них в Отряде только Одноглазый да Гоблин – вот уж ветераны так ветераны, несколько поколений солдат пережили. Говорят, Одноглазый третью сотню лет разменял.

Эта компашка – тоже из Отряда. Сачкуют, шельмы. Древнего чахоточника зовут Хрипатый. В любом деле от него проку немного. И как только выжил в той великой драке, никто не знает. Говорят, наравне с лучшими головы крушил.

Еще двое черных – Ишак с Лошаком. Может быть, и настоящие имена у них имеются. Однако их так долго звали по кличкам, что даже сами они эти имена не сразу вспомнят.

Ты, главное, Гоблина с Одноглазым запомни. И смотри не настрой их против себя, они кротким нравом не отличаются.

Эта улица – Блистающая Подобно Каплям Росы. Никто тебе не скажет, откуда такое название. Пока выговоришь...

А если по-джайкурийски, так и вовсе челюсть свихнешь. Как раз по ней Отряд прорвался к цитадели. Может, еще переименуют в Омытую Кровавым Потоком.

Да, этой улицей Отряд пронесся в ночи, уничтожая все на своем пути, и ворвался в башню, прежде чем кто-либо сообразил, что происходит. С помощью Меняющего Облик парни поднялись на самый верх башни и подождали, пока он не измотает Грозотень, а после разобрались с ними обоими.

У Отряда издавна имелся зуб на этого колдуна. Еще с предыдущего поколения. Тогда он, помогая Душелов сломить сопротивление города, убил Тамтама, брата Одноглазого. С той поры, когда Отряд служил синдикку Берилла, оставались лишь Костоправ, Одноглазый с Гоблином, Масло и Крутой. А теперь и Костоправ где-то там, внизу, в одной из насыпей. Равнину удобряет. Теперь наш Старик – Могаба. По крайней мере, он сам так считает.

Создавшие Отряд пришли и ушли, однако сам Отряд – вечен. Каждый из братьев, будь он рослым или мелким, – не более чем закуска, которая рано или поздно попадет на зуб к прожорливому времени.

Чернокожие здоровяки, что стерегут ворота, – нары. Потомки служивших в Отряде несколько веков назад. Жутковаты, верно? Могаба с оравой своих дружков примкнул к Отряду, когда тот добрался до Гиэ-Ксле. Старая Команда их не жалует.

Ежели всех наров собрать в горсть да выжать, юмора по-

лучишь пару унций, никак не больше.

Пришло их сюда немало, однако с тех пор порядком убыло и продолжает убывать. Фанатики они, все как один. Служба в Черном Отряде для них – религия. Только их Отряд вовсе не таков, как наш, Старой Команды. И часа не пройдет, как ты в этом убедишься.

В каждом наре более шести футов росту. Все они быстрые, как ветер, прыткие, как газель, сильные, как горилла, и владеют оружием так, словно родились с ним в обнимку. Для похода в Хатовар Могаба отобрал самых крепких и умелых воинов.

Прочие? Которые зовутся Старой Командой? Да, верно. Отряд – это нечто большее, чем ремесло. Будь он создан только ради денег, продавай мы свой меч всякому, кто готов платить, не оказались бы в этих краях. Работы и на севере было полно. В мире всегда хватает властителей, готовых тиранить подданных либо задира́ть соседей.

Отряд – это семья для тех, кто в нее влился. Отряд – это дом. Отряд – народ изгнанников, одиночек, готовых сражаться хоть с целым миром.

Сейчас Отряд пытается завершить жизненный цикл. Мы в поисках места своего рождения, легендарного Хатовара. Но, похоже, судьба решила, что Хатовар должен остаться недосягаемым – вечная девственница, укрытая вуалью мглы.

Да, Отряд – это семья, спору нет, но ни у кого, кроме Косто́права, не бывает по сему поводу романтических фанта-

зий.

Для него Черный Отряд – нечто вроде мистического культа. Правда, в отличие от Могабы, он никогда не пойдет так далеко, чтобы увидеть в своей службе божественное призвание.

Эй-эй! Смотри под ноги. После недавнего штурма здесь не успели прибраться. Да ты небось уже это понял – по запаху. Джайкури нам больше не помощники – у них, похоже, притупилось чувство гражданской ответственности.

Нюень бао? Они просто здесь присутствуют. Ни у кого под ногами не путаются и полагают, что смогут и дальше держать нейтралитет. Ничего, вот придет Тенекрут, он им растолкует. В нашем мире никому не суждено удержаться в стороне от драки. Максимум, что от тебя зависит, – выбрать наилучший момент, когда в нее кинуться.

Малость не в форме? Не беда, это поправимо. Тут у нас то отряд Тенекрута прорвется, то Могаба затеет беспокоящую вылазку. Побегашь недельки три взад-вперед, станешь тонким, как меч нюень бао.

Думаешь, в осаде сидеть – это на солнышке греться да поджидать, когда тот, что снаружи, в гости пожалует?

Пойми, тот, что снаружи, – бешеный пес с текущей из пасти пеной.

Нет, не просто чокнутый. Он волшебник. И главный игрок, хотя в последнее время не часто показывается на людях. Костоправ, прежде чем сгинуть в заварухе, после кото-

рой нас всех заперли здесь, здорово надрал ему задницу. С тех пор старый черт не в себе.

Пришли. Выше уже некуда. Внизу весь этот вонючий городишко, словно песочный ящик, какие обожала Госпожа...

А-а, ну да. Этот слух и сюда дополз. Кое с кем из пленных тенеземцев. Может, и была на севере какая-то Кина. Или еще кто-нибудь. Но Госпожа там быть не могла. Она погибла вон на том самом месте. И это видели пятьдесят парней. Из них половина полегла, когда пыталась ее спасти...

Да как у тебя язык поворачивается?! Что значит: «Откуда такая уверенность?» Сколько ж тебе еще свидетелей нужно? Мертва она. И Старик мертв. И все, кто не успел войти в город, прежде чем Могаба запер ворота.

Уйма народу полегла... Остались лишь те, кто сейчас здесь. Меж двух бешеных псов. И еще вопрос, кто безумней – Могаба или Тенекрут.

Ну, нагляделся? Вот так Дежагор держит осаду Хозяев Теней. Ну да, не очень-то красивая картина. Однако каждое из тех пятен выжженной земли – память о жестокой схватке.

Пожары в Дежагоре начинаются просто.

Так ведь в аду и должно быть жарко, верно говорю?

...Кто я такой – на тот невероятный случай, если мои караули до тебя дойдут. Я Мурген, знаменосец Черного Отряда, хотя, к стыду моему, знамя потеряно в битве. Веду Анналы неофициально, потому что Старик мертв, Одноглазый не желает этим заниматься, а из прочих вряд ли кто грамотен. Я был учеником Костоправа, поэтому продолжаю нашу летопись, пусть даже никто мне этого не поручал.

Я твой проводник – на месяцы, а может, недели или же дни, смотря сколько понадобится тенеземцам, чтобы привести наше присутствие здесь к его неизбежному завершению.

Никому из запертых в этих стенах не выбраться живым из передраги. Слишком много врагов, слишком мало нас. И единственное наше преимущество заключается в том, что командир у нас так же безумен, как и у врага. Что делает наше положение несколько неопределенным. Хотя не прибавляет надежды.

Могаба не сдастся, пока у него есть хоть капля сил. Даже свисая на одной руке со стены, другой будет швырять во врага камни.

Судя по всему, листья эти развеет ветер Тьмы, и ничей взгляд более не коснется их. А может, именно они пойдут на растопку, когда Тенекрут запалит костер под последним человеком, убитым им при взятии Дежагора.

Ну а на случай, ежели все-таки кто-нибудь найдет мои записи, – вот Книга Мургена, последняя из летописей Черного Отряда.

История эта долгая.

Умру я в неизвестности и страхе, и случится это в мире столь чуждом, что я не смог бы понять и десятой его доли, даже если бы всю жизнь на это положил. Очень уж он древний, этот мир.

Время спрессовано здесь плотно, и на двухтысячелетних традициях зиждятся вещи совершенно абсурдные, однако принимаемые без удивления и оговорок. Десятки народов, культур и вероисповеданий образовали такую гремучую смесь, что должна бы немедля взорваться, однако она существует столь долго, что теперь любые конфликты – лишь произвольные судороги старческого тела, слишком дряхлого, чтобы реагировать на любые раздражители.

Таглиос – единственное крупное княжество. Есть десятки других, похожих как две капли воды, но большинство из них теперь принадлежит Тенеземью.

Населяют Таглиос в основном гунниты, шадариты и веднаиты; каждое название разом вмещает в себя религию, культуру и расу. Гунниты наиболее широко распространены и многочисленны; они невысоки и темнокожи, хотя не черны, как нары. Храмы гуннитских богов – а это поразительно обширный и пестрый пантеон – очень многочислен-

ны: где бы ты ни находился, обязательно хоть один да увидишь. Мужчины носят нечто вроде тоги, благо климат позволяет. Смесь ярких цветов показывает кастовую, культовую и профессиональную принадлежность носящего. На женщинах отрезы пестрой ткани, несколько раз обернутые вокруг тела. Незамужние прячут лица под вуалью – а замуж тут, надо сказать, выходят рано. Покидая дом, в качестве украшений женщина надевает свое приданое, а лоб расписывает кастово-культово-профессиональными знаками и отца, и мужа. Мне этих иероглифов не понять никогда. Гунниты низших каст не носят ничего, кроме набедренных повязок.

Шадариты кожей светлее, словно очень загорелые белые с севера. Они высоки, обычно выше шести футов. В отличие от гуннитов, бороду не бреют и не выщипывают. Приверженцы некоторых сект даже стрижки не признают. Запрета на омовения нет, но и поощряются они крайне редко. Одеваются шадариты только в серое и носят тюрбаны, означающие общественное положение. Они, в отличие от гуннитов, едят мясо. Их женщин я лично не видел ни разу. Может, они своих детей находят в капусте?

Веднаиты – самая малочисленная из главных этнических групп Таглиоса. Они столь же светлокожи, как и шадариты, но не так рослы и массивны; черты их лиц свирепы. Спарганских вкусов шадаритов они не разделяют. Вера запрещает им едва ли не все на свете, оттого чтимые ими запреты и заветы частенько нарушаются. Одеваются они не так ярко, как гун-

ниты, однако цвет в их нарядах все же присутствует. Веднаиты носят панталоны и настоящую обувь. Даже беднейшие прикрывают тело и голову, и лишь низшая каста обходится набедренными повязками. Замужние веднаитки облачаются только в черное. Да так, что ничего, кроме глаз, и не видно. Незамужней веднаитки не встретишь вовсе.

Только веднаиты верят в жизнь после смерти. Каковая даруется мужчинам, а из женщин лишь немногочисленным святым воительницам и дочерям пророков, обладающих достаточно большими яйцами, чтобы приобщиться к знати.

Нюень бао, не часто показывающиеся на улицах, обычно носят просторного покроя рубахи с открытым воротом и длинными рукавами да мешковатые легкие штаны, преимущественно черного цвета. Как мужчины, так и женщины. Дети попросту ходят голышом.

И весь этот город – воплощенный хаос.

Каждый день у кого-нибудь из них – праздник.

С крепостной башни хорошо видно, что Дежагор – сущий лабиринт. Конечно, самые неприступные города и строились с учетом того, что где-нибудь по соседству к власти в один прекрасный день придет какой-нибудь головорез. А собственные властители, конечно же, всегда были и будут благонамеренными, щедрыми деспотами, радеющими лишь об умножении славы родного города.

Одно-единственное поколение тому назад, до появления Хозяев Теней, война для этой части света была понятием абсолютно чуждым. После ухода Черного Отряда не видали здесь ни армий, ни солдат. Веками.

Вот в такой-то невообразимый рай земной и пришли Хозяева Теней, властители Тьмы из дальних стран, принесшие с собою все кошмары былых времен. Вскоре появились армии – необученные и неумелые. И шествовали они по землям не подготовленных к войне королевств, словно громадные чудища, пред коими бессильны сами боги. Тьма ширилась. Города повергались в прах. Счастье улыбнулось лишь нескольким, отстроенным Хозяевами Теней заново. Народам новооснованного Тенеземья был предоставлен выбор между повинованием и смертью.

Джайкур возродился уже как Штурмгард, логово Хозяйки Теней по имени Грозотень, властительницы ветров и гро-

мов, ревущих и воющих во тьме. Той, что была рождена под именем Зовущая Бурю в другой стране, в другую эпоху.

Вначале Грозотень велела возвести над руинами захваченного Джайкура, посреди совершенно сглаженной рабами и военнопленными равнины, насыпь в сорок футов высотой. Грунт для насыпи был взят из окружающего равнину сплошного кольца холмов. Завершив насыпь и выложив внешние склоны несколькими слоями специально доставленного камня, Грозотень выстроила поверх нее свой новый город и окружила его стеной еще в сорок футов высотой.

Она не обошла вниманием новомодные фортификационные идеи, и для обороны ворот были построены анфиладные башни и барбикены.

Каждым Хозяином Теней двигала параноидальная тяга к безопасности, и каждый норовил превратить свой дом в неприступную твердыню.

Однако планы Грозотени не учитывали прихода Черного Отряда.

Эх, нам бы хоть наполовину быть такими опасными, как уверяет молва.

В Дежагоре четверо ворот, по числу сторон света. С холмов к ним ведут мощенные камнем прямые дороги. Теперь движение наблюдается лишь на южной.

Могаба завалил все ворота, кроме одних, оставив только калитки для вылазок, постоянно охраняемые нарами. Он полон решимости драться. Ни один из вислозадых таглиосских

легионеров не сбежит отсюда; все полягут вместе с ним.

В живых никто не останется: будь то Старая Команда, нары, джайкури, таглиосцы, нюень бао – любой другой, имевший несчастье здесь застрять. Если только Тенекрут со своей шайкой не заскучает и не отправится изводить кого-нибудь еще. Я правду говорю. Если берешь на вылазку восемнадцать бойцов, можешь голову прозакладывать, что вернутся только девять.

И шансы привести этих девятерых обратно куда выше, чем шансы вырваться отсюда.

Укрепленный лагерь тенеземцев расположен к югу от города. Так близко, что достают наши метательные машины. Видишь, там у них бревна обугленные? Это мы попробовали сжечь лагерь в день большой битвы. С тех пор еще несколько раз нападали, но с нынешними нашими силами нельзя идти на серьезный риск.

В общем, не слишком-то это повредило Тенекруту.

Наши баллисты еженощно устраивают врагам побудку, всякий раз в другое время. Оттого тенеземцы постоянно утомлены и сонны и, когда бы ни пошли на штурм, не способны драться в полную силу. Проблема в том, что нам и самим недостает сна и отдыха. Добро бы не было у нас других забот, кроме как досаждать противнику.

Тенекрут личность загадочная. Отряд не в первый раз сталкивается с этой породой. Колдуны-тяжеловесы из нашего прошлого растоптали бы Дежагор в два счета, мы бы и

пикнуть не успели. А тут сноровки и проворства таких букашек, как Гоблин с Одноглазым, вполне хватает для сведения любых потуг Тенекрута на нет.

Спрашивается – почему он такой слабый?

Если противник не предпринимает всего, на что, по-твоему, он способен, это действует на нервы. А Тенекрут стал птицей такого высокого полета отнюдь не благодаря мягкости и вежливости.

Одноглазому положение представляется в преподлейшем свете. Говорит, Тенекрут так вял оттого, что Длиннотень вцепился в него как клещ и нарочно не дает окрепнуть. Древняя как мир силовая политика, а в ее центре – Черный Отряд. Прежде чем появились мы, Хозяевам Теней было не с кем грызться, кроме как друг с другом.

По своему обыкновению, Гоблин не соглашается с Одноглазым. Заявил, что Тенекрут усыпляет нашу бдительность, оправляясь тем часом от ран, оказавшихся серьезнее, чем мы полагали.

А по мне, так что пнем об сову, что совой об пень...

Над лагерем Тенекрута кружат вороны. Постоянно кружат. Одни улетают, другие прилетают, и всегда их не меньше чертовой дюжины. А прочие день и ночь преследуют нас, но только не в помещениях. Туда они не забираются: мы не пускаем. Если какая и проскакивает, мигом оказывается в чьем-нибудь котелке.

У Костоправа имелся пунктик насчет ворон. Похоже, те-

перь я его понимаю. Но мне куда больше досаждают летучие мыши.

Их не так часто увидишь. Вороны им спуску не дают. (Эти вороны и по ночам летать не стесняются.) А тех, кого не ловят птицы, бьем мы. Да и чем еще тут развлекаться?

Конечно, некоторые ускользают, как же без этого. Что, конечно же, плохо.

Эти мыши – соглядатаи Хозяев Теней. Дальнозоркие глаза коварства, заглядывающие туда, где враг не в силах управлять живой Тьмой.

Из Хозяев Теней осталось только двое. Они более не властны, как прежде, над Тенями в глубине таглиосских владений.

Они блекнут.

Словно сон.

Но сны слишком легко становятся кошмарными...

6

Глядя с вершины башни, поневоле удивишься, как же все эти джайкури ухитряются помещаться в стенах Дежагора.

Некогда холмы, окружающие равнину, были густо усеяны фермами, садами и виноградниками. После прихода Теней крестьянские семейства бросили свои надель. Затем явились враги Теней, Черный Отряд, здорово проголодавшиеся после победы при Годжийском броде и долгого похода. И наконец, армии тенеземцев, потрепавшие нас впоследствии, не заставили себя ждать.

Теперь холмы хранят лишь воспоминания о былом великолепии.

Самые мудрые крестьяне бежали первыми. Их-то дети и заселят эту землю вновь.

А те, кто поглупей, ринулись сюда, под призрачную защиту дежагорских стен. Могаба, когда особенно разъярится, выгоняет за ворота сразу несколько сотен. Это ведь только глотки, вопящие: «Жрать давай!» А еда – для тех, кто готов умереть, защищая стены.

Местные, не желающие внести вклад в дело обороны либо не способные на это по причине болезни или серьезного ранения, отправляются за ворота вслед за крестьянами.

Тенекрут не принимает к себе никого, кроме согласных наращивать насыпи или рыть траншеи для мертвецов. Пер-

вое подразумевает каторжный труд под жестоким обстрелом бывших друзей из города, а второе – подготовку могилы, которая тебе же и пригодится, как только перестанешь приносить пользу.

Небогатый выбор.

А Могаба никак не постигнет, отчего его военный гений не прославляется всем миром.

С нюень бао он не связывается. Пока. Они почти бесполезны для обороны Дежагора, однако и ресурсов не потребляют. И детишки их вон как упитаны, а ведь всем остальным приходится затягивать ремешок.

Сейчас на улицах редко встретишь собаку или кошку. Лошади целы только потому, что находятся под защитой армии, да их и всего-то горстка. Кончится фураж – наедемся конины досыта.

Мелочь вроде крыс или голубей стала пуглива. Порой можно услышать протестующий крик застигнутой врасплох вороны.

Нюень бао... Эти выживут.

Народ с одним-единственным бесстрастным лицом на всех...

Могаба не докучает им – по той причине, что нюень бао поднимутся на обидчика немедля и всем скопом. К драке они относятся серьезно, это для них святое.

Без крайней необходимости нюень бао ни во что не встречаются, однако они вовсе не пацифисты. Пару раз тенеземцам

пришлось пожалеть о своих попытках пробиться в город через их кварталы: паломники устроили незваным гостям отменную резню.

Джайкури поговаривают, что нюень бао поедают своих врагов.

Верно, находили люди человечесьи кости, явно прошедшие мясницкую разделку и кулинарную обработку.

Я не верю, что эти кости со столов нюень бао, но Кы Дам отказался опровергать даже самые грязные измышления насчет его народа.

Возможно, он признает правдой любую небылицу об ужасных обычаях нюень бао. Возможно, разговоры, внушающие слепой страх перед ними, ему только выгодны.

Хочешь жить – хватайся за любую соломинку.

Если бы они заговорили!.. Наверняка порассказали бы такого, что волосы встанут дыбом.

О Дежагор! Безмятежные дни прогулок по аду с улыбкой на устах...

Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем смех вовсе покинет этот город?

Усталый донельзя – как бывало в каждую ночь, сколько себя помню, – я отправился на стену, нести караульную службу. Устроившись в амбразуре, я проклял всех предков наших недругов – в выражениях пусть не самых оригинальных, но зато полных яда.

Там, снаружи, тенеземцы что-то затеяли. Слышались возня и разговоры, по равнине двигались огни факелов. Значит, опять нам предстоит бессонная ночь. Ну почему они не могут, как всякие нормальные люди, заниматься делами в нормальное время?

Судя по всему, энтузиазма в них было не больше, чем во мне. Один раз я даже разобрал нелестное о нас и о нашем происхождении. Как будто мы эту кутерьму затеяли! Похоже, наших противников удерживала от бегства лишь убежденность в том, что никто не вернется домой, пока Хозяева Теней не отобьют Штормгард. Возможно, уцелевших вообще не будет – ни с той ни с другой стороны.

Закаркала, насмехаясь над всеми нами, ворона. Я полезился швырнуть в нее камнем.

Снаружи стоял туман. Зарядил дождик. Затем на юге над холмами засверкали молнии. Весь день было жарко и влажно, и вот к вечеру разразилась жесточайшая гроза. На улицах мигом образовались лужи. Инженеры Грозотени запро-

сто могли создать эффективный дренаж, тем более что местность этому способствовала. Но, видимо, такая задача не входила в список первостепенных.

Мне было даже чуточку жаль копошащихся внизу придурков. Не слишком хороша подобная ночь для штурма высоких стен. Для их обороны, впрочем, тоже.

Свечка с Рыжим Руди наконец одолели подъем с улицы. Оба, кряхтя, тащили тяжелые кожаные мешки.

– Стар я уже для такой работы, – пробурчал Свечка.

– Зато, если сработает, у нас тоже будет шанс состариться.

Оба привалились к зубцам, переводя дух, а затем сбросили мешки в темноту. Там принялись ругаться по-тенеземски.

– Будете знать, болваны, – огрызнулся Рыжий Руди. – Валийте домой, дайте поспать.

Землю на стены таскала вся Старая Команда.

– Так-то оно так, – ответил мне Свечка. – Но что толку от жизни, когда она хуже каторги?

Если ты читал Анналы, то знаешь, что наши братья с самого начала это твердят. Я только плечами пожал. А что тут можно сказать, чем вдохновить? Обычно и не пытаешься объяснить или убедить, а просто делаешь дело.

– Ты зачем-то Гоблину понадобился, – проворчал Свечка. – Иди, мы тебя прикроем.

Рыжий Руди заорал вниз на ломаном тенеземском:

– Эй, я ведь понимаю, о чем вы кудахчете! Уроды сучьи!

Я хмыкнул. Хоть и моя смена, могу уйти, если захочу. Мо-

габа уже не пытается контролировать Старую Команду. Свое дело мы делаем – стоим насмерть. Просто не разделяем его представлений о том, каким надлежит быть Черному Отряду. Но если этот Хозяин Теней со своими шутами когда-нибудь решит свалить восвояси, без серьезной разборки нам с Могабой никак не обойтись.

– Где он?

– *Третий вход*, – показал он на пальцах.

Мы часто пользовались языком глухонемых, когда приходилось говорить о делах на открытом месте. Ни мыши, ни вороны его не понимали. И никто из людей Могабы.

Я снова хмыкнул:

– Скоро вернусь.

– Ага.

Я сошел по крутой скользкой лестнице, преодолевая нытье мышц, – они знали, что обратно мне предстоит тащить мешок земли.

Что могло от меня понадобиться Гоблину? Наверное, хочет обсудить какой-нибудь пустячный вопрос. Коротышка, подобно своему одноокому другу, всегда старается переложить решение на чужие плечи.

Старой Командой, в сущности, руковожу я – у всех остальных нет желания обременять себя самомалейшей ответственностью.

Мы обосновались в высоких кирпичных строениях непо-

далеку от стены, к юго-западу от северных, единственных незабаррикадированных ворот. И с первого часа осады укрепляли позиции.

Могаба мыслит наступательно. Он не верит, что войну можно выиграть, отсиживаясь за каменными стенами. Он желает отразить штурм, затем ринуться наружу и перебить тенеземцев. Он тревожит противника дерзкими вылазками и отвлекающими ударами. Он не учитывает, что тенеземцы могут проникнуть в город большим числом, хотя почти при каждом штурме они оказываются по нашу сторону стены, и мы вынуждены перегруппировываться, чтобы вышвырнуть их.

Наступит день, когда дела пойдут не так, как хотелось бы Могабе. Рано или поздно людям Тенекрута удастся захватить ворота. И тогда мы увидим настоящие уличные бои.

Это неизбежно.

Что ж, Могаба, Старая Команда готова к этому. А ты готов?

Мы-то обернемся невидимками, ваше высокомерие. Мы в такие игры уже играли. Мы читали Анналы. Мы станем призраками, несущими смерть.

Надеюсь, что так и будет.

Тени – вот проблема. Что они уже узнали? И что еще смогут узнать?

Наши лютые враги названы Хозяевами Теней не только за любовь к темноте.

Все входы в помещения Отряда, за исключением трех потайных дверей, были заложены кирпичом. Как и все наружные окна ниже третьего этажа. Коридоры и дымоходы превращены в лабиринт смертоносных ловушек. До трех действующих входов можно добраться, лишь вскарабкавшись по лестницам, простреливаемым по всей протяженности. Где смогли, мы защитились от огня.

От бездеятельности в дни осады Отряд не страдает. Даже Одноглазый работает. Если только ему не удастся спрятаться от меня.

И все до одного братья валятся с ног от усталости. Поэтому им не до размышлений о нашей непростой ситуации.

Пройдя потайным ходом, известным лишь Старой Команде, воронам с летучими мышами, Теням, глазастым нюень бао да любому нару, не поленившемуся понаблюдать за нашим обиталищем с северного барбикена, я скатился по лестничным маршам в подвал, где подле одинокого огарка свечи подремывал Бадья. Хоть я и старался идти неслышно, его веко дрогнуло. Но тратить дыхание на оклик он не пожелал. Позади него к стене был прислонен расшатанный шкаф с криво висящей на одной петле дверцей. Осторожно отворив дверцу, я скользнул внутрь.

Всякий пробравшийся сюда найдет лишь этот шкаф, за-

полненный весьма ограниченными запасами провизии.

Шкаф открывает проход в тоннель, один из тех, что соединяют все наши постройки. Если Могаба или еще кто, интересуясь нашими делами, проникнет в подземелье, он увидит лишь то, что и рассчитывал увидеть. Удовлетворится этим и дальше шкафа, надеюсь, сунуть нос не догадается.

Тоннель привел меня в другой подвал, где среди устрашающего беспорядка и вони, достойной медвежьей берлоги, спали еще несколько человек. Тут я шагал медленно, пока меня не признали.

Будь я чужим, стал бы не первым из тех, кто никогда не вернется из этих подземелий.

Теперь я добрался до мест по-настоящему секретных.

Новый Штормгард вырос поверх старого Джайкура. И на снос прежнего города его хозяева лишних сил не тратили. Благо множество первоначальных построек оказалось в превосходном состоянии.

Там, где никому не пришло бы в голову искать, мы выкопали ошеломительный лабиринт. И он увеличивался с каждым мешком земли, отправлявшимся на стену или применявшимся в прочих наших задумках. Однако сей муравейник уютным не назовешь. Требуется сила воли, чтобы спуститься во тьму и сырость коридоров, где воздух еле движется, свечи едва тлеют и всегда приходится помнить о том, что в любом темном углу может прятаться коварная смерть.

Что касается старины Мургена, то его вдобавок донимают

мысли насчет погребения заживо.

К подобному невозможно привыкнуть.

Крутой, Масло, Гоблин с Одноглазым и я уже прошли через такое на равнине Страха – кажется, пять тысяч лет прожили в земле, точно барсуки.

– Клетус, где Гоблин?

Клетус – один из трех братьев, возглавляющих наши инженерные службы и артиллерию.

– За углом, в следующей комнате.

Клетус, Лофтус и Лонгинус – настоящие гении. Это они рассчитали, как по старым дымоходам подавать воздух в самые глубокие тоннели, вентилируя весь лабиринт, а потом медленно стравливать наружу по другим дымоходам. Простая инженерия, однако для меня все равно что волшебство. Ток пригодного для дыхания воздуха, пусть и медленный, служит нам исправно.

Хотя сырости и вони меньше не становится.

Гоблин держал светильник, освещая стену, на свежескобленные камни которой Лонгинус нашлепывал известковый раствор, примерно на уровне глаз.

– В чем проблема, Гоблин?

– Да дождь этот, чтоб его! Никак не унимается.

– Ну да. Боги где-то выхлебали реку, а теперь сюда отливают. И что с того?

– У нас тысяча протечек.

– Это очень плохо?

– Пока терпимо, да вот надолго ли? Дренажа-то никакого. И ниже нам уже не забраться, пока двенадцатый тоннель в порядок не приведем.

– Похоже, проблема чисто инженерная.

– Ну да, – подтвердил Лонгинус, разравнивая раствор. – Клет это предвидел. Мы с самого начала заботимся о водонепроницаемости. Вот только как тут проверишь, все ли в порядке, пока нет серьезных ливней? Счастье еще, что в сезон дождей такого не случилось. Еще три дня, и нас тут затопит, к чертям.

– Вы ведь справитесь?

Лонгинус пожал плечами:

– Постараемся, Мурген. Все, что можем, сделаем.

И принялся набрасывать раствор. Словно давал мне понять, что каждый должен сам разбираться со своими неприятностями.

– Ты меня ради этого позвал? – спросил я Гоблина.

Проблема даже по его меркам была слишком уж незначительной.

– Не только. Лонго, ты ничего не слышишь.

Человечек с лягушачьей физиономией проделал тремя пальцами левой руки замысловатый жест. Меж пальцев едва уловимо замерцало и тотчас погасло, и Лонгинус вернулся к работе с таким видом, словно совершенно оглох.

– Это необходимо?

– Болтлив он. Худого, конечно, не желает, просто ненаро-

ком повторяет все, что слышал.

– Да еще от себя приукрашивает. Знаю. Ладно, излагай.

– С этим Хозяином Теней что-то произошло. Мы с Одноглазым в этом убедились час назад, но, похоже, изменился он гораздо раньше. Он просто-напросто скрывает это от нас.

– Ты о чем?

Гоблин подался ко мне, как будто Лонгинус все-таки мог подслушать.

– Он идет на поправку, Мурген. Уже почти здоров. Ему нужно было оклематься, прежде чем они оба попрут на нас. Еще мы считаем, что свое исцеление он прячет больше от Длиннотени. Нас-то он не так боится, как дружка.

Я аж обмер, вспомнив вдруг нечто странное, творившееся сегодня на равнине. И ведь оно все еще продолжается!

– Твою же мать!..

– Что такое?

– Он пойдет на штурм сегодня! С минуты на минуту! Тенеземцы выходили на позиции, пока я спускался сюда. Я-то думал, будет как обычно... Надо поднять всех по тревоге.

Собрав оставшиеся силы, я поспешил назад. По пути объявлял тревогу каждому встречному.

Тенекрут не спешил. Отряд занял боевые посты на стене. Ведомая нами орда таглиосцев приготовилась к схватке, насколько это вообще было возможно. Я разослал предупреждения Могабе и Глашатаю нюень бао Кы Даму. Могаба, конечно, чокнутая сволочь, но не безнадежный дурак. Он, как ему кажется, отделяет личное от профессионального. Если Гоблин придет и заявит, что беда близка, Могаба его выслушает.

Повсюду заиграли тревогу горны. За стеной, как мы и ожидали, тотчас поднялся злобный рев.

Тут и гражданское население зачесалось. По темным улицам пронеслась волна ужаса – судя по шуму, куда сильнее прежних. Как всегда, джайкури, что постарше, вспомнили первое нашествие Хозяев Теней. Тогда на приступ шли сначала многочисленные сгустки Тьмы, юркие и смертоносные.

– Одноглазый! Тени там есть?

– Нет и быть не может. Им бы пришлось сюда от самого Тенелова добираться. Причем с позволения Длиннотени.

– Хорошо.

Я уже знал, на что способны Тени, кое-что повидал. Джайкури правильно делают, что боятся их.

– Хотя без волшбы не обойдется, это я тебе обещаю. Уже назревает.

– За что я тебя, коротышку, люблю, так это за умение приободрить.

Я окинул взглядом соседние участки стены. Разглядеть удалось немного, однако похоже было, что нападающих ждет достойная встреча.

Впрочем, если Тенекрут поправился, у них будет шанс.

– Мурген!

– Чего?

– Оглянись!

Я оглянулся.

Глашатай Кы Дам, явившись в сопровождении сына и нескольких внуков, жестами испрашивал позволения подняться к бойницам. При оружии был только сын, коренастый и бесстрастный; по слухам, мастер в обращении с мечом.

– Добро пожаловать, – кивнул я.

С виду Глашатай был на тысячу лет старше нашего Одноглазого, однако ему хватило резвости взойти наверх без посторонней помощи. Лишним весом он не был обременен. Волосы у него – те немногие, что не выпали, – были равномерными седыми пучками распределены по темени и физиономии. Если не считать россыпи печеночных пятен, его кожа не поблекла от старости. Глашатай был даже светлее некоторых из нас, северян.

Он слегка поклонился.

Я ответил, постаравшись в точности повторить его поклон. Это должно было означать уважение к равному и при-

бавить несколько очков в мою пользу, поскольку он на территории Отряда, а в Отряде главный – я, хоть и юн годами.

Я изо всех сил старался быть вежливым с Глашатаем и неустанно напоминал ребятам, чтобы относились к нюень бао терпеливо и бережно – даже в случае провокации. Я пытался вдохновить братьев на более тесные отношения с паломниками, нежели с обычными людьми.

Мы в чужих краях, и здесь у нас нет друзей.

Кы Дам устремил взгляд на темнеющую равнину. Какая гордая стать! Мало кто из джайкури сомневается в том, что он волшебник. Гоблин же с Одноглазым говорят, что его можно считать ведьмаком в устаревшем смысле этого слова, то есть мудрым, много изведавшим человеком.

Старик глубоко вздохнул, будто укрепляя свою ауру.

– В эту ночь будет не так, как всегда. – Говорил он на общетаглиосском – и без малейшего акцента. – Их повелитель восстановил свои силы. – Строго посмотрев на меня, он перевел взгляд на Гоблина с Одноглазым. – Э? Гм...

– Ты совершенно прав.

Я, в свою очередь, обратил внимание на свиту Глашатая. Мастер клинка казался слишком уж толстым и неуклюжим для своей репутации. А впрочем, много ли я знаю о культуре этого народа?

Внуки выглядели как самые обыкновенные нюень бао в расцвете сил. Словно они боятся, улыбнувшись либо еще как-то выразив свои чувства, лишиться души. Или, по мет-

кому замечанию Гоблина, словно каждому из них в задницу затолкали кактус.

Оставив Кы Дама вглядываться в потемки, я вернулся к своим делам. Его спутники постарались не путаться у меня под ногами.

Подошел Бадья:

– Все готово, командир.

Судя по возгласам, люди Хозяина Теней тоже были готовы начинать. Их горны заревели, точно самцы оленей в пору гона.

– Ну, это ненадолго, – проворчал я.

Они могли бы отложить это дело еще лет на двадцать. Я бы не возражал, мне спешить некуда.

С улицы к нам взбежал гонец из таглиосцев, одышливо прохрипел, что меня хочет видеть Могаба.

– Иду-иду. Скажи, минут через пять буду. – Я вгляделся в темноту. – Бадья, остаешься за старшего. Если что, заменишь меня.

– Ну да. Отряду только этого и не хватало. Очередного шута.

– Это я-то шут? Ну, я им задам!

Глашатай что-то произнес. Мастер меча, щурясь, вгляделся во мрак. В холмах появился свет и через пол-удара сердца погас. Звезда? Отблеск звезды? Нет. Ночь холодна, пасмурна и дождлива.

– Костяной Воин, – заговорил Глашатай, – возможно, мы

видим лишь малую часть происходящего.

– Возможно. – Что означает это прозвище? – Но мы, в отличие от нюень бао, не воины. Мы солдаты.

Ум старика, как и его тело, не утратил живости.

– Как пожелаешь, Каменный Солдат. Все может оказаться не тем, чем выглядит.

Интересно, он по пути сюда до этого додумался?

Собственное умозаключение Глашатая не порадовало. Резко повернувшись, он заспешил вниз по лестнице. Да так, что внуки с трудом поспевали за ним.

– О чем это вы? – поинтересовался Бадья.

– Понятия не имею. К тому же меня зовет его святейшество князь Черного Отряда.

Направившись к лестнице, я взглянул на Одноглазого. Наш колдун стоял лицом к холмам, вглядывался в то самое место, что привлекло внимание Кы Дама. Выглядел он при этом озадаченным и расстроенным.

Но на расспросы не было времени. Как не было и желания спрашивать.

Дурными вестями я уже был сыт по горло.

Росту в Могабе – шесть футов пять дюймов. Жира нигде ни унции, разве что меж ушей. Весь из костей и мускулов, в малейшем движении этакая плавная кошачья грация. И мышцы у него не перекачанные, это стальные канаты, и, чтобы оставаться в такой форме, он не жалеет труда. Лицом Могаба темен, но это скорее цвет махагониевого дерева, а не эбенового. Он прямо-таки излучает уверенность, непоколебимую силу воли.

Он быстро соображает, но никогда не улыбается. А если и выказывает веселье, то это всего лишь работа на публику. Сам шуток не любит и, вероятно, не понимает. Такого сосредоточенного человека ты еще поди поищи. А сосредоточен он на созидании и поддержании в надлежащем виде образа Могабы, величайшего воина всех времен.

Пожалуй, он и впрямь хорош – почти настолько, насколько о себе мнит. Я не знаю никого, кто мог бы сравниться с Могабой в любом из освоенных им навыков.

И прочие нары почти так же хороши в бою, как и надменно-самоуверенны в быту.

Самомнение – вот главная слабость Могабы, но, похоже, никому не под силу убедить его в этом. Тщательно пестуемая репутация – это ось, вокруг которой вращаются все его помыслы.

Увы, склонность к самолюбанию и самооправданию – не та черта характера, что вдохновляет солдат выигрывать сражения.

Между Могабой и нами не осталось ни крупицы приязни. Это он своим упрямством расколол Отряд на Старую Команду и наров. Для Могабы история Черного Отряда – это священный крестовый поход длиной в эпоху. Наши же ребята видят в Отряде большую несчастливую семью, которая старается уцелеть в мире, задавшемся целью погубить нас.

Спор разгорелся бы куда жарче, не будь под боком серьезного общего врага в лице Тенекрута.

Даже многим из людей Могабы уже не кажется, что у командира все дома.

То, о чем Костоправ твердил с того момента, как впервые взялся за перо и бумагу, можно отнести к вопросам порядка и дисциплины. Затевать свары с начальством, как бы сильно оно ни ошибалось и как бы много ни мнило о своем уме, – это непорядок. Вот я и стараюсь держаться в рамках дисциплины.

Костоправ быстро возвысил Могабу, за его незаурядные таланты сделал третьим человеком в Отряде, после себя и Госпожи. Однако это не означало, что в отсутствие Костоправа и Госпожи Могаба автоматически становится Капитаном. Новый Капитан должен быть избран. В ситуациях, подобных сложившейся здесь, в Дежагоре, обычай велит опросить солдат: считают ли они, что выборы нужно устроить без-

отлагательно? Если полагают, что старый Капитан некомпетентен, безумен, дряхл, мертв или по какой-то другой причине нуждается в немедленном замещении, значит выборам быть.

Не могу припомнить ни одного примера из Анналов, когда бы солдаты отвергли старшего по чину кандидата, но случись выборы сегодня, возможно, появится прецедент. При тайном голосовании даже многие нары могут выразить Могабе недоверие.

Пока мы в осаде, никаких голосований не будет. Я сам стараюсь свести на нет любую попытку организовать выборы. Может, Могаба и не в своем уме. Может, я и отношусь без всякого трепета к тому, что для него свято. Однако только у него достаточно воли, чтобы управлять тысячами норовистых таглиосских легионеров и в то же время держать в узде джайкури. Падет он – на пост заступит его помощник Синдав, затем – Очиба, а уж потом, быть может, я, ежели не успею слинять.

Пока длится осада, солдаты и гражданские куда больше боятся Могабу, чем уважают, – вот что меня беспокоит. Страх, как неоднократно сообщали Анналы, – наиболее благоприятная почва для предательства.

Совещания штаба Могабы проходили в цитадели, на самой верхотуре; там колдунья Грозотень оборудовала себе командный пункт. Могаба полагал, что высота башни – пустяк по сравнению с теми расстояниями, которые мы, подчиненные, обязаны ежедневно преодолевать. Своего же боевого поста на стене он оставлять не любил, поэтому я мог рассчитывать, что совещание не затянется.

Держался он вежливо, хотя всем было видно, как нелегко ему это дается.

– Я получил твое донесение, – сказал он мне. – И нашел его не слишком внятным.

– Так и было задумано. Чтобы гонец не разболтал новость по пути к тебе.

– Из этого следует, что новость плоха.

Он говорил на языке Самоцветных городов, освоенном Отрядом на службе синдику Берилла. Чаще всего мы пользовались этим языком, когда не желали быть понятыми местными. У Могабы причина была другая – он все еще слабо владел таглиосским и без переводчика обойтись не мог. Он и на берилльском диалекте говорил с ужасным акцентом.

– Да уж точно не из хороших, – сказал я, и Синдав, друг Могабы, перевел для присутствующих таглиосских офицеров. – Гоблин и Одноглазый, – продолжал я, – говорят, что

Тенекрут уже совершенно выздоровел и готовится нынче ночью с размахом отпраздновать это событие. Значит, нам надо ждать не обычного тревожащего нападения, а мощнейшего удара всеми наличными силами.

Дюжина пар глаз взирала на меня, моля богов, чтобы услышанное оказалось чем-нибудь вроде подлого розыгрыша, до которых так охочи Гоблин с Одноглазым. Взгляд Могабы сделался ледяным; когда на тебя вот так смотрят, хочется отречься от своих слов.

Могаба не пользуется услугами этой пары, постоянно вызывавшей трения между ним и Старой Командой. Он свято уверен, что колдунам, ведьмакам и прочим волшебникам, уж каким ни на есть жалким, не место среди воинов, коим надлежит полагаться лишь на собственную силу, сметку, волю и, может быть, еще на каменную твердость командира, если таковая имеется в наличии.

Гоблин же с Одноглазым мало того что колдуны, мало того что разболтанны, недисциплинированны и вздорны, так еще и менее прочих склонны признавать его, Могабу, лучшим приобретением Черного Отряда за все прошедшие и на все будущие времена.

А особенно Могаба ненавидит Тенекрута, ведь тот, конечно же, никогда не выйдет на честный поединок, легенды о котором остались бы в веках.

Могаба хочет занять место в Анналах, и не абы какое, а самое главное. И похоже, он это место получит – однако не

так, как ему мечтается.

– У тебя есть соображения, как нам с этим справиться? – Могаба не выказывал никаких чувств, хоть и понимал, что выздоровление Тенекрута наверняка изрядно приблизило час нашей гибели.

Я бы предложил помолиться, однако Могаба явно пребывал не в том расположении духа, чтобы посмеяться над шуткой.

– Боюсь, что нет.

– И в книжках твоих не найдется подсказки?

Он имел в виду Анналы. Как же старался Костоправ усадить Могабу за их изучение! Старик мастерски отыскивал в летописи Отряда прецеденты и извлекал из них практическую пользу – в основном потому, что не очень-то доверял своим командно-стратегическим талантам. А вот у Могабы самоуверенности хоть отбавляй, и он под любыми предложениями избегал знакомства с нашей историей. И лишь недавно до меня дошло, что он не умеет ни читать, ни писать. В некоторых странах грамота не считается мужским делом. Наверное, так обстояло дело и у наров в Гиэ-Ксле, несмотря на то что ведение Анналов – священный долг братьев Черного Отряда.

– Есть одна, но не знаю, сгодится ли. Проверенная временем тактика – отвлечь колдуна на второстепенную цель, где он причинит меньше ущерба. Это надо повторять, пока он не выдохнется либо пока не появится шанс подобраться к

нему и перерезать глотку. Второе нам не подходит – на этот раз Тенекрут будет осторожнее. Думаю, он даже из лагеря не высунется, если только мы его не выманит.

Могаба кивнул. Услышанное его не удивило.

– Синдав?

Эти двое с самого раннего детства друзья неразлейвода. Синдав теперь у Могабы правая рука, а еще он командует первым таглиосским легионом, лучшим среди таглиосских подразделений. И старейшим. Как только мы прибыли в Таглиос, Могаба по поручению Костоправа взялся натаскивать новобранцев, и этот легион – его детище.

Синдав мог бы сойти за брата Могабы. А иногда он ведет себя как Могабова больная совесть. Пожалуй, Могаба дорожит его добрым мнением, даже не отдавая себе в этом отчета.

– Может, попробуем удрать? – предложил Синдав. – Га-га-га! Шучу.

Могаба шутки не понял. А если и понял, то не нашел в ней ничего смешного.

– Как насчет того, чтобы пострелять из баллист? – спросил я. – Если Тенекрут в пределах досягаемости, случайно можем попасть.

Это мы проделывали в ходе великой битвы, прежде чем оказались в ловушке. И ведь повезло: мы выжили. Правда, это сомнительное везение, поскольку мы теперь сидим по уши в дерьме. Жаль, что не удалось тогда насмерть прихлопнуть Тенекрута.

– Быстрота и маневр, – решил Могаба. – Выстрел – и смена позиции. Под прямой удар не подставляем, иначе нам долго не продержаться. Будем вести анфиладный обстрел, пока Тенекрут не отвлечется на что-нибудь. В глаза ему смотреть не станем.

Зато Могаба посмотрел в глаза мне. Ему была нужна помощь Гоблина и Одноглазого, однако гордость не позволяла просить. Он, помнится, во всеуслышание заявлял, что волшебны не потерпят, что ей не место в Черном Отряде. Колдовство – дело низменное, бесчестное, это своего рода жульничество. Обычному человеку нечего противопоставить иллюзиям. Всякий раз, когда Могаба встречал наших коротышек, он вываливал им на голову эти упреки. И даже сулил Гоблину с Одноглазым немалые выгоды в случае, если они согласятся покинуть «его» Отряд.

Помощь тебе понадобилась? Ну не забавно ли – какую гибкость приобретает человек, когда в затылок ему дышит верная смерть?

Впрочем, гибкость гибкости рознь. Могаба не просит о колдовской помощи напрямую.

Я не стал тянуть из него жилы. Не имею такой привычки. Да к тому же была надежда, что моя уступчивость обозлит его куда сильнее.

– Каждый из нас должен сделать все, что от него зависит, – сказал я. – Если не справимся, наши разногласия даже дерьма не будут стоить.

Могаба поморщился. Среди множества качеств, необходимых воину-нару, красноречие не значит. На каком бы языке он ни изъяснялся.

Хорошо, что мы говорили на берилльском диалекте. Дискуссия продолжалась долго, Синдав переводил, и таглиосские офицеры уже с сомнением слушали его лишённую эмоций речь. Мы, Черный Отряд, в общении с посторонними всегда держим одну и ту же мину. Это особенно важно в отношениях с нанимателями. Не положено им знать, что у нас на уме. Потому что у этих господ есть дрянной обычай: заранее прикидывать, как бы натянуть нам нос, едва мы спасем их царственные задницы.

Считая братьев, принявших присягу с того дня, как мы прибыли в этот «благословенный» край, а также наров и Старую Команду, нас в Отряде теперь шестьдесят девять. Главная защита Дежагора – десять тысяч плохо обученных таглиосских легионеров, сколько-то бывших тенеземских рабов, примкнувших к нам добровольно, но ни на что серьезное не годных, да горстка джайкури, от которых пользы еще меньше. И с каждым днем это войско заметно убывает в числе. Старые раны и новые хвори косят наши ряды едва ли не успешнее, чем вражеские атаки.

Могаба удостоил меня легким поклоном – это у него выражение признательности. Вслух благодарить не стал.

Синдав с Очибой, сдвинув головы, обсуждали только что полученные донесения.

– Времени на разговоры не осталось, – объявил Синдав. – Противник вот-вот пойдет на штурм.

Сказано это было по-таглиосски. Синдав, в отличие от Могабы, постарался освоить язык как следует. Теперь силится понять культуру и образ мышления нескольких таглиосских племен – на мой взгляд, совершенно чумовых.

– Тогда расходимся по местам, – распорядился Могаба. – Мы же не хотим разочаровать Тенекрута?

Вот он, наш Могаба, во всей красе. Он взволнован до крайности, прямо-таки рвется в бой. Ему не терпится применить новую тактику и посмотреть, насколько уменьшатся наши потери.

Я ушел, не сказав ни слова. И не дождавшись разрешения. Могаба знает, что я не считаю его Капитаном. Время от времени мы спорим на эту тему. Я не соглашусь признать его верховенство, пока не будет проведено голосование по всей форме. Подозреваю, он к выборам еще не готов, боится, что его популярность недотягивает до Капитанской.

И я выборы торопить не стану. Старая Команда может предпочесть меня, а мне такая работа не в радость. Да и не гожусь я для нее, если быть честным с самим собой. Я, черт подери, даже с Анналами едва справляюсь. Уму непостижимо, как это Костоправ успевал еще и кучей других дел заниматься.

Всю дорогу до моего участка стены я преодолел бегом.

12

Что-то, взявшееся неведь откуда, не видимое более никому, беззвучным смерчем вынырнуло из мглы небытия, настигло меня и поглотило. И никто не видел, как оно вцепилось в мою душу, рвануло и понесло во тьму.

«Боги! – подумал я. – Неужто вернулся, обрета великую мощь, Хозяин Теней? Но зачем ему понадобился я? Ведь моя роль поистине ничтожна...»

Меня властно призывали куда-то, и я не мог устоять. Сопротивлялся, но очень скоро понял: на самом деле мне не хочется победить в этой борьбе.

Я был в смятении. Совершенно не понимал, что происходит. Клонило в сон... Может, все это просто мерещится с недосыпу?

Затем голос, казавшийся смутно знакомым, назвал меня по имени:

– Мурген! Мурген, очнись! – (Тут меня бросило в сторону, как от удара, но, если и был удар, я его не ощутил.) – Давай, Мурген! Борись!

Что?

– Очухивается. Очухивается!

Я застонал, что, судя по новой вспышке радости, было немалым успехом.

Я застонал снова. Теперь мне известно, кто я такой. Но где нахожусь? И как тут оказался? И чей это голос?

«Да встаю, – хотел было сказать я. – Встаю, черт бы вас побрал!»

Наверное, снова учения... Я попробовал встать, но мускулы отказались поднимать тело. Совсем одеревенели. Меня подхватили под руки.

– Ставь на ноги, – сказал другой голос. – Пусть пройдетя.

– Надо бы найти способ предотвращать такие приступы, – заявил первый.

– С удовольствием выслушаю любые идеи.

– Но это ж ты у нас лекарь...

– Да не хворь это, Гоблин, а колдовство. Ты сам колдун, вот и выясняй.

– Нет, командир, это не колдовство.

– Тогда что же за чертовщина?

– А если даже и колдовство, то я ни о чем подобном даже не слыхивал.

Меня поставили на ноги. Колени подогнулись, однако ребята не дали мне упасть.

Приоткрыв один глаз, я увидел Гоблина и нашего Старика. Но Старик же мертв... Я шевельнул для пробы языком:

– Похоже, я очнулся.

На этот раз слова выговорились, хоть и с трудом, но разборчиво.

– Очнулся, – подтвердил Гоблин.

– Помоги ему идти.

– Да не пьяный он, Костоправ! Он здесь, в полном сознании. Справится и сам, никуда не денется. Ведь так, Мурген?

– Да. Я здесь. Я никуда не денусь, пока бодрствую.

Хотя где это «здесь»? Я огляделся. А-а... Снова здесь...

– Что стряслось? – спросил Старик.

– Меня снова утащило в прошлое.

– Дежагор?

– Ну да, как всегда. На этот раз – в тот день, когда ты вернулся. И когда я встретил Сари.

Костоправ только крикнул.

– С каждым разом боль все слабее. Сегодня вообще прошло легче легкого. Но и, кроме боли, все плохое сходит на нет. Я не увидел и половины тех ужасов, что там есть...

– Это же хорошо. Может быть, если полностью избавишься от боли и страха, прекратятся и приступы...

– Да не сошел я с ума, Костоправ! Не сам же все это проделываю с собой.

– А возвращаться ему с каждым разом все труднее, – заметил Гоблин. – Сегодня уже не выкарабкался бы без нашей помощи.

Пришла моя очередь крикнуть. Что же получается? Может выйти так, что меня снова и снова будет забрасывать в надир моей жизни?

Впрочем, Гоблин не догадывался о самом худшем. Я еще не вернулся. Меня вытащили из бездны прошлого, но я еще не здесь, не с ними. Все происходящее сейчас – тоже мое прошлое, только в этот раз я понимаю, где нахожусь. И знаю, какие напасти готовит мне будущее.

– На что это было похоже?

Гоблин, как обычно, вглядывался в мое лицо. Будто какой-нибудь нервный тик мог послужить подсказкой, необходимой для моего спасения. Костоправ прислонился к стене – он часто так делает. Старик был вполне удовлетворен тем,

что я заговорил.

– То же, что и всегда. Только не так болезненно. Хотя на этот раз поначалу я был не совсем я. Вот в чем разница. Я был просто точкой наблюдения... ну, или голосом бестелесного проводника, рассказывающим безликому путнику, что тот видит вокруг.

– Путник тоже бестелесный? – спросил Костоправ.

Эта разница его заинтересовала.

– Нет, там определенно кто-то был. Человек как человек, только без лица.

Гоблин с Костоправом встревоженно переглянулись. Масла и Крутого в этот раз с нами не было.

– Какого пола? – спросил Костоправ.

– Не разобрал. Хотя это был не Безликий. Вряд ли кто-то из нашего прошлого. Должно быть, он просто возник у меня в сознании. Наверное, мне пришлось разделить на части, чтобы легче переносить такие жуткие приступы боли...

Гоблин недоверчиво покачал головой:

– Это не ты, Мурген. Все это проделывает кто-то – или что-то – помимо тебя. Надо бы узнать, кто он. А еще выяснить, что ему нужно и почему он выбрал тебя. Ты не уловил какие-нибудь намеки? Как все происходило? Попробуй вспомнить. Мельчайшая деталь может послужить зацепкой.

– Когда это началось, я был полностью разъят. А после снова стал Мургеном, который все переживал заново, пытался занести в Анналы происходящее и ничего не знал о буду-

щем. Помнишь, как ты сам мальчишкой ходил купаться? И кто-нибудь подкрадывался сзади, чтобы тебя макнуть? Выпрыгивал из воды повыше, ладонью упирался в твою макушку, а после всем весом топил? А ты, если глубоко, вместо того чтобы двигаться прямо вниз, изворачивался и как бы ложился на живот? Так же точно и здесь. Только на живот-то я переворачиваюсь, а выплыть наверх не могу. Я забываю, что проделывал это уже многократно и всегда получалось одинаково. Может, вспомни я хоть раз будущее, попытался бы изменить ход вещей или, по крайней мере, сделать запасные копии с моих книг, чтобы они не...

– Что? – Костоправ наострил уши. Стоит помянуть Анналы, и все его внимание в полном твоём распоряжении. – О чем это ты?

Сообразил ли он, что я вспоминаю будущее? Ведь в настоящий момент мои тома Анналов еще целы.

Волна страха и боли захлестнула меня с головой. За страхом и болью последовало отчаяние – несмотря на все погружения в прошлое и визиты в настоящее, мне не предотвратить того, что произойдет. Никакой силы воли не хватит, чтобы отвернуть в сторону реку, несущую нас в бездны ужаса.

На несколько секунд я утратил дар речи – столь многое хотел сказать. Затем, хоть и не впрямую, сумел облечь мысли в слова:

– Ты хочешь поговорить о роще Предначертания?

Я хорошо помнил тот вечер. Достаточно часто здесь проезжал, успел изучить дорогу. Ландшафт, правда, каждый раз слегка менялся, но далее время вновь оборачивалось все той же неумолимой рекой...

– Роща? – удивленно переспросил Костоправ.

– Тебе нужно, чтобы я повел Отряд к роще Предначертания, верно? Близится Фестиваль Огней, что бы это ни значило. Ты считаешь, что на нем может появиться Нарайян Сингх. Самое время изловить его – или кого-нибудь из тех, кто знает, где Нарайян прячет твоего ребенка. На худой конец, у нас будет шанс перебить многих из них, причинить этой секте больше вреда, чем она причинила миру.

В своем намерении извести обманников Костоправ был тверд. Даже тверже, чем Госпожа, а ведь из них двоих сильнее была оскорблена она. Когда-то, давным-давно, он счел своим священным долгом замкнуть кольцо истории Отряда. Он решил стать тем Капитаном, который приведет Отряд назад, в Хатовар. Эту мечту он лелеет до сих пор, однако воцарившийся кошмар наяву отодвинул ее на второй план. Кошмар берет свое, и, пока плетется эта паутина ужаса, боли, жестокости и мести, Хатовар остается лишь предлогом, но не целью.

Костоправ неуверенно разглядывал меня.

– Откуда ты знаешь про рощу Предначертания?

– Я вернулся назад, уже зная.

Что было сущей правдой, вот только «назад» мы могли

понимать по-разному.

– Так ты поведешь туда наших?

– Не могу не повести.

Теперь и Гоблин недоуменно воззрился на меня.

Я сделаю то, о чем просит Костоправ. Я знаю, как все произойдет, однако не могу объяснить этого товарищам. В моей голове два разума. Один рождает вот эти мысли, другой же тем часом набивает тросы и рифит паруса.

– Сейчас я в порядке, – сказал я. – По-моему, есть способ уберечься от этих приступов. По крайней мере, не так глубоко уходить в прошлое. Только объяснить я его не могу.

Невелико удовольствие – раз за разом спотыкаться о кромку времени и проваливаться в мрачные, до жути реальные сны про оборону Дежагора. Пусть даже превращаясь в точку наблюдения, почти нечувствительную к ужасу, почти равнодушную к творящимся повсюду чудовищным злодеяниям.

Костоправ о чем-то заговорил, но я перебил:

– Через десять минут приду в штаб на собрание.

Я ничего не могу рассказать прямо, но, быть может, удастся хоть что-то объяснить намеками.

А впрочем, я же знаю: ничего не изменится. Самое ужасное ждет нас впереди, и я бессилён отвести беду.

Однако в роще я сделаю все от меня зависящее. А вдруг на этот раз выйдет иначе? Если бы только вспомнить будущее получше да сделать верные ходы...

Ты! Кто бы ты ни был! Ты вновь и вновь увлекаешь меня к истокам боли. Зачем тебе это нужно? Что тебе вообще нужно? Кто ты есть и что ты есть?

Молчишь? Да, ты всегда молчишь...

Ох и зубаст же проклятый ветер! Кутаясь в одеяла, мы стучали зубами и мечтали поскорее убраться из этих жутких дебрей. Не понимали, что мы тут делаем, дрожа, точно беззащитные цуцки. Была б наша воля, мы бы сюда и вовсе не сунулись.

И все-таки нечто неуловимое, какая-то увертливая эмоция в глубине моего существа твердила, что задача у нас крайне важная и оплошать мы не имеем права. Мне даже не представить, как много от этого зависит.

Невидимые во тьме, деревья потрескивали и поскрипывали. Под стоны и плач ветра очень легко дать волю воображению, и тогда начнут мерещиться многие тысячи замученных насмерть в этом лесу. Это их стоны и плач, это их мольбы о милосердии, не находящие отклика даже теперь. Того и гляди мертвые восстанут перед тобой, требуя отмщения живым...

Я, хоть и старался держаться героем, не мог унять дрожи. Укутался поплотнее в одеяло, но и это не помогло.

– Эй, неженка! – насмешливо окликнул меня Одноглазый, словно самому ему, мелкому пакостнику, легче легкого было держать себя в руках. – Если Гоблин не прекратит шараться по округе, я спущу со старого пердуна штаны и посажу его тухлой задницей на глыбу льда! Гвоздями прибью,

чтобы не слез!

– Вот это называется «творческий подход».

– Не умничай, Щенок. А не то...

Остаток фразы был унесен сильным порывом ветра, и я так и не узнал, чем меня хотел напугать Одноглазый.

Дрожали мы все не только от холода, хотя никто не признался бы в этом. Мы очутились в жутком месте, и нас страшила наша задача, да вдобавок по вине громадной тучи мы лишились даже той жалкой помощи, что оказывали нам звезды.

Ночь выдалась чертовски темная. А душилы, похоже, сдружились с теми, кто правит Тенями. Принесла такой слухок сорока на хвосте. Вернее, не сорока, а большая черная птица.

– Мы слишком задержались в городе, – посетовал я.

Одноглазый промолчал. За него ответил Тай Дэй. Парень лишь буркнул, но для него это была целая тирада.

Ветер донес до моих ушей хруст потревоженного осторожной поступью хвороста.

– Гоблин, черт тебя дерит! – рявкнул Одноглазый. – Кончай топать! Хочешь, чтобы весь мир узнал, что мы здесь?

А ведь Гоблина даже за пять шагов мы бы не услышали, хоть он пляши. Нет у Одноглазого никакого уважения к законам природы и к логике простых смертных.

Передо мной возник Гоблин, опустился на корточки. Его желтые зубки выстукивали дробь.

– Все готово, – шепнул он. – Дело за тобой.

– Тогда лучше бы начать, – буркнул я в ответ, поднимаясь на ноги. – Пока я не сломался под тяжестью здравого смысла.

Колени скрипнули. Мускулы не желали растягиваться. Я выругался. Похоже, слишком стар я для таких приключений, хотя среди наших в свои тридцать четыре остаюсь юнцом.

– Подъем, – сказал я достаточно громко, чтобы услышали все.

Знаками в темноте не объяснишься.

Мы находились с подветренной стороны, да и Гоблин постарался, так что о шуме можно было не тревожиться.

Наши растворились во мгле – столь тихо, что даже почувдилось, будто я остался совсем один, если не считать ординарца. Мы с ним тоже двинулись вперед. Тай Дэй прикрывал мне спину. Темнота ему вовсе не мешала. Кошачьи глаза у парня.

Меня обуревала уйма самых разноречивых чувств. Я впервые командовал в рейде и сомневался, достаточно ли очухался от дежагорских впечатлений, чтобы справиться. Я по-прежнему шараялся от теней и, сам не понимая почему, был маниакально подозрителен ко всем, кто не числился в Отряде. Однако Костоправ настоял, и вот я здесь, в темном недобром лесу, с сосульками на заднице, руковожу первой самостоятельной операцией Отряда после нескольких лет бездействия. Хотя, если учесть, что каждого из нас сопровождает ординарец-телохранитель, мы не так уж и са-

мостоятельны.

Заставляя себя продвигаться вперед, я одолел неуверенность. Черт возьми, теперь слишком поздно отступить.

Покончив с тревогами на свой собственный счет, я обратился к заботам об Отряде: как мы будем выглядеть по завершении дела? Если провалим его, списать это на ненадежность и неумелость таглиосцев, на их внутренний раздор, то есть на обычные палки в наших колесах, не получится.

Я добрался до гребня невысокого холма. Руки заледенели, однако тело под одеждой обливалось потом. Впереди замаячил свет – это обманники, чтоб им пусто было, блаженствуют у костра. Остановившись, я напряг слух, однако ничего не услышал.

Откуда Старик вызнал, что главари обманников именно в этом году соберутся здесь на свой Фестиваль? Его способность добывать сведения порой пугает. Может, Госпожа постаралась? А может, он и сам обладает кое-какими магическими способностями, предпочитая об этом помалкивать?

– Ну, сейчас посмотрим, сохранился ли у Гоблина этот талант, – сказал я.

Тай Дэй не ответил даже своим обычным бурканьем. Но молчание было достаточно красноречивым.

Вожаков душил должно было собратиться три-четыре десятка. Мы непрерывно охотились за ними с тех пор, как Нарайян похитил дитя Костоправа и Госпожи. Тогда-то Старик и выбросил из Отрядного словаря слово «пощада». Тем са-

мым он уравнил нашу философию с философией обманников, о чем эти сомлевшие у костра парни, конечно же, никогда не задумывались.

Гоблин своих умений не растерял – все часовые уснули мертвым сном. Однако, как всегда, составленный загодя план не совпал с действительностью.

Я полз футах в пятидесяти от костра, и тут рядом из большого уродливого шалаша выбрался на цыпочках, как будто его выслеживали все дьяволы ада, человек, сгибающийся под тяжестью изрядной величины узла. Узел дергался и хныкал.

Я сразу же смекнул, что это за субчик.

– Нарайян Сингх! Стоять!

Верно, Мурген! Пусть у мерзавца ноги с перепугу отнимутся.

Остальные тоже признали его. Поднялся многоголосый рев. Просто не верилось в такое везение, хоть меня и предупредили, что в роще Предначертания может оказаться самая лакомая добыча. Нарайян Сингх – обманник номер один, злодей, за которым Госпожа с Капитаном охотились долгие годы, дюйм за дюймом сужая кольцо.

А в этом узле наверняка их дочь.

Я заорал, отдавая приказы. Однако люди, вместо того чтобы повиноваться, принялись действовать кто во что горазд – в основном погнались за Сингхом. Воцарившийся шум разбудил остальных обманников. Самые проворные бросились бежать.

К счастью, кое-кто из наших не потерял голову.

– Ну, теперь-то согрелся? – спросил Гоблин.

Я перевел дух, краем глаза заметив, как Тай Дэй вонзил тонкий клинок в глаз ничего не соображавшего спросонья душили. Мой телохранитель глоток не режет – не любит грязи.

Все было кончено.

– Много мы уложили? Многим ли удалось уйти?

Я взглянул туда, куда убежал Сингх. Тишина в той стороне не сулила ничего радостного. Изловив его, ребята непременно грянули бы «Ура!».

Вот проклятье! Рано я, выходит, торжествовал. Если бы удалось приволочь его в Таглиос... Если бы желание да было конем...

– Несколькоких возьмите живьем, пусть нам сказочек на сон грядущий порасскажут. Одноглазый! Как этому черту удалось понять, что мы рядом?

Карлик пожал плечами:

– Откуда мне знать? Может, богиня ихняя его за гузно ущипнула...

– Да нет, похоже, Кина тут ни при чем.

Но я вовсе не был в этом уверен.

Тай Дэй подал мне знак.

– Верно. Я и сам об этом подумал.

Взгляд Одноглазого сделался озадаченным.

– Вы о чем? – проворчал Гоблин.

Как всегда, наши ведуны на высоте!

– Ребята, вы хоть елду свою без карты местности отыщите? Шалаш, старички! Шалаш! Не много ли веток для одного злобного коротышки с ребятенком по колено ростом? Не великоват ли шалашик – даже для живого святого и дочери богини?

Одноглазый гаденько ухмыльнулся:

– Никто больше оттуда не выходил, так? Так. Что, поджигать?

Прежде чем я успел ответить, Гоблин заверещал. Я обернулся. Бесформенный сгусток тьмы, видимый только в отсветах костра, вырвался из шалаша – и я здорово приложился о землю, сбитый с ног Тай Дзем. Надо мной полыхнуло, молнии вокруг с сухим треском впились в землю. Со всех сторон летели стремительные огненные шары.

Затем убийственная тьма испещрилась, как будто ее проела моль, и распалась на клочки.

Вот, значит, что заставляло нас дрожать в засаде... Однако этот раунд мы выиграли.

Я сел и показал пальцем:

– Давайте поглядим на нашу добычу. Думаю, это будет интересно.

Ребята мигом развалили шалаш. И конечно же, увидели в свете костра полдюжины старичков – сморщенных, малорослых и коричневых, точно каштаны.

– Тенеплеты. В компании с душами. И правда любо-

пытно.

Старикашки залепетали, выражая полную готовность сдать.

С тенеплетами мы встречались и раньше. Личным героизмом эта порода не отличается.

– Тенеземцы – славные ребята, после того как услышишь от них «Сдаюсь», – с ухмылкой сказал один из наших, по имени Хлуп. – Наверное, все они обучены самым ходовым таглиосским словечкам.

– Кроме Длиннотени, – напомнил я и повернулся к ординарцу. – Спасибо, Тай Дэй.

Он пожал плечами – у нюень бао, кстати, такого жеста нет.

– Так нужно Сари.

А вот это как раз в духе нюень бао: все, что делается хорошего, списывать на сестринские пожелания, и ни намек на чувство долга или дружеские симпатии.

– Что с этими? – спросил Хлуп. – Они нам нужны?

– Оставим парочку: самого старшего и еще одного. Гоблин, ты так и не сказал, многим ли удалось удрать.

– Троиц, считая Сингха и не считая малышки. Но одного мы вернем, поскольку он прячется вон в тех кустах.

– Живым. Покажем его Старику.

Одноглазый саркастически заскрипел:

– Что власть с человеком делает, ай-яй-яй! Дали ему чуток, так уже маршалом себя мнит. А помнится, таким салагой был когда-то, не успевал овечье дерьмо между пальцами

выковыривать – потому как о башмаках и понятия не имел.

Однако в его глазах веселья не наблюдалось. Он, словно ястреб, следил за каждым моим шагом. Вернее, словно ворона, хотя в эту ночь ворон вокруг не наблюдалось. Что бы Гоблин с Одноглазым на этот счет ни придумали, у них получилось.

– Да успокойся ты, Мурген, – посоветовал Гоблин. – Что могли, мы сделали. Эй, лентяи! Как насчет подбросить пару полешек в костер?

И они с Одноглазым, заходя с разных сторон, принялись ловить спрятавшегося обманника.

Колдуны верно подметили – у меня здорово сдавали нервы. Я себе казался тысячелетним старцем. Пережить осаду Дежагора было нелегко. Однако и остальные через это прошли. Они тоже видели Могабу, истреблявшего ни в чем не повинных людей. Они тоже пережили моровые поветрия. Они тоже лицезрели людоедство и человеческие жертвоприношения, измены и обманы и все прочее... И вынесли все это, не позволив кошмарам одержать над собой верх.

Я должен взять себя в руки. Должен как-то отрешиться от всех этих страстей и взглянуть с более отдаленной точки зрения. Но ведь то, что творится в моем сознании, не поддается контролю и даже пониманию. Порой возникает такое чувство, будто я не один, этих «я» несколько и сидят они где-то там, за спиной у меня настоящего, наблюдают... Может, нет ни единого шанса восстановить здравость ума и душев-

ную целостность.

Гоблин уже шагал обратно, вместе с Одноглазым вел человека, сплошь состоящего из костей и кожи. Да, немногим обманникам нынче удается держать хорошую форму. Нигде-то у них нет друзей. Их травят, как бешеных хищников, и за их головы объявлено огромное вознаграждение.

Гоблин расплылся в своей жабьей улыбке:

– Краснолапого взяли, Мурген. У парня черный румел и красная ладонь. Как тебе подарочек?

Я воспрянул духом: попалась крупная рыба. Красное пятно на ладони означает, что он был в этом лесу, когда Нарайян Сингх обманом убедил Госпожу в ее принадлежности к культуре душил, а обманники поверили в то, что ее еще не родившееся дитя – дочь богини Кины.

Однако Госпожа тоже не лыком шита – она пометила красным каждого душилу, чтобы впоследствии никто не смог скрыться. И от метки можно избавиться только вместе с рукой. Однорукому же душели не управиться с румелом – платком-удавкой, орудием священного промысла обманников.

– Старик будет доволен.

Краснорукий должен быть в курсе всех внутрикультурных дел.

Я подсел к костру; Тай Дэй помог избавиться от лишних тенеплетов и устроился рядом. Сколь сильно его изменил Дежагор? Я никак не мог представить ординарца иным – таким,

как сейчас, угрюмым, неразговорчивым, безжалостным он, похоже, был с самого рождения.

Я заметил, что Гоблин ведет себя как и прежде, то есть наблюдает за мной краем глаза, но делает вид, что занят чем-то еще. Что их с Одноглазым беспокоит?

Коротышка протянул руки к огню:

– Эх, хорошо!

Паранойя сделалась нашим образом жизни. Мы уподобились нюень бао: не доверяли никому. И никого не посвящали в дела Черного Отряда, не убедившись перед тем в хорошем отношении к нам. Особенно старались держать во мгле неведения наших нанимателей, Прабриндра Дра и его сестру Радишу Дра.

Этим двоим доверять мог лишь тот, в чьих услугах они были кровно заинтересованы.

Тайком проведя пленных в город, я спрятал их неподалеку от реки, на складе, принадлежавшем дружественным шадаритам и расточавшем на всю округу мощный рыбный запах. Мои люди разошлись – кто с семьей повидаться, кто хлебнуть пивка. Я был доволен. Одним молниеносным коварным ударом уничтожено девять десятых верхушки обманников. Мы едва не взяли этого изверга, Нарайяна Сингха. Я побывал на расстоянии плевка от Костоправова чада. И потому, ничуть не кривя душой, могу рапортовать, что сходили мы не зря.

Тай Дэй пинками заставил пленных опуститься на колени. Глядя, как он морщит нос, я сказал:

– Да, неприятно. Но эта вонь вполнину слабее той, что стоит на ваших болотах.

Таглиосцы считают дельту реки своей вотчиной, однако

нюень бао с этим не согласны.

Тай Дэй буркнул. К шуткам он восприимчив не хуже любого из нас.

Выглядит мой телохранитель не сказать что внушительно: тощ, длиннолиц, угрюм и замкнут. На целый фут ниже меня и на восемьдесят фунтов легче. Черные волосы грубо острижены, торчат грязными окустями. Я по сравнению с ним писанный красавец. Но дело свое Тай Дэй знает туго.

Шадарит, торговец рыбой, привел к нам Капитана. Костоправ за эти годы заметно постарел. Надо бы величать его командиром или начальником – неудобно звать Стариком человека, который действительно стар.

Со стороны его не отличишь от шадаритского конника: тюрбан, борода и простая серая одежда. Тай Дэй Капитан смерил холодным взглядом – сам он не обзавелся ординарцем из нюень бао. Счел эту идею малопривлекательной, даром что вынужден был маскироваться всякий раз, когда желал пройтись по городу в одиночестве. Ординарцы – не в традициях Отряда, а когда речь идет о традициях, Костоправа не переупрямишь.

А вот у Хозяев Теней все офицеры обзавелись телохранителями и денщиками. Иные даже несколькими. Просто жить без них не могут.

Тай Дэй мрачный взгляд Костоправа выдержал бесстрастно; присутствие великого диктатора его ничуть не смущало. Очевидно, парень думал так: «Он всего лишь человек, и я

всего лишь человек; мы изначально равны».

Костоправ осмотрел нашу добычу:

– Рассказывай.

Я изложил ход событий:

– Только Нарайяна упустил. А ведь был совсем близко.

У этого подонка наверняка ангел-хранитель имеется – разве можно ускользнуть от сонных чар Гоблина? Мы гнались за ним два дня, но даже Гоблину с Одноглазым не под силу держать след вечно.

– Ему помогли. Может, дьявол-хранитель, а может, и его новый дружок, Хозяин Теней.

– Как вышло, что они вернулись в рощу Предначертания?

Откуда ты узнал об этом?

Я ждал, что он скажет: «Черная ворона на хвосте принесла».

За Костоправом по-прежнему всюду следуют вороны, хотя теперь их не так много, как раньше. Старик то и дело обращается к ним. Иногда они даже отвечают, если ему верить.

– Ну, должны же они были когда-нибудь вернуться. Душилы рабы своей веры.

Почему именно на этот Фестиваль Огней? Откуда у тебя такие сведения?

Но я не стал выпытывать. На Капитана давить не стоит. Постарев, он сделался капризным и скрытным. Костоправ и в собственные Анналы не всегда записывал всю правду, касавшуюся личных дел.

Он пнул дряхлого тенеплета:

– Один из любимых ведьмаков Длиннотени. А ведь их слишком мало осталось, чтобы вот так разбрасываться.

– Похоже, они не ждали нас в гости.

У Костоправа дрогнули губы, но вместо улыбки вышла жуткая саркастическая усмешка.

– Таких сюрпризов Длиннотень получит еще немало. – Он пнул обманника. – Ладно, прятать их не будем. Отведем во дворец... В чем дело?

Мою спину ожгло холодом, словно снова налетел ледяной ветер из роши Предначертания. Не знаю отчего, но у меня возникло предчувствие самого дурного толка.

– Не знаю, командир... В Анналах что-нибудь отметить?

– Мурген, летописец теперь ты. Отмечай, что сочтешь достойным. Если мне не понравится, я скажу.

А вот это вряд ли. Я отсылал ему все, что записывал, но он, похоже, не удосуживался прочесть.

– В рейде ты ничего необычного не заметил? – спросил он.

– Холодно там было. Я замерз, как задница у копателя колодцев.

– И этот бурдюк с верблюжьими соплями, Нарайян Сингх, снова ушел от нас. Вот и напиши об этом. Он и его присные вернутся в нашу повесть прежде, чем мы уберемся отсюда. И мы его поджарим, надеюсь... Ты ее видел? С ней все в порядке?

– Все, что я видел, – это узел, который нес Нарайян Сингх.

Думаю, там была она.

– Наверняка. Он ни на миг не спускает с нее глаз. – Костоправ старательно изображал равнодушие. – Этих веди во дворец, я предупрежу стражу о твоём приходе.

Меня снова пробрал холод, и я переглянулся с Тай Дэем. Костоправ поручил мне дело не из простых. Уличный народец наверняка узнает пленных. А у этих пленных здесь могут быть друзья. И врагов, несомненно, нажито немало. Могут и не дойти до дворца. И мы тоже.

– Передавай жене привет, – говорил тем часом Старик. – Надеюсь, новые апартаменты пришлись ей по вкусу.

– Еще бы.

Меня затрясло. Тай Дэй нахмурился.

Костоправ извлек из-за пазухи бумажный свиток:

– Это прислала Госпожа, пока ты был в отлучке. Для Анналов.

– Наверное, в лесу что-то сдохло.

– Запиши этот случай в книгу как положено, – с усмешкой сказал он. – Только не слишком лакируй, а то она опять окажется права. Терпеть не могу, когда она меня бьет моими же аргументами.

– Я это с первого раза усвоил.

– Одноглазый вроде вспомнил, где оставил свои бумаги, когда считал, что продолжать Анналы придется ему.

– И это я уже слышал.

Костоправ снова усмехнулся и ушел.

Вокруг незаконченного частокола копошились четыреста человек и пять слонов. До ближайшего своего аванпоста – сутки изнурительного марша на север. Вгрызались в землю лопаты, бухали молоты, слоны снимали с телег бревна и помогали их устанавливать. Одни лишь волю бездельничали, отдыхая в упряжке.

Новой крепостице едва исполнился день, и была она последним опорным пунктом, последней вехой медленного, но неослабевающего таглиосского проникновения в Тенеземье. Завершена была лишь дозорная башня, с которой наблюдатели неустанно следили за южным горизонтом. В воздухе витали тревога, дурные предчувствия, запах близкой смерти.

Среди солдат не было новичков. Никто не поддавался страху. Эти люди уже обзавелись привычкой собирать волю в кулак – и побеждать.

– Командир! – воскликнул вдруг дозорный.

Человек, отличный от прочих лишь цветом кожи, бросил лопату и поднял взгляд. От родителей он получил имя Като Далиа. В Черном Отряде его прозвали Бадьей. Власти родного города разыскивали его за самую обычную кражу. Здесь же он получил должность командира-советника и батальон таглиосской пограничной стражи под начало, а вскоре приобрел репутацию дельного офицера, который и задачу вы-

полнит, и людей приведет назад живыми.

Бадья вскарабкался на смотровую площадку и спросил, отдуваясь:

– Что там?

Дозорный указал вдаль. Бадья сощурился:

– Лучше скажи, сынок. Глаза уже не те, что прежде.

Он не мог разглядеть ничего, кроме невысоких покатых холмов Логра да нависших над ними редких облаков.

– Смотри, смотри!

Бадья доверял своим солдатам, он не брал в батальон кого попало. Он напряг зрение.

Самое маленькое облако плыло ниже прочих, волоча по холмам косую тень. И направлялось оно не совсем туда, куда шествовало все остальное ее семейство.

– Прямо на нас?

– Похоже, командир.

Бадья привык доверять интуиции. Всю эту войну, обошедшуюся без крупных битв, она исправно служила ему и теперь подсказывала, что тучка таит в себе опасность.

Спустившись, он приказал готовиться к отражению атаки. Строительная рота, хоть и не являлась боевым подразделением, отступить не желала. Порой репутация Бадьи работала против хозяина. Его стражники как сыр в масле катались, грабя приграничные земли. Другие тоже были не прочь получить свою долю.

Бадья принял компромиссное решение. Один взвод с жи-

вотными, слишком ценными, чтобы ими рисковать, был отправлен на север. Прочие солдаты остались. Бреши в частоте закрыли опрокинутыми телегами.

Туча двигалась прямо на крепость. В ее тени, как и в волочащемся за ней шлейфе дождя, ничего нельзя было разглядеть. От нее веяло холодом. Таглиосских солдат пробрала дрожь; чтобы согреться, они прыгали на месте.

Впереди, в двухстах ярдах от рва, в скрытых от постороннего глаза и освещаемых особыми свечами крытых ямах дрожали от холода бойцы передового охранения. Один из каждой пары солдат вел наблюдение.

Дождь и сумрак неумолимо надвигались. За стеной ливня шириной в несколько ярдов дождь превращался в мелкую морось. Вот появились люди – печальные, бледные, оборванные, горбящиеся от холода старцы с безнадежностью в глазах. Казалось, этим беднякам пришлось всю свою жизнь провести под дождем. Ржавое оружие они несли, словно давно надоевшую, бесполезную обузу. Это сборище вполне могло сойти за армию ходячих мертвецов.

Цепь стариков миновала таглиосские секреты. За ней следовали всадники примерно такого же облика, двигавшиеся, словно зомби. Далее шла основная масса пехоты. Потом – слоны.

У солдат в ямах были арбалеты с отравленными стрелами. А слоны не носили брюшной брони. Яд причинял сильную

боль, и обезумевшие животные ринулись вперед, давя собственную пехоту, не понимавшую, что взбесило великанов.

Затем крохотные Тени обнаружили ямы и попытались пробраться внутрь. Пламя свечей вынудило их отступить. Удаляясь, они оставляли за собой ледящий холод и запах смерти. Однако им удалось найти несколько ям, где дождь загасил свечи. Там, в уже готовых могилах, теперь лежали мертвецы с лицами, застывшими в мученическом крике.

Госпожа встретила работников, отправленных на север, расспросила их и, услышав о появлении тучи, кивнула.

– Может, это и есть то, за чем мы охотимся, – сказала она спутникам. – Едем! – И пустила в галоп своего скакуна.

Громадный вороной, выпестованный в волшебных конюшнях в бытность ее императрицей севера, быстро оставил свиту далеко позади.

На скаку Госпожа размышляла. Три подобные тучи были замечены возле городов, где передовые отряды таглиосцев вскоре оказались застигнуты врасплох. С этим необходимо было разобраться.

Потребовались считанные минуты, чтобы выяснить, как управляется наступающее войско. Щупальца темной силы протянулись в эти края задолго до того, как отсюда ушли тенеземцы. Эти щупальца гнали людей в бой – пусть даже против их собственной воли.

Теперь Госпожа их чувствовала, а значит, легко могла смешать и рассеять ряды противника, однако решила не де-

лать этого. Пусть наступают. Это обойдется Хозяевам Теней куда дороже, чем таглиосцам.

Длиннотень не может этого не понимать. Почему же он идет на такой обмен? Считает его выгодным?

Жеребец перепрыгнул через опрокинутый фургон, и Госпожа оказалась в лагере пограничной стражи. Она спешила. Изумленный Бадья подбежал встретить ее. Он был похож на приговоренного, чью казнь отсрочили в последнюю минуту.

– По-моему, это Ревун, – сказал он.

– Ревун? – Спешившись и вынув из седельной сумы доспехи, Госпожа принялась переодеваться прямо посреди лагеря. – Чего он хочет?

– Думаю, Лейтенант, не «чего», а «кого».

Хоть Госпожа и командовала армиями, в Отряде она носила звание Лейтенанта.

– Кого?.. Да! Конечно!

Каждым потерянным подразделением командовали солдаты Черного Отряда. Пали семеро наших.

– Решили нас методично истребить.

Поверье о непобедимости Отряда – спинной хребет боевого духа таглиосцев и злая собака на поводке у таглиосских политиков.

– Ловко придумано. Должно быть, это идея Ревуна. Любит он исподтишка бить...

Бадья помог ей облачиться в доспех – готически вычур-

ный, лоснящийся воронением, слишком изящный, чтобы надежно защищать в ближнем бою. Однако она воевала против волшебной, а не человеческой силы. Ее доспех был покрыт многими слоями оборонительных чар.

Стоило ей надеть шлем, пошел дождь. По проточенным в поверхности доспеха каналам заструились огненные нити. Вслед за Бадьей она поднялась на сторожевую башню.

Рев ливня оглушал. Приближались звуки боя. Не обращая на все это внимания, Госпожа протянула нити волшебного чутья в поисках колдуна, известного под именем Ревун. Это древнее и злобное существо оставалось невидимым, однако, несомненно, пряталось где-то неподалеку. Госпожа уже уловила его запах.

Возможно ли, чтобы он научился сдерживать рев?

– Вот изловлю я тебя, мелкий паскудник. А пока – держи!..

Между струями дождя сгустился, заскользил туман, закипая всеми цветами радуги, становясь все ярче и полноцветнее, словно некий безумный живописец разбрызгал в воздухе акварельные краски.

Из самого эпицентра грозы донеслись вопли.

Туча остановилась. Крики скрытых цветным туманом солдат ослабли, стихли. Госпожа подчинила себе щупальца Хозяина Теней. Теперь они не толкали вперед, а бессмысленно корчились, метались, убивали.

Госпожа возобновила поиск Ревуна – и обнаружила, что

он ретируется на юг, летит низко, крадучись, чтобы избежать радужной смерти, которая прогрызает себе путь вдоль токов силы. Госпожа пустила вдогонку наспех составленное убойное заклинание, однако оно не причинило вреда – слишком прочной была защита Ревуна. Но удар заставил его двигаться быстрее, уже не прячась. Госпожа выругалась – точь-в-точь как любой солдат, рассерженный неудачей.

Дождь прекратился. Один за другим прибывали уцелевшие таглиосцы, в ужасе разглядывали сцену кровавой бойни, а придя в себя, ворчали: это ж сколько теперь копать могил! Тенеземцев выжила лишь горстка.

– Скажи им, что все не так уж плохо, – велела Госпожа Бадье. – За пойманных животных полагается денежное вознаграждение.

Скотина тенеземцев, за исключением слонов, не слишком пострадала в бою.

Непрощающий взгляд Госпожи устремился к югу.

– Ничего, старина. Мы еще встретимся.

Падаю... снова...

Пытаюсь уцепиться... Слишком устал. Усталость делает настоящее таким скользким...

Обрывки.

И это даже не обрывки настоящего.

Прошлого. Не столь уж и давнего.

Отморозил задницу. Упустил этого важного мерзавца, Нарайяна.

Госпожа в игре – там, на юге.

Рыбой смердит.

Спящий человек. Визжащий обманник. Мертвые.

Лишь воспоминания, но они приятней, чем случившееся нынче ночью. Слишком много здесь боли.

Это мой апокалипсис.

Скольжу.

Глаза закрываются, и ничего не могу поделать с этим. Слишком силен зов.

Эти колонны можно принять за останки поверженного во прах города. Но – нет. Слишком мало их, и слишком беспорядочно расставлены они по равнине. И ни одна не рухнула еще, хотя многие жестоко источены клыками голодных ветров.

Во вспышках молний, в сиянии рассвета или заката, стелющегося по кромке небес, тончайшие буквы сверкают золотом на тех колоннах.

Таково их бессмертие.

Наступает тьма, и ветер затихает. Наступает тьма, и тогда безмолвие правит блистающими камнями.

18

...Скольжу...

Громадный водоворот затягивает вглубь.

А еще кажется, какая-то сила толкает... Значит, зря я поверил, что боль прекратится?

Не могу сопротивляться.

Все – ложь. Бесконечная ложь.

Бурые, изодранные, жесткие от засохшей крови страницы. Больно. Как устоять на якоре в такую бурю?

Вот ты где! Куда запропал? С возвращением! Идем-идем! Вот-вот начнется великое действо. Все актеры на местах. Баллисты заряжены, заклинания составлены – их тут целый арсенал. Грандиозная будет ночь!

Гляди, гляди! Помнишь их? Гоблин с Одноглазым, колдуны! Но вправду ли это они? А то – вон еще двое, точно таких же. А вон там! И там! И там! Раз, два... аж три Мургена!

Нет. Определенно нет. Ты этих двоих яичницу жарить не учи. Они народ дурачат с тех пор, когда прабабка твоей бабки была еще мелким вонючим сюрпризом для твоего сколько-то там раз «пра»-деда. Колдуны зачаровали всю эту часть города. Будь ты тенеземским солдатом, ни за что не отличишь призраков от настоящих людей, пока кто-нибудь из настоящих не проделает тебе в брюхе дырку.

А вон, смотри, Ворон с Молчуном! Мы их потеряли много лет назад. А там – старый Капитан, он погиб еще в Можжевельнике. Нет, тенеземцев привидениями не запугать. Южане о них просто никогда не слыхали.

Что-что?

Верно. Ты совершенно прав. Их и из наших-то сейчас никто не помнит, разве что Масло с Крутым. Но это не важно. Суть в том, что их видно, и вряд ли чужак сможет определить, кого из них стоит опасаться, а кто – просто мираж.

Это, если хочешь знать, первая проба. Большой эксперимент, прибереженный специально на тот день, когда Тенекрут атакует нас всеми силами.

Да-да. Не так давно нам здорово досталось. Но тогда он еще не ставил себе целью уничтожить нас полностью. То была лишь разведка боем, чтобы как следует спланировать этот штурм.

Грандиозное будет представление.

О нет, больше нигде в Дежагоре не увидишь призраков. Могаба бы не потерпел. Он не считает иллюзию оружием. Он понятия не имеет, как на самом деле воюет Отряд. Цепляется за свои наивные представления и считает войну игрой, где есть кровь и смерть, но есть и жесткие рыцарские правила. Вот и посмотрим, захочет ли эти правила соблюдать тот, кому Тенекрут поручил разобраться с нами.

О, гляди! Вот это уже интересно! Видишь того уroda? Пес Жабодав, собственной персоной. Не собака, а сам дьявол. И Хромой! Ну и ну! Гениально! Если под личиной Тенекрута скрывается уже знакомый Отряду колдун, то он, увидев этих призраков, непременно выдаст себя.

Конечно же, Хозяева Теней не рискнут целой страной, не согласятся решить его судьбу в поединке. Их ставленник может и проиграть.

Да, Могаба в отношении некоторых вещей наивен. К тому же, как полководец, он надменен и жесток.

О-о-о, слышишь горны? Идем на стену, посмотрим побли-

же.

Конечно, эти ребята не семи пядей во лбу. Ты скажешь: будь они поумней, не оказались бы в этой армии. Не совсем верно: мало у кого из них был выбор. Сюда их привел единственно страх перед Хозяевами Теней.

Ну да, кто спорит – это не делает их менее опасными. Упавший с неба камень запросто может пришибить.

Да, нынче заваривается крутая каша. Тенекрут бросит на нас всех своих людей, до единого. Может, и Тени с Вершины явятся им на подмогу.

Летучие мыши! Ха! И вороны. Кто же за кем охотится?.. Пригнись! Едва не достала тебя. Они повсюду. Еще никогда их не бывало так много.

Что там за хай? А, пустяки. Бадья орет на одного из Мур-генов, чтобы не высовывался, ему неохота трупы вниз по лестнице таскать.

Вот и первые залпы. И если этот шум на другом конце города что-то значит, тенеземцы метко бьют по третьей и четвертой когортам первого легиона. Но это хорошие полки, они не боятся трепки.

Ух ты! Сущий град, верно? И где они только добыли такую уйму дротиков и копий для своих баллист? Не высовывайся из-за мантелета, и останешься цел. По высоко расположенным целям они стрелять не мастера.

Если нам дадут передышку перед штурмом, джайкури выйдут и соберут для нас копыя с дротиками – сколько успеют, пока их не прогонят тенеземцы.

Нет, джайкури не любят Могабу. Как и таглиосцев, и Черный Отряд. Больше всего им хочется, чтобы все мы убрались восвояси. Вот только есть у них нехорошие предчувствия насчет того, что с ними сделает Тенекрут, если снова возьмет город. Посему они нам как бы помогают, но толку от них маловато. Его и вовсе бы не было, если бы они не боялись, что однажды у Могабы лопнет терпение и он вышвырнет их за стену.

Небо, говоришь? Черное, говоришь, как сердце жреца? Твоя правда. Ночка благоприятствует. Раньше они всегда штурмовали при полной луне – так сподручнее. А вот теперь начнется самая дьявольщина: Хозяева Теней решили спустить на нас своих любимых зверушек. Или просто хотят, чтобы мы дружно в штаны нагадили, дожидаясь в потемках Теней.

Видишь, как забегали? Нынче джайкури чуют: пахнет жа-

ренным и в сторонке им не отсидеться. Если дойдет до драки, она будет даже злее, чем ожидает Могаба или Тенекрут.

Ого! Что это? Взгляни. Что за чертовщина? Вон те розовые отсветы над холмами... Идут. К нам идут. Кто-то еще хочет получить по сусалам от Черного Отряда.

Ты так не думаешь? Может, ты и прав. Может, это уловка: они свяжут боем Отряд, и Тенекрут сосредоточится на тех, кто помягче.

Глянь-ка вниз, сколько их! Как муравьев! И обстрел прекратился.

Да, все верно. Баллисты меняют позиции, чтобы поддержать штурм на главном направлении.

Следи за вспышками. Они все ярче... хотя нет, теперь удаляются. И не похоже, чтобы кто-нибудь еще заметил их. Странновато...

О, снова. Должно быть, это сигнал для тенеземских офицеров. Ты заметил, что сразу усилился шум?

Мне этот гомон тоже не нравится. Они всем скопом двинулись на приступ.

О! Теперь у нас! Что? Ну да, свет. Не видишь? Там, за зубцами.

Да, верно. Опять ты прав. Этот свет – другой. Холодный, чуть голубоватый, как у полной луны. И туманный слегка, да. Так светит луна в осенней дымке... Ого, как разгорелось! Можно разглядеть, что творится на дальней стене.

Да. Бой. Значит, противник уже зацепился и резервов,

чтобы его сбросить, у Могабы нет.

Пожалуй, дружище, пора нам свернуться калачиком и чмокнуть на прощание собственную задницу.

Проклятье! Вот-вот на нас обрушится враг, а я только сейчас спохватился: когда взялся сводить воедино эти записи, начисто позабыл о формулировке, которой Костоправ всегда начинал новую тетрадь.

Итак:

В те дни Отряд служил Прабриндра Дра Таглиосскому, княжествувавшему над землями, что были обширнее многих империй, а квартировался во взятом недавно с бою градом Дежагором и его же оборонял.

Надеюсь, князю и его уродливой сестрице Радише хотя бы икнется как следует.

Нас обстреливали вовсю. Бойцы, защищавшие наш участок стены, сбились с ног, пытаясь отплатить южанам той же монетой. Иллюзорные двойники тоже усердно изображали деятельность. Во всей этой кутерьме они оставались целыми и невредимыми, и выглядело это забавно.

– Одноглазый! Гоблин! – завопил я. – Где вы, дятлы пусто-головые? Что там за хрень творится? – В этот момент сквозь Мургена в дюжине ярдов от меня пролетела стрела. – Что это за свет?

Что бы там за стеной ни светило, меня не оставляло ощущение, что дела наши гораздо хуже, чем кажутся.

Мои любимые колдуны не отзывались.

– Рыжий, метни-ка огненный шар. Посмотрим, кто там в потемках шастает.

До недавнего времени мои колдуны, уже не столь любимые, подсвечивали для нас местность.

– Бадья! Где черти носят Гоблина с Одноглазым?

Десять минут назад возле меня отчаянно бранились аж три пары. Теперь все они куда-то запропастились, а тенеземцы внизу сидели тише мыши.

Рыжий Руди заорал, зовя Лофтуса с Клетусом. Баллиста ухнула, и огненный шар полетел по дуге за стену с единственной целью – показать, чем там, во тьме, занят противник.

– Я их видел – по лестнице спускались, – прогудел Ваше Сиятельство.

– За каким?..

Нашли время для прогулки!

– Э-э... Решили потолковать с Пирми и кое с кем из кавалерийской бригады.

Я только головой покачал. Собственными руками удавлю мерзавцев! Свалить с позиции посреди боя...

Благодаря огненному шару выяснилось, что тенеземцы отступили от стены. Значит, стрелять – только зря снаряды тратить. Южане наладили машины для забрасывания на стены связок крючьев. При восьмидесятифутовой высоте да опытных солдатах наверху – глупо, но, коли желают, возражать не станем. Я был твердо уверен: сколько бы кошек они ни забросили, мы обрежем или собьем все. А если кому и посчастливится добраться до верха, то как он, совершенно выдохшийся, с запаленными легкими, будет оборонять захваченную позицию, пока другие такие же дурни лезут ему на подмогу с полутонной оружия и боеприпасов?

– Гоблин!

Черт бы его побрал! Я должен знать, что это там за свет!

Тенеземцы не полезли по веревкам. Они двинулись на штурм по земляным насыпям. Неудивительно, ведь эти насыпи сооружались с самого начала. Обычный осадный трюк, придуманный еще на заре времен, и, кстати, довод за то, что бы наш шибко умный, шагающий в ногу со временем князь

построил себе крепость на скале, мысу либо острове.

Естественно, последнюю дюжину футов осаждающие преодолевают по мосткам, которые при угрозе контратаки можно оттащить назад.

Огненный шар разбился в четырехстах футах от стены, и зелье продолжало гореть, освещая округу, пока южане не забросали его песком, заготовленным для тушения наших зажигательных снарядов.

– Одноглазый! Я позавтракаю твоими сморщенными яйцами!

Где же он?

– Клетус, – прорычал я, – подбрасывай им огоньку. Кто у нас за гонца? Ноги? Найди мне Гоблина с Одноглазым... Нет, стой. Один из этих скудоумных гномов все-таки соблаговолил вернуться.

– Звали, ваша милость? – осведомился Одноглазый.

– Ты что, пьян?! Работать будешь или нет?

Уговаривать, чтобы взглянул через весь город на мерзкое свечение, его не пришлось. А оно теперь выглядело еще жутче.

– Что это за хрень?

Одноглазый поднял руку:

– Терпение, Щенок.

Туман – дымка? пыль? – сгустился и двинулся по направлению к городу. Свет стал ярче. И это меня, мягко говоря, не успокаивало.

– Говори, старик. Не время кочевряться.

– Никакой это не туман, Мурген. Это дымка, и она не мешает свету – она сама светится.

– Чушь собачья. Когда в их лагере пожар, его отсюда видно.

– Это что-то другое, Мурген. Тут работают две силы одновременно.

– Три, недоумок, – заявил подошедший Гоблин, дыша пивным перегаром.

Как видно, на тайной пивоварне дела идут замечательно, с кавалеристами все устроилось наилучшим образом, и Гоблину с Одноглазым удалось выкроить время, чтобы помочь Черному Отряду с обороной Дежагора.

Да помогут им боги, если Могаба узнает, как они распоряжаются предназначенным для лошадей зерном. Я-то уж точно не стану молиться о спасении их задницы. Да и не знаю я таких молитв.

– Что?! – гавкнул Одноглазый. – Мурген, этот тип – просто ходячая провокация!

– Гляди сам, голова садовая, – возразил Гоблин. – Уже начинается.

Одноглазый замер и испуганно ахнул. Я же, будучи невеждой в черной магии, уловил суть происходящего не столь быстро.

В клубах сияющей пыли змеились тончайшие тени, и между ними сновало взад-вперед нечто похожее то ли на

ткацкий челнок, то ли на паука. Что бы это ни было, оно плело в сверкающей пыли ячейки сети.

Недаром его зовут Тенекрутом.

Мерцающее облако разрасталось, светило все ярче.

– Вот же гадство, – пробормотал Гоблин. – Что будем делать?

– Именно это я уже пять минут пытаюсь от вас, шутов проклятых, узнать! – рявкнул я.

– Гм...

– Может, сюда обратите внимание, если там ничего сделать не можете?! – заорал Бадья. – Мурген, эти дурни забросили слишком много кошек; мы не справляемся... А, ч-черт!

Еще один рой крючьев, просвистев в воздухе, накрыл стену. И сразу металл заскрипел о камень – какие-то идиоты возомнили, что у них есть шанс.

Ребята усердно работали ножами, мечами и топорами. Двойники маячили вокруг с самым угрожающим видом. Кто-то из наших проворчал, что, имей он хоть каплю ума, наточил бы нож загодя.

– Меньше бы по бабам шлялся, на все бы время нашлось! – напомнил Рыжий Руди.

Естественно, среди джайкурийских женщин нашлись готовые на все, лишь бы выжить.

Я принялся рубить веревки, однако не забывал присматривать за свечением и тенетами, плетущимися внутри его.

Гоблин взвыл – его чиркнуло прилетевшей из-за стены

стрелой. Рана на щеке была самой пустячной – стрелы доставали нас уже на излете. Гоблин был зол оттого, что судьба осмелилась показать ему зад.

Он пустился в пляс. Из его уст исторгались мощные заклинания, без преувеличения окрашенные в пастельные тона. Он размахивал руками, изо рта вылетала пена. Он визжал, прыгал, хлопал в ладоши...

И его двойники проделывали то же самое. Спектакль удался на славу.

Результаты его колдовства не имели ничего общего с этими воплями и ужимками, но я не был в претензии. Старик прав: игра на публику – очень важное дело.

От Гоблиновых чар все веревки на участке стены в три сотни ярдов занялись пламенем. Там, где взаимоотношения с противником вызывали тревогу, это пришлось кстати, но в других местах не вызвало восторженных возгласов. Временные оборонительные сооружения начали разваливаться. Мигом обезвредились баллисты – в их устройстве веревок хватало. Некоторые парни были веревками подпоясаны, а некоторые – обуты в веревочные сандалии. Конопля – штука распространенная. Некоторые придурки вроде Одноглазого даже курят ее.

– Да будь ты проклят, Гоблин! – взревел Клетус. – Я твою задницу перемелю на кошачий корм!

Все остальные лишь подтянули штаны и приступили к любимой забаве: сбрасывать обломки кладки, принесенной из

наших подвалов, на кишаших внизу врагов и слушать их возмущенные вопли и ругань.

Одноглазый не уделил внимания происходящему на нашей позиции, разве что ехидно улыбнулся разок Гоблину, обалдевшему от побочных эффектов собственного колдовства. Куда больше Одноглазого интересовало свечение, поднимавшееся над неприятельским лагерем. Понаблюдав за тенетами, он забормотал под нос.

– Давай, давай, старый олух, – рыкнул я. – Ведь не первую сотню лет в эти игры играешь. Что там происходит?

Впрочем, не было нужды спрашивать – паутину, сотканную из теней в облаке светящейся пыли, не разглядел бы теперь только слепой.

– Может, уже пора лезть в подвал, – предположил Одноглазый. – Одно могу тебе пообещать: мы с недомерком палец о палец не ударим, чтобы этой пакости помешать. Видел бы ее Длиннотень, сам бы со страху обгадился, это как пить дать. И скоро здесь станет совсем нехорошо.

Гоблин, лишь одним глазком поглядев на тенета, согласился с напарником:

– Если завалим входы и зажжем белые свечи, то продержимся до рассвета.

– Значит, это какая-то магия Теней?

– Похоже на то, – ответил Гоблин. – Только не проси рассмотреть поближе – не хочу привлечь к себе внимание.

– Да уберегут тебя боги от такого риска. Может кто-ни-

будь из вас предложить нечто более практичное?

– Более практичное?! – брызжа слюной, заорал Одноглазый.

– У нас тут, видишь ли, бой.

– Можно бросить солдатскую ляжку, – предложил Гоблин. – Или сдаться. Или поменяться местами с противником, если он согласится.

– Или принести кому-нибудь из кровожадных божков Ишака с Лошаком человеческую жертву. Конечно, самую мелкую.

– Знаешь, Мурген, почему я жалею, что с нами нет Косто-права?

– Все равно ведь скажешь, хочу я слушать или нет.

– Ты чертовски прямолинеен. Мне не хватает его чувства юмора.

– Погоди-ка. Его чувства юмора? Шутишь! Какое там чувство юмора... Он...

– Он знал, что никто из нас не выберется из этого мира живым, Мурген. И никогда не воспринимал свою роль чересчур серьезно.

– Ты точно говоришь о нашем Старике? Об отрядном летописце и главном лекаре в свободное время! Он, по-твоему, был вроде шута?

Пока мы так грызлись, весь остальной мир спешно устраивал свои дела. А потому наше положение ухудшалось с каждой минутой. Присущая людям слабость – продолжать спор,

хоть гори все вокруг огнем, – стара, как само время.

– Ну, вы тут можете пререкаться сколько угодно в свое удовольствие, – вмешался Одноглазый, – а я намерен пригласить ребят в подвал, угостить пивом да предложить партию-другую в тонк. – И указал корявым черным пальцем вниз.

Мерцающая пыль с безжалостной паутиной внутри начала выгибаться в нашу сторону. Скоро она разрастется настолько, что накроет весь Дежагор.

Воцарилась мертвая тишина.

Все люди в городе и вне его с ужасом смотрели на паутину из Теней.

А Тенекрут, несомненно, был полностью поглощен своим смертоносным творчеством.

Напор тенеземцев ослаб, – видно, решили дожидаться в сторонке, когда хозяин облегчит им работу.

Очень скоро темная паутина накроет весь Дежагор.

– Одноглазый! Гоблин! Новых идей нет?

– Может, в религию ударимся? – предложил Гоблин. – Раз уж ты не разрешаешь забраться под землю...

– А можно проверить, не подобрел ли Могаба – авось позволит нам поиграть с его баллистами, – задумчиво произнес Одноглазый. От таглиосской обслуги и впрямь было мало проку. – Тогда мы попробуем отвлечь Тенекрута.

– Защищая чарами входы в подземелье, вы о Тенях не забыли?

Я знал, что не забыли. Тени – наша вечная головная боль. Но я хотел лишний раз убедиться. За Гоблином и Одноглазым нужен глаз да глаз.

Уже возвращались один за другим небольшие отряды, предпринявшие долгое и опасное ночное путешествие в поисках уцелевших веревок.

– Ага. Хотя не гарантирую, что это поможет. Ты уже готов спуститься и приступить к голодовке?

За плохими приметами следуют грозные знамения. Если Гоблин с Одноглазым больше не тратят времени на свары, положение и вправду хуже некуда.

Внезапно по всему городу и на равнине поднялся шум.

Над лагерем тенеземцев поплыл, медленно вращаясь, сия-

ющий световой кристалл с темным ядром. Из ядра в гигантскую паутину заструилась, пульсируя, мгла.

Когда розоватые сполохи снова заиграли над холмами, в ту сторону никто не глядел. И не замечал их, пока они не сделались столь яркими, что сравнялись по силе свечения с Тенекрутовой пылью.

А полыхали они позади двух дивных всадников, чьи гигантские тени ложились на самую ночь. Над ними кружили вороны. Две, очень крупные, восседали на плечах всадника, что повыше.

На миг все замерло. Готов спорить, даже у Тенекрута дыхание сперло – наверняка он не лучше моего понимал, что происходит.

Багряные сполохи померкли. К Дежагору, словно змеиный язык, устремился жгут розового света. Когда один его конец приблизился к нам, другой оторвался от сполохов. Тогда жгут с неподвластной взгляду быстротой рванулся вперед и со скрежетом врезался в светящийся кристалл Тенекрута. Дальний край волшебного сооружения ослепительно вспыхнул, как будто в воздух швырнули разом множество бочек с горящей нефтью.

И тут же темная паутина, распростертая над нашими головами, съежилась, устремляясь назад, к останкам светового кристалла.

Гнев Хозяина Теней сотряс воздух.

– Гоблин! Одноглазый! Скажите-ка, ребята, что это за

дьявольщина?

У Гоблина словно язык отнялся.

– Представления не имею, Щенок, – промычал Одноглазый. – Ни малейшего. Одно могу сказать: мы с подветренной стороны от некоего Хозяина Теней, и он наверняка обвинит в своих неприятностях нас с тобой.

Дрожь – более психическая, нежели физическая, – сотрясла ночную мглу. Я в магии разбираюсь как свинья в апельсинах, разве что ее воздействие способен воспринять, – и то почувствовал.

Одноглазый был прав.

Багряные сполохи исчезли. Удивительных всадников и след простыл. Кто они? Как им удалось?..

Впрочем, у кого спрашивать?

Из лагеря тенеземцев хлынула толпа смуглых карликов с факелами. И зрелище это не сулило ничего хорошего ни мне, ни моим товарищам, ни всем прочим обитателям Дежагора.

– Бедный Тенекрут, – выдавил я. – Можно ему посочувствовать.

– Чего? – Только Ваше Сиятельство стоял достаточно близко от меня, чтобы услышать.

– Неужели ты не возненавидел бы безмозглого кретина, варварски уничтожившего лучшее твоё произведение?

Ваше Сиятельство не понял шутки. Покачав головой, он схватил дротик и метнул в человечка с факелом.

И промахнулся.

Там, где тенеземцам удалось закрепиться на стене и при-
мыкающих насыпях, поднялся страшный шум. Видать, уязв-
ленный Хозяин Теней велел своим снова взяться за дело. И
уж на этот раз без дураков.

– Эй, Бубба-До! – крикнул я одному из солдат. – Кто ста-
вил на нынешнюю ночь?!

Вот тебе Черный Отряд, изволь любоваться. У нас, пони-
маешь ли, спор – в которую из ночей падет город. Победи-
тель умрет со счастливой улыбкой на гадкой роже.

Гоблин с Одноглазым – настоящие – предпочли держаться поближе ко мне. И раз в пять-шесть минут я проверял, не смылись ли они. Все их внимание было приковано к холмам, а не к суете в городе; их собственные планы были забыты. Над холмами витали очень необычные огни.

От южан, двинутых на приступ, осталась половина; уцелевшие ринулись обратно, да так резво, будто за ними гнались чудовища пострашнее их собственного повелителя. Они бы не рискнули мчаться сломя голову, если бы Грозотень с маниакальным упорством не выровняла равнину, а свет из города не освещал бы местность.

Пожары. Пока лишь несколько, однако...

– Отступают, – сообщил мне Ваше Сиятельство.

Я перегнулся через парапет, всмотрелся. Никто не соблазнился возможностью подстрелить меня. Может, приняли за одного из призраков.

Конечно же, тенеземцы уходили, оставляя нам свои отличные кошки без веревок. Что ж, побережем их, может, и пригодятся когда-нибудь.

– Пожалуй, можно вложить мечи в ножны и перекинуться в тонк, – заявил Одноглазый.

– Ты уже второй раз лезешь с этой глупостью, – заметил я. – Какой кретин сядет с тобой играть? Таких уже и в жи-

вых-то не осталось.

Одноглазый мухлюет в карты, причем неудачно. Его всякий раз ловят, и никто не желает с ним играть.

– Слушай, Мурген, я исправился! Правда. Больше никогда не стану позорить свой дар ради...

Пустой треп. Сколько уже раз он клялся и божился? Первое, о чем мы предупреждаем всякого новобранца после приведения к присяге: не садиться за карты с Одноглазым.

Отряд тенеземцев, отступивших от моего участка стены, направился к холмам. Каждый боец нес факел. Похоже, вел их сам Хозяин Теней.

– Клет! Лонго! Починили что-нибудь? Можете дать залп по этой толпе?

Братья сбивались с ног, ремонтируя баллисты. Две уже были налажены и заряжены. «Залп», конечно, громко сказано...

– Зачем? – поинтересовался Одноглазый.

– Почему нет? Может, повезет. Все равно Тенекрут уже не станет злее, чем сейчас. Он небось поклялся никого из нас не оставить в живых.

Баллисты ухнули. Выпущенные ими бревна не попали в Тенекрута. Тот отозвался наспех созданным зарядом волшебья, превратив в пыль несколько кубических ярдов стены далеко от моих ребят.

Шум на другом конце города все нарастал. Похоже, даже приблизился к нам.

– Они в городе, – сказал Ваше Сиятельство.

– Их уйма, – подтвердил Бадья. – Теперь его чистить не перечистить.

Люблю позитивное мышление.

Я пожал плечами. Могаба не доверяет нам зачистки, это привилегия его наров и таглиосцев.

Нам же лучше. А Могаба пусть нажрется дерьма до отвала.

Мне здорово хотелось вздремнуть. До чего же длинный день, и все никак не закончится. Ох-хо-хо... Ничего, скоро мне обеспечат сон. Вечный.

Через некоторое время мне донесли, что на улицах появились небольшие отряды южан, истребляющие всех на своем пути.

– Командир!

– Дрема? Что стряслось, отрок?

Дрема – таглиосский шадарит, принявший присягу чуть раньше, чем я решился взяться за перо. Когда бы он ни попался мне на глаза, непременно клюет носом. Выглядит как четырнадцатилетний и хорош собой. До смазливых мальчиков охочи мужчины всех трех крупнейших культов Таглиоса. И душилы посылали самых красивых своих сыновей заманивать жертвы в смертельную ловушку.

Что ни город, то норов. И с местными обычаями, нравятся они тебе или нет, нужно считаться. Впрочем, Дрема старался придерживаться наших правил.

– Командир, – доложил он, – южане продвигаются сюда, а нары даже не пытаются им мешать. Вообще не трогают тенеземцев с той минуты, как те прорвались за стену. Пока южане не повернут к казармам, нары не зашевелиятся.

– Это они нарочно? – поинтересовался Бадья.

– Что за дурацкий вопрос, – буркнул кто-то.

– Нет, поди ж ты! – зарычал Одноглазый. – Ну, все, лопнуло мое терпение! Если эта чванливая черная елда посмеет к нам сунуться...

– Заткнись, Одноглазый. – Случившееся с трудом укладывалось у меня в голове. Однако Могаба был вполне способен направить противника на нас, чтобы решить вопрос внутриотрядного первенства. Ему хватит бесстыдства считать это блестящим решением нескольких проблем сразу. – Чем сотрясать воздух, давай лучше поразмыслим. Лучший способ привести Могабу в чувство – свернуть его план в трубочку и затолкать ему в задницу, причем без смазки.

Пока прочие пыхтели над столь каторжной работой, как мышление, я расспросил Дрему поподробнее. К несчастью, кроме приблизительных направлений движения южан, что пробивались вглубь города, он почти ничего не знал.

Пенять на тенеземцев не стоило. Все солдаты с начала времен радостно хватаются за возможность ударить в точку наименьшего сопротивления.

Быть может, нам удастся воспользоваться этим и завлечь в ловушку часть прорвавшихся.

Я даже увидел забавную сторону нашего положения:

– Могу спорить, Костоправ предсказал бы это за месяц вперед – с его-то паранойей насчет друзей и союзников.

Неподалеку согласно каркнула ворона.

Я должен был учесть такой поворот. «Далекое» не значит «невозможное». Нужно было составить план действий и на подобный случай.

Одноглазый сделался необыкновенно серьезен:

– Если Дрема прав, догадываешься, что это значит?

– Отряд воюет сам с собой?

Недомерок отмахнулся от моего предположения, как от докучливой, но мелкой мошки:

– Допустим, Могаба предоставил южанам коридор, хочет избавиться от нас их руками. Однако им еще надо пройти сквозь паломников.

Что это значит, я сообразил почти сразу:

– Вот мерзавец! Вынуждает их бить тенеземцев ради самозащиты! Хочет, чтобы они истребляли его врагов...

– Может, этот змей куда хитрее, чем мы думаем, – проворчал Бадья. – Здорово он изменился после Гиэ-Ксле.

– Так нельзя, – пробормотал я.

Да, так нельзя, пусть и прибавится бойцов на нашей стороне, хотят они того или нет.

Кроме нескольких стычек с заблудившимися в последних вторжениях врагами, самое худшее, что случилось с нюень бао, – это то, что путь паломничества завел их в самую гущу

чужой войны. С начала осады они изо всех сил старались сохранять нейтралитет.

Конечно же, у Тенекрута в городе есть шпионы. А потому он должен знать, что нюень бао не желают ни с кем портить отношения.

– Как думаешь, что они будут делать? – спросил Гоблин. – Я про нюень бао.

Его голос звучал как-то странно. Сколько же пива выхлебал наш колдун?

– Откуда мне знать?! Смотря как они оценивают положение. Если решат, что Могаба нарочно втравил их в драку, принадлежать к Отряду будет вредно для здоровья. Возможно, Могаба увидит в этом шанс загнать нас между молотом и наковальней. Разыщу-ка я Глашатая и объясню ему, что происходит. Бадья! Собери двадцать человек и взгляни на южан. Проверим, не ошибся ли Дрема. Одноглазый, ты с ними пойдешь, прикроешь в случае чего. Ваше Сиятельство, остаешься за старшего. Станет невтерпеж, отправь за мной Дрему.

Никто не спорил. Когда приходится туго, все делаются сговорчивыми.

Я спустился со стены на улицу.

Я старался играть по правилам нюень бао. Еще мальчишкой усвоил, что опасно не уважать чужие обычаи и нравы, даже если считаешь, что право сильного – за тобой.

Это не значит, что тебе могут безнаказанно сесть на шею. Право сильного позволяет настаивать на взаимном уважении.

Переулки Дежагора тесны и зловонны, что вообще характерно для укрепленных городов. Я вышел на темный перекресток, где в обстоятельствах нормальных был бы непременно замечен часовыми нюень бао. Это осторожное племя. Всегда начеку.

– Мне нужно встретиться с Глашатаем, – объявил я. – Наблюдается беда, и я хочу, чтобы он узнал известное мне.

Я никого не видел и не слышал и ничего другого не ожидал. Чужак, проникший на мою территорию, тоже ничего не увидит и не услышит, хотя смерть будет совсем рядом.

Бой шумел в нескольких кварталах от меня.

Я ждал.

В тот миг, когда мое внимание рассеялось, передо мной возник сын Кы Дама – так же беззвучно разве что мотылек подберется на цыпочках. Был парень невысок, но широк; необычайно длинный меч висел в ножнах за спиной. Нюень бао сурово уставился на меня. Я ответил таким же взглядом,

что не стоило мне никаких усилий. Он что-то буркнул и дал знак следовать за ним.

Пройти нужно было не больше восьмидесяти ярдов. Он указал дверь.

– Хоть улыбнулся бы, что ли, – сказал я.

Никак не мог удержаться. Всякий раз, когда я бывал в этих кварталах, он маячил поблизости, наблюдал. И ни разу не улыбнулся.

Я толкнул дверь и вошел.

За ней, футах в двух, висели занавеси, в щель между ними проникал слабый свет. Я сообразил, что войти должен один, поэтому аккуратно притворил дверь, прежде чем раздвигать занавеси. Не нужно, чтобы свет проник на улицу.

Жилище оказалось не ахти. А впрочем, где в этом городе найдешь лучше?

Глашатай сидел на циновке, расстеленной на грязном полу, возле единственного горящего светильника. Кроме него, в комнате присутствовала еще дюжина человек – всех возрастов и обоих полов. Четверо маленьких ребятишек, шестеро взрослых – судя по возрасту, их родителей – и женщина, годящаяся детям в бабушки; она смотрела так люто, словно уже выхлопотала для меня местечко в аду, хотя прежде меня не видела. Никого подходящего ей в мужа не наблюдалось, – вероятно, это ее супруг нес дежурство снаружи. Была там и женщина в возрасте Кы Дама, наверное, в прошлом красавица, но безжалостное время оставило от нее

лишь хрупкие косточки, обтянутые кожей. Правда, ее глаза светились умом и житейским опытом.

Предметами быта комната не изобиловала: несколько ветхих одеял, пара глиняных мисок да горшок – наверное, для приготовления пищи. Еще были мечи, такие же длинные, тонкой работы, как и тот, что принадлежал сыну Глашатая.

В углу, куда не доставал свет, кто-то застонал, будто в горячечном бреду.

– Садись, – разрешил Кы Дам.

При неярком освещении старик выглядел еще более хилым, чем тогда на стене.

Я сел и, хоть и не имел такой привычки и столь гибких суставов, скрестил ноги.

Теперь надо ждать. Кы Дам предложит мне говорить, когда сочтет нужным.

Я старался сосредоточиться на старике, не реагируя на устремленные со всех сторон взгляды и на запах множества тесно живущих людей и их экзотической пищи и даже на миазмы чьей-то хвори.

Женщина принесла чай. Уж не знаю, как она его приготовила, – я не заметил в помещении горящего очага. Впрочем, я мигом забыл об этом, до того был изумлен. Она была прекрасна. Невероятно прекрасна – даже среди всей этой грязи, одетая в немислимое тряпье.

Я поспешил пригубить чашку, чтобы кипяток заставил мысли вернуться к делу.

Мне было нестерпимо жаль ее. Вот кому придется действительно плохо, если южане возьмут город.

По губам Кы Дама скользнула еле уловимая улыбка. На лице пожилой женщины тоже отразилось веселье, и тут я заметил ее сходство с красавицей. Моя первоначальная реакция их вовсе не удивила. Наверное, появление девушки из сумрака было своего рода испытанием для меня.

– Она воистину прекрасна, – едва слышно сказал старик. Затем добавил, громче: – Ты мудр не по летам, Солдат Тьмы.

Что еще за Солдат Тьмы? При каждой новой встрече он называет меня новым именем.

Я чинно склонил голову:

– Благодарю тебя за добрые слова, Глашатай.

Надеялся, что он поймет: мне нипочем не освоить все тонкости этикета нюень бао.

– Я чувствую в тебе великую тревогу, сдерживаемую лишь оковами воли.

Он спокойно прихлебывал чай, однако глаза ясно говорили, что спешка простительна, если я считаю ее необходимой.

– Великое зло крадется в ночи, Глашатай, – заговорил я. – Неведомые чудовища спущены с цепи.

– Я это заподозрил, когда ты любезно позволил подняться на твой участок стены.

– Теперь на свободе новый зверь. Тот, кого я не ожидал увидеть. – Лишь сейчас я сообразил, что мы говорим о разных вещах. – Я не знаю, как совладать с этим зверем.

Я изо всех сил старался правильно выговаривать таглиоские слова. Взгляд Глашатая сделался озадаченным.

– Не понимаю тебя.

Я огляделся. Неужели эти люди всегда так жили? У нас куда просторнее. Конечно, мы в состоянии расчистить себе пространство мечом...

– Ты ведь знаешь о Черном Отряде? Слышал о недавних событиях в его жизни?

И, не дожидаясь ответа, обрисовал наше близкое прошлое. Кы Дам оказался представителем редчайшей породы людей, умеющих внимать каждой унцией своего существа. Когда я закончил, старик сказал:

– Возможно, время сделало вас слабыми тенями, Солдат Тьмы. Вы шли так долго и зашли так далеко, что совершенно сбились со своего Пути. И последователи князя-воина Могабы ничуть не ближе к истинному направлению.

Я никогда не умел как следует скрывать мысли. Кы Дам и его женщина снова заметили мое замешательство.

– Но я не один из вас, знаменосец. Мое знание также блуждает вдали от истины. Быть может, в наши дни вовсе нет настоящей истины, ибо не осталось тех, кому она ведома.

О чем он толкует, черт бы его побрал?

– Дорога твоя, знаменосец, была долгой и завела тебя далеко. И все же ты еще можешь вернуться домой. – Его лицо вмиг помрачнело. – Хоть и не желаешь возвращаться. Где твое знамя, знаменосец?

– Не знаю. Оно исчезло в великой битве – там, на равнине. Я решил облачиться в доспехи моего Капитана, надеясь внушить войскам, что он жив, и повести их в атаку, но...

Старик поднял руку:

– Думаю, в эту ночь оно может находиться очень близко.

Терпеть не могу тумана, который так любят напускать старики и ведуны. Уверен, они это делают лишь для того, чтобы почувствовать себя властителями умов. К черту пропавшее знамя, сейчас не до него.

– Вождь наров, – сказал я, – желает стать Капитаном Черного Отряда. Ему не по нраву то, что делаем мы, пришедшие с севера.

Пауза затянулась, но напрасно я ждал ответа. Старик молча смотрел на меня.

– Могаба, – продолжал я, – безупречен как воин, но как командиру ему многого недостает.

Тут Кы Дам доказал, что, ожидая от такого почтенного старца полной непроницаемости и бесконечного терпения, можно и обмануться.

– Знаменосец, ты пришел предупредить, что он намерен обойтись меньшими затратами, предоставив южанам выполнить грязную работу за него?

– Э-э...

– Один из моих внуков подслушал, как Могаба обсуждал планы на эту ночь со своими помощниками – Очибой, Синдавом, Ранджалпиринди и Чал Гханда Гханом.

– Прости, Глашатай, я не...

– То, о чем ты, повинуюсь зову чести, пришел сообщить мне, хотя располагаешь пока одними лишь подозрениями, – много хуже, чем тебе представляется. Преодолев решительный протест своих помощников, Могаба позволил южанам, атаковавшим город по насыпям, проникнуть за стену. Таглиосские легионеры отобьют у них охоту продвигаться в любом направлении, кроме вашего – через наш квартал.

– Так ты уже знаешь? Тебе донесли еще до моего прихода? И есть надежный свидетель?

– Тай Дэй.

Названный поднялся. Это был некрасивый, тощий, малорослый юноша, державший на руках младенца.

– Он плохо говорит по-таглиосски, – сказал Кы Дам, – зато хорошо понимает все. Тай Дэй слышал, как созревал план и как возражали те, кто считает замысел бесчестным. Он присутствовал при переговорах Могабы с человеком, представляющим, по всей видимости, интересы Хозяев Теней.

Вот даже как? Значит, у Могабы с Тенекрутом есть молчаливый уговор о ненападении, и он будет действовать, пока не погибну я и мои люди.

– Это подлая измена, Глашатай.

Кы Дам кивнул:

– Больше того, Каменный Солдат. Ранджалпиринди и Гханда Гхан – доверенные лица Прабриндра Дра. От имени князя они заверили Могабу, что, едва осада будет снята, а

ваша банда – уничтожена, князь лично провозгласит его Капитаном Черного Отряда. В уплату за это Могаба оставит Путь вашего прежнего Капитана, дабы сделаться главнокомандующим над армиями Таглиоса. Тогда он будет обладать всей полнотой власти, необходимой для прекращения войны с Тенеземьем.

– Мои уши неплохо потрудились, – чуть улыбнулся Тай Дэй.

– Брат Могаба тоже неплохо потрудился – на ниве предательства.

Понятно, почему возражали Очиба с Синдавом. Измена такого масштаба – за пределами всякого понимания.

Могаба и в самом деле изменился в худшую сторону с тех пор, как оставил Гиэ-Ксле.

– Что он имеет против вашего народа? – спросил я.

– Ничего. В политическом смысле мы не можем для него что-то значить. Мы никогда не участвовали в таглиосских взаимоотношениях. С другой стороны, от нюень бао для него никакой пользы. Он готов потратить нас, как найденную на улице монету. Ему будет только на руку, если по пути к вам южане истребят множество людей, не подчиняющихся ему и поглощающих ресурсы города.

– Когда-то я восхищался этим человеком, Глашатай.

– Люди меняются, знаменосец. Этот изменился сильнее многих других. Он артист, но всю его игру портит одна-единственная подлая цель.

– Что ты имеешь в виду, Глашатай?

– Цель эта – возвышение Могабы. И ее достижению посвящены все его поступки. На собственный алтарь Могаба положит лучшего друга, хотя даже боги вряд ли убедят этого друга в том, что такое возможно. Могаба переменялся, как меняется самый прекрасный гранат, когда под его кожу-ру проникла плесень.

Ну вот, опять заговорил стариковскими иносказаниями.

– Знаменосец! Хоть я и осведомлен о черной угрозе моему народу, ты оказал мне большую честь, в ущерб насущным твоим заботам сочтя нас достойными предостережения. Деяние это – знак благородства и дружбы. Мы не забываем о тех, кто протянул нам руку.

– Благодарю тебя. Твой ответ – истинное наслаждение для меня. – И это была святая правда. – Если из-за козней Могабы вы подвергнетесь нападению...

– Эта беда уже у нас на пороге, Каменный Солдат. Южане умирают в нескольких ярдах отсюда. Едва сделалось очевидным наше заточение в Дежагоре, мы изучили каждую пядь земли, на которой, быть может, нам пришлось бы драться. Это не родные наши болота, однако принципы боя везде одинаковы. К этой ночи мы готовились многие недели. Оставалось лишь выяснить, кто станет нашим противником.

– Э-э...

Бывают ситуации, когда я становлюсь туп, как булыжник.

– Пора тебе вернуться к тем, кто нуждается в твоём ру-

ководстве. Ступай и будь уверен, что располагаешь дружбой нюень бао.

– Великая честь.

– Либо проклятие, – усмехнулся старик.

– Значит, твои люди будут говорить с моими?

– Может, чуть охотнее, чем раньше. – Он снова улыбнулся; улыбалась и его жена. Вот же старый шут! Это все равно что для другого хохот во все горло. – Тай Дэй! Ступай с этим человеком. Ты можешь говорить, если заговорят с тобой, но – лишь от моего имени. Костяной Воин, это мой внук. Он поймет тебя. Пошли его ко мне, если сочтешь необходимым передать весть. Но не будь легкомыслен.

– Понимаю.

Я хотел было встать – и смутился: ноги не желали разгибаться. Кто-то из детей засмеялся. Я осмелился взглянуть на прекрасную, словно мечта, женщину, и от Кы Дама, конечно же, это не ускользнуло. На ее коленях спал младенец. Еще один, младше первого, дремал под ее левой рукой. Сама она не спала, смотрела. Похоже, была очень утомлена, напугана, сбита с толку – и в то же время исполнена решимости.

Как, впрочем, и все мы.

Когда в темноте снова раздался стон, она поморщилась и взглянула в темный угол, словно разделяла чужую боль.

Пригнувшись, я вышел в проулок. Нюень бао по имени Тай Дэй провел меня к знакомым местам.

– Не знаю, – ответил я Гоблину на вопрос о моей новообретенной тени. – Тай Дэй не слишком разговорчив. – Пока что мне не удалось вытянуть из него ни слова. – Похоже, весь его словарь состоит из бессвязного бурчания. В общем, необходимости в визите не было. Нюень бао знают о творящемся дерьме куда больше нашего. Старик подтвердил, что во всем виноват Могаба, и пообещал не держать на нас зуб.

Гоблин многозначительно повернул голову и глянул себе за спину.

– Точно, точно, – подтвердил я. – Шнурок развязался на твоём поясе целомудрия. Что случилось в мое отсутствие?

Поблизости не было видно ни Бадьи, ни Вашего Сиятельства.

– Ничего особенного. Тенекрут со своими ребятами только что добрался до холмов.

И тут вдруг кругом стало тихо. Снова над холмами вспыхнуло розовое зарево, высветив в ночи силуэты всадников.

– Похоже на доспехи Вдоводела и Жизнедава, что Госпожа смастерила себе и Костоправу, – заметил Гоблин. – Э, да что это с нашим Мургенем? Будто призрак его за задницу тяпнул.

– Может, так и было... Да, они выглядят в точности, как ты сказал. Только я, если помнишь, снял доспех Вдоводела

с Костоправа, когда его прошило стрелой. И надел, чтобы изображать Старика. Но ничего не вышло – припозднился я с этим.

– Ну и?..

– Ну и на прошлой неделе кто-то украл этот доспех. Прямо из моей конуры, пока я спал. Я-то думал, что спрятал хорошо, никому не найти... Однако кто-то вошел, переступил через меня, выкопал доспех из кучи барахла и унес, а я ни сном ни духом. И все остальные тоже. – Это и впрямь было страшно.

– Вот почему ты задавал странные вопросы в тот день. – Гоблин, когда расстроится, пищит, точно мышь под сапогом.

– Угу.

– Почему же ничего не сказал?

– Потому что вор, кто бы он ни был, пользовался магией, чтобы не быть замеченным. Я думал, это ты или Одноглазый, и решил выяснить, который из двух. И взять за жабры, когда он поверит, что кража сошла ему с рук.

По лестнице, отдуваясь, поднимался Одноглазый. А что, неплохо для двухсотлетнего старика.

– Что тут у вас? Почему рожи кислые?

Гоблин объяснил почему. Черный ведьмачишко задумчиво хмыкнул:

– Надо было нам сказать, Мурген. Мы бы поискали по горячему следу.

Какой там след... Я нашел лишь белое перышко да кра-

пинку на полу, смахивающую на птичий помет.

– Теперь уже не важно. Я знаю, где доспех. Вон там. – Я указал в сторону холмов, над которыми, вроде преждевременного рассвета, полыхало розовое зарево. – Чем вы занимались?

– Прикончили чертову уйму южан, вот чем мы занимались. Могаба, должно быть, входные билеты там продает. Лезут, что твои вши. В общем, отступили они, когда везение наше было уже на исходе. Нюень бао отменную вошебойку там устроили. – Колдун выпучил единственный глаз на Тай Дзя. – Похоже, они решили завернуть тенеземцев Могабе в тыл. Пусть этот гад подавится собственным замыслом. Что это там за чертовщина?

Под чертовщиной подразумевался разлив розового света по холмам.

– Сейчас сгоняем разберемся, – съехидничал Гоблин.

На фоне багряного неба возник сгусток тьмы. Фигуры людей окунулись в него – и вспыхнули, словно яркие, но недолговечные звезды. Почти в тот же миг земля содрогнулась, основательно встряхнув город. Меня сшибло с ног.

– Да, пожалуй, ты прав, недомерок, – проговорил Одноглазый. – В игру вступил кто-то новый, нам незнакомый.

Две-три вороны неподалеку от нас понеслись во мрак, судорожно хлопая крыльями и истерически каркая.

– Сюрпризы, сюрпризы, – проворчал я. – Что там за грохот и вспышки на холмах? Как это понимать? Давайте-ка,

ребята, выкладывайте. Говорите, кто пожаловал. Остальное даже такой пень, как я, сможет домыслить сам. Так кто же?

– Мы этим займемся, – посулил Одноглазый. – Может, сейчас и начнем, если ты отвалишь куда-нибудь и дашь спокойно работать. Пошли, недомерок.

Одноглазый со своим жаболиким дружкойм взялись за дело, а я уделил внимание суматохе, все еще царившей в Дежагоре.

К тому времени, наверное, тысячи тенеземцев успели перебраться через стену. По всему городу полыхали пожары. Я спросил Тай Дэя:

– Твоему народу пожары не повредят?

В ответ внук Кы Дама лишь пожал плечами.

Да, этого парня не назовешь болтуном.

Ночь кончилась до срока. Всюду полыхали пожары. Горел лагерь, обстрелянный баллистами Могабы. Горел город, зажженный солдатами Хозяина Теней. А над холмами полыхал целый океан огня, вздымаясь извержениями вулканов – или же выбросами магической силы, равных коим мы не видавали с тех пор, как Отряд ввязался в войну с темными властителями империи Госпожи. Словом, для полуночного часа света было многовато.

– Скоро ли рассвет?

– Не скоро, – проворчал Бадья. – Даже совсем не скоро. Ты вправду думаешь, что в такую ночь найдутся желающие следить за временем?

Давным-давно, несколько веков назад, то есть еще утром, Одноглазый, или Гоблин, или еще кто-то заметил, что рассвет – слишком далекая цель, недостижимая для нас. Вот как низко пал уровень общего оптимизма.

Прибыли гонцы. Хороших новостей не принес ни один. В город проникли несметные полчища южан с приказом добраться до нас, уничтожить и двигаться в стороны, вдоль стены и по самой стене, пока не вернутся туда, откуда начали. Однако нюень бао им в этом не помощники, а мои ребята – не беззубые младенцы. Так что чужаки просто шатаются по городу, вредят где могут и ждут, когда их кто-нибудь при-

кончит.

Зато в истреблении джайкури, укрывшихся в домах в надежде остаться незамеченными (несмотря на весь опыт общения с Хозяевами Теней), южане добились кое-какого успеха. Впрочем, не стоит винить джайкури за то, что не вышли помочь нам. Умирать никому не охота. А Могабе не стоит удивляться, если кое-кто из негодяев, пропущенных им в город, повернет против него.

Мы удерживали позиции. Иллюзорные двойники доводили до отчаяния врагов – те никак не могли понять, кого следует опасаться. Однако главная причина нашей стойкости – отсутствие выбора. Бежать-то некуда.

Тенекрут никак не помогал своим. Он все еще болтался среди холмов, вознамерившись лично раскрыть тайну. Ясное дело, необходимость выбирать из двух целей не могла его не расстраивать.

На фоне розовых сполохов появился отряд всадников, возвращавшихся с холмов. Хозяина Теней среди них видно не было.

– Гоблин! Одноглазый! Куда вы подевались?! Что с Тенекрутом?

Гоблин появился почти сразу, от него за версту разило самодельным пивом. Значит, они с Одноглазым припрятали где-то неподалеку несколько галлонов. Мои надежды колдун моментально свел на нет:

– Жив он, Мурген, жив. Разве что в башке у него кавар-

дак. – И захихикал, мерзавец.

– Вот же гадство, – пробормотал я.

Если и Одноглазый успел надраться, то остаток ночи может пройти весьма интересно. Эти двое вполне способны забыть про все на свете и возобновить вражду, тянущуюся уже сотню лет. Когда они в последний раз напились и затеяли свару, в Таглиосе целый квартал превратился в руины.

Внук Глашатая все это время держался в тени, наблюдал. Словно одна из этих треклятых ворон. Каковых, кстати, вокруг заметно прибавилось.

С улицы к нам поднимался старикашка Хрипатый. Он сипел, кашлял и отхаркивался кровью и присаживался отдохнуть. Родом он из тех же земель, что и Одноглазый, а больше у них ничего общего, разве что любовь к пиву. Хрипатый, похоже, тоже пару раз навестил бочку.

Пока я оглядывал город, старик добрался-таки до верха, чтобы уяснить, насколько плохи наши дела. На нас пока что не слишком нажимали.

Хрипатый всхрипнул, откашлялся и сплюнул.

У подножия холмов вспыхнула еще порция розовых огней, обрисовав два громадных силуэта. Несомненно, то были Вдоводел и Жизнедав, ужасные альтер эго Госпожи и Костоправа, созданные специально для того, чтобы вызывать у тенеземцев медвежью болезнь.

– Не может быть, – сказал я нашим ручным колдунам.

Одноглазый уже вернулся. Одной рукой помогая устоять

Хрипатому, которого, похоже, скрючил приступ астмы одновременно с разыгравшейся чахоткой, в другой он держал нечто вроде жерди, завернутой в тряпки.

– Это не могут быть Костоправ с Госпожой, – заявил я. – Они оба погибли у меня на глазах.

Горстка всадников приближалась к городу. И среди них сгусток тьмы, то есть не кто иной, как Тенекрут. Он был очень сильно занят – отбивался от розовых светляков, что роились вокруг.

Южане, сообразив, что хозяин возвращается в дурном расположении духа, возобновили атаку.

– Не знаю, не знаю, – протянул Гоблин, судя по голосу, совершенно протрезвевший от страха. – Того, который в доспехе Жизнедава, я вообще не ощущаю. Хотя мощь у него потрясающая.

– Госпожа лишилась сил, – напомнил я.

– А другой воспринимается совсем как Костоправ.

Не может быть...

– Могаба... – наконец выдавил Хрипатый.

Несколько братьев брезгливо сплюнули при упоминании этого имени. У всех, похоже, сложилось одинаково нелестное мнение о нашем бесстрашном предводителе.

К отряду Тенекрута протянулась извилистая розовая нить. Колдуну удалось ее отбить, однако половину его отряда будто корова языком слизнула. Во все стороны разлетелись ошметки тел.

– Вашу мамашу!.. – вырвалось у кого-то.

И эта краткая реплика с исключительной точностью описывала общее настроение.

– Могаба... – пролаял Хрипатый, – желает знать... не можем ли мы... прислать пару сотен бойцов... для отражения... проникшего в город противника?

– Эта сволочь нас за дураков держит?! – рявкнул Ваше Сиятельство.

– Или не знает эта жена верблюда, что мы теперь против нее? – осведомился Гоблин.

– А с чего бы ему думать, что мы его подозреваем? Он же такого высокого мнения о своих мозгах.

– По-моему, смешно, – сказал Бадья. – Хотел нас обжудить – и собственной задницей в пращу зарядился. А теперь не сможет освободиться, пока мы эту пращу не раскрутим.

– Гоблин, что затевает Одноглазый? – спросил я.

Одноглазый и Лофтус возились с баллистой. Под ногами у них валялись тряпки, а на ложе покоилось грозного вида черное копьё.

– Не знаю.

Я оглянулся на ближайшие ворота. Оттуда нас могли видеть дозорные нары. Если отвечу, что мы слишком ослабли и помочь не в состоянии, Могаба уличит меня во лжи.

– Кто-нибудь возьмется меня убедить, что нам необходимо выручить Могабу? – спросил я.

Чтобы удержать наш участок, у меня, помимо Старой Ко-

манды, имелось шестьсот таглиосских легионеров, остатки войска Госпожи. Да еще неизвестное, по причине постоянной текучки, количество освобожденных рабов, бывших военнопленных и наиболее амбициозных джайкури.

Все отвечали отрицательно. Помогать Могабе не желал никто. Приблизившись к баллистам, я спросил:

– А как насчет того, чтобы сделать это ради спасения собственной шкуры? Если Могабу растопчут, мы останемся одни против всей армии тенеземцев. – Я оглянулся на ворота. – К тому же вон те ребята видят все, чем мы тут занимаемся.

Гоблин проследил за моим взглядом и потряс головой, выгоняя хмель:

– Надо обдумать.

Я уже стоял возле Одноглазого:

– Что это тут у тебя?

– Да так, пусячок. – Одноглазый с гордостью указал на копьё. – Смастерил на досуге.

– Жутко выглядит.

Приятно уже то, что он сделал нечто полезное, не дожидаясь особых распоряжений.

Где-то раздобыв жердь черного дерева, Одноглазый провозился с ней много часов. Древко было испещрено непостижимыми миниатюрными сценками и буквами неизвестного мне языка. Наконечник был так же черен, как и древко, – на вороненой стали колдун искусно вытравил серебряные руны. Древко было даже тонировано, но совсем слабо, пригляды-

ваться надо, чтобы заметить.

– Что ж, неплохо.

– Неплохо?! О невежда! Смотри! – Он указал нам с Лофтусом на равнину.

Отряд Тенекрута, сократившийся до полного ничтожества, сопровождаемый роем розовых искр и насмешливым вороньим граем, был уже недалеко от стен.

– А тут мой Тенекрутобой тебя, гада, поджидает! – захихикал Одноглазый. Он издал пронзительный вой – здорово, видать, нагрузился пивом – и проорал: – Ничему бы он не смог помешать в томный полуденный час! Но вроде сейчас не полдень... Стреляй же, Лофтус! Копье не задержится в воздухе даже на пять секунд! Не успеет негодяй увидеть приближение беды и развеять чары, препятствующие отклонению копья от цели! Глядите, как засуетился этот кусок дерьма! Лофтус, дружище, готовься вырезать на древке зарубку в память о великой победе!

Как и всякий, обладающий хоть каплей здравого смысла, Лофтус не обращал на Одноглазого внимания. Он артистически управлялся со своей машиной.

– Большинство заклинаний, – трещал Одноглазый, – создано специально для пробития его индивидуальной защиты. Расчет строится на том, что у него нет времени для активного противодействия. Я сосредоточен на поражении конкретной точки на теле пассивно ведущего себя...

Я велел ему заткнуться:

– Гоблин! От этого может быть хоть малейшая польза? Наш Одноглазый уж точно не из тяжеловесов.

– Вообще-то, может. Тактическая. Если недомерок и вправду работал так усердно, как расписывает. Скажем, Одноглазый на порядок слабее Тенекрута. Но это лишь означает, что на ту же задачу ему потребуется вдесятеро больше времени.

– На порядок?

Вот, значит, в чем проблема Одноглазого.

– Пожалуй, даже на два.

С этими словами Гоблин удалился. Да и недосуг мне было вытягивать из него объяснения.

Наконец Лофтуса устроило наведение на цель, расстояние до нее и все прочее.

– Пора, – сказал он.

– Бей! – скомандовал я.

Раздался характерный звук выстрела баллисты. Всю стену объяла тишина. Черное копьё понеслось сквозь ночь; вслед ей поплыла в воздухе случайная искра. Одноглазый говорил про пять секунд полета. На самом деле вышло даже меньше четырех, однако эти секунды растянулись на целую вечность.

Хозяина Теней достаточно хорошо освещало зарево пожаров, но вскоре он должен был скрыться за одной из башен, предназначенных для флангового обстрела. Его взор был устремлен назад, к холмам. Дивные всадники уже спустились на равнину, словно бросая вызов всем, кто осмелится его принять.

Тут-то я и ахнул!

Вдоводел держал в руке копьё! Знамени не разглядеть, но копьё – то самое, что служило ему древком с того дня, когда Черный Отряд покинул Хатовар.

Я перевел взгляд на Тенекрута – как раз в тот момент, когда изделие Одноглазого достигло цели.

Позже Гоблин говорил, что Тенекрут почувствовал угрозу, когда снаряд достиг высшей точки траектории. И что бы после этого ни предпринял колдун, он не ошибся. Или же ему здорово подфартило. А может, некая высшая сила решила, что ночь его смерти еще не настала.

Копье отклонилось на жалкие дюймы – и вместо Тенекрута поразило его коня. Вошло в плечо и пробило животное насквозь, словно оно было не плотнее воздуха. Рана тотчас покраснела и заискрилась. Красное пятно ширилось. Конь сбросил всадника, и Тенекрут, взревев в гневе, рухнул на землю. Он так и лежал бесформенной, судорожно дергающейся грудой, и Одноглазый уже уговаривал Лофтуса накрыть его залпом обычных кольев. Но затем Тенекрут бочком, покрабы, отполз в сторону, подальше от тяжелых копыт бьющегося в агонии жеребца.

И тогда я узнал коня. То был один из скакунов, магически возвращенных Госпожой в ее бывшей империи. Они, помнится, пропали в ходе битвы.

Конь дико ржал.

Обычное животное погибло бы вмиг.

Я взглянул на двух всадников. Те не торопясь, словно приглашая врагов на бой, двигались к городу. Теперь я разглядел, что и они восседают на конях Госпожи.

– Гоблин, но я же видел, как их убили...

– Надо бы глаза парню проверить, – проворчал Одноглазый.

– Я уже говорил, – отвечал Гоблин, – это не Госпожа. Вблизи ты бы заметил, что доспех отличается.

Наши солдаты тоже видели всадников. Среди таглиосцев поднялся ропот.

– А другой? О чем они там говорят, слышишь?

– Не слышу. Но это вполне может быть наш Старик.

Ваше Сиятельство отправился выяснить, почему так расшумелись таглиосцы.

Конь Тенекрута понемногу слабел, однако продолжал биться и ржать. От раны валил зеленоватый пар, сама же она разрасталась. Смерть явно не торопилась к этому существу.

Попади копьё Одноглазого в цель, волшебник, наверное, умирал бы еще дольше и мучительнее.

Вернулся Ваше Сиятельство:

– Они всполошились оттого, что доспех точь-в-точь как у богини по имени Кина. Именно так она изображена на всех картинах о ее войнах с демонами.

Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит. Знал лишь, что Кина в здешних краях вроде богини смерти.

Интересно, скоро ли этот Хозяин Теней захочет ответить Одноглазому?

– Вообще не захочет, – заверил Гоблин. – Как только он отвлечется на Одноглазого, эта парочка ему ноги отхватит.

Тенекрут, хромая, скрылся из виду.

Случившееся будто подхлестнуло тенеземских солдат, и они рьяно устремились на штурм. Догадывались, что за позор и боль господина кому-то придется заплатить, и, конечно, предпочитали, чтобы это сомнительное удовольствие досталось нам.

Кое-кто из них, видимо, тоже узнал доспех Жизнедава. За стеной не раз прозвучало имя Кины.

– Тай Дэй, пора передать весточку твоему деду. Мне нужно провести часть войска через ваш квартал, чтобы выгнать южан из города.

Нюень бао выступил из тени лишь настолько, чтобы выслушать меня. Озабоченно взглянув на всадников, он что-то буркнул, спустился на улицу и скрылся во тьме.

– Слушайте, люди! Мы идем выручать нашего пустоголового предводителя. Бадья...

Я ступил в темный переулок, намереваясь зайти отряду южан в тыл, пока Гоблин наводит на них свои чары. Как будто я шагнул за край мира, провалился в бездонные глубины... Даже не так: меня будто швырнул в пустоту удар гигантской невидимой мухобойки. В последний момент Гоблин что-то отрывисто прокричал, но я не разобрал его слов.

Да и не до того мне было. Я пытался понять, отчего меня так тошнит, в чью колдовскую ловушку я угодил и что за сила скручивает меня, точно мокрую тряпку.

Может, это измена Могабы перешла на следующий уровень?

Меня что-то держало. И тянуло куда-то с невероятной силой – сопротивляться было невозможно. Я перестал понимать, кто я, и мог лишь догадываться, где нахожусь. Знал лишь, что сплю и не желаю просыпаться.

– Мурген! – позвал далекий голос.

И снова эта тяга, теперь сильнее.

– Давай, Мурген! Возвращайся! Борись, Щенок! Не сдавайся! Борись!

Я и начал бороться – только с этим самым голосом, звавшим куда-то, куда большая часть моего существа попасть не желала. Там ждала боль.

Меня рвануло с удвоенной силой.

– Помогло! – закричал кто-то. – Он возвращается!

Я узнал голос.

Это было сродни выходу из комы, только я до мельчайших деталей помнил, где побывал. Помнил Дежагор, со всей его болью, со всеми бедами и страстями... Однако его черты уже расплывались, утрачивали четкость. Тяга ослабла. Я вернулся сюда.

Сюда? Где же – и когда – находится это самое «здесь»? Я попытался открыть глаза. Веки онемели. Попробовал пошевелиться. Конечности не слушались.

– Он здесь.

– Задерни занавеску. – Раздался шорох ткани. – Что же, так и будет – чем дальше, тем хуже? Я думал, худшее позади, дальше он уже не заберется и трудностей с его возвращением не прибавится.

О! Этот голос принадлежал Костоправу, нашему Старику. Но ведь Старик мертв, я видел, как его убили... Или нет? Может, я просто бросил Вдоводела в беде и он надолго пережил отведенный ему срок?

– Он нас пока не слышит. Но хуже уже не будет, только лучше. Мы перевалили через гребень. Лишь бы только он сам не захотел остаться...

Мне удалось открыть глаз.

Вокруг было темно. Совершенно незнакомое место, но это, конечно же, дворец в Трого Таглиосе. Мое жилище... Я больше нигде не встречал построек из такого камня. И ничего удивительного в том, что можно не узнать часть дворца, находясь в ней. Все таглиосские князья во время своего правления хоть малость, да пристраивали. Вероятно, лишь придворный колдун, старик Копченый, изучил дворец до последнего закутка. Но Копченого с нами больше нет. Не знаю, куда он пропал несколько лет назад, после того как его едва не сожрала сверхъестественная тварь. И это хорошо, потому что как раз тогда мы узнали, что он завербован Длиннотенью, служит Хозяевам Теней.

Я удивлялся самому себе. Несмотря на головную боль, вполне годящуюся в праматери всех похмелий, мое сознание

вдруг сделалось кристально ясным.

– Капитан, он открыл глаз.

– Мурген! Слышишь меня?

Я проверил, действует ли язык. Из моих уст исторгся невнятный лепет.

– Это был очередной приступ. Мы провозились с тобой два дня. – Голос Костоправа звучал холодно, словно я нарочно противился возвращению. – Ладно, Гоблин, процедуру ты знаешь; пусть встанет и походит.

Я вспомнил, что уже несколько раз все это проделывал. Сейчас в голове не царил такой сумбур и легче было отделить прошлое от настоящего.

Гоблин схватил меня за правую руку, а Костоправ обнял за пояс слева. Рывок – и я на ногах.

– Я помню, что надо делать.

Они не разобрали моих слов.

– Ты точно вернулся? – спросил Гоблин. – Не провалишься снова в прошлое?

Я кивнул, и это получилось хорошо. Может, попробовать язык глухонемых?

– Опять Дежагор? – спросил Костоправ.

В моем разуме мысли связались друг с другом. Пожалуй, этих связей стало даже больше, чем нужно. Я еще раз попытался говорить:

– Та же ночь... Снова... Чуть позже...

– Опускай, он уже почти в порядке, – сказал Костоправ. –

Мурген, ты и теперь не уловил никаких намеков? Нет ли хоть малейшей зацепки, чтобы мы смогли вытащить тебя из замкнутого круга? Ты нужен мне здесь. Постоянно.

– Ничего. – Я умолк, чтобы перевести дух. В этот раз я приходил в себя быстрее. – Даже не понял, когда это началось. Просто внезапно оказался там, словно полтергейст меня затащил, и не было мыслей о будущем. А через некоторое время стал Мургеном, просто Мургеном, и никаких тревог и неправильностей, как сейчас.

– Что еще за неправильности?

От неожиданности я вздрогнул и обернулся. В комнате, словно из-под земли, возник Одноглазый. Занавеска, скрывавшая половину комнаты, еще колыхалась.

– А?

– Что за неправильности ты имеешь в виду?

Я сосредоточился и понял: сам не знаю, что имел в виду.

– Непонятно. – Я покачал головой. – Ускользнуло... Где я? То есть когда?

Костоправ обменялся с колдунами многозначительными взглядами и спросил:

– Помнишь рошу Предначертания?

– Еще бы! – Меня снова пробрал холод, и тут я понял нечто очень важное: никаких воспоминаний о прежних посещениях этой комнаты у меня нет, хотя должны быть.

Значит, я все еще в прошлом. Только не в столь далеком – ведь от Дежагора меня отделяют годы.

Тогда я попытался вспомнить будущее. И вспомнил слишком много. Эти воспоминания заставили застонать.

– Может, его еще поводить? – предложил Гоблин.

Я покачал головой:

– Нет, я в норме. Давайте подумаем. Сколько времени прошло между этим приступом и предыдущим? И сколько – с тех пор, как мы вернулись из роши Предначертания?

– Вернулся ты три дня назад, – сообщил Костоправ. – Я велел тебе доставить пленных во дворец. Ты их повел – и потерял тенеплета по пути, при обстоятельствах столь загадочных, что я приказал всем братьям Отряда повысить бдительность.

– Да старый он был, – сказал Одноглазый. – Просто околочурился с перепугу. Никаких загадок.

Головная боль не проходила. Я помнил те события, но столь же смутно, как и все, что происходили незадолго до прежних припадков.

– Я почти забыл, что там было.

– Краснорукий обманник был доставлен целым и невредимым. Тем же вечером мы собирались его допросить. Но ты, вернувшись к себе и едва переступив порог, отключился. Твоя теща, дядя, жена и шурин это подтвердили – наверное, в первый и последний раз обойдясь без свары.

– Да, не похоже на них. Старуха, в точности как Одноглазый, по любому поводу спорит, лишь бы последнее слово осталось за ней.

– Эй, Щенок...

– Заткнись, – оборвал Одноглазого Костоправ. – Словом, ты просто упал и окаменел. С твоей женой случилась истерика, а шурин прибежал ко мне. Мы перенесли тебя сюда, чтобы не волновалось твое семейство.

Волновалось?! Да эта бражка и слова-то такого не знает! Кроме того, я считал «моим семейством» только Сари.

– Открой-ка рот, Мурген. – Гоблин повернул мою голову к свету и заглянул в рот. – Повреждений нет.

Я знал, о чем они думали. О падучей. Я и сам ее боялся и расспрашивал о ней всех, кого мог, но еще ни один эпилептик не уносился в прошлое во время припадка. Тем более в такое прошлое, которое слегка отличается от того, что уже прожито мною.

– Говорю же: это не болезнь! – рывкнул Костоправ. – Ответ – в области магии, и когда ты наконец его найдешь, со стыда сторишь оттого, что не понял этого раньше!

– Найдем, – пообещал Одноглазый. – Было бы что искать.

Это заставило меня подумать о том, какие еще козыри припасены у него в рукаве. Тут я смекнул, что уже должен бы это знать, ведь мне вскоре скажут. Однако не мог ясно вспомнить эту часть будущего – не за что было ухватиться.

Иногда мне жутковато быть мной.

– Тот безголовый снова там был? – спросил Костоправ.

Сообразив, о ком он, я ответил:

– Да, Капитан. Только не безголовый, а безликий. Голо-

ва-то у него на месте...

– Возможно, это он – причина твоих неприятностей, – предположил Одноглазый. – Если вспомнишь любые детали внешности или вообще хоть что-нибудь, сразу рассказывай. Не будет меня рядом – записывай.

– Я не желаю, чтобы подобное произошло с кем-нибудь еще, – заявил Костоправ. – Как мне вести кампанию, если люди будут вот так выпадать на несколько дней?

Я был уверен, что ни с кем другим такого случиться не может, но промолчал. Иначе станут выспрашивать, а мне это сейчас ни к чему.

– Не найдется ли чего-нибудь от головной боли? Она как при похмелье.

– Раньше так же бывало? – оживился Костоправ. – Ты об этом не говорил.

– Бывало, но не так сильно. Слегка. Как от четырех кружек пива, если его варили Плетеный Лебедь с Корди Мэзэром. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Костоправ ухмыльнулся. На конкурсе «Самое мерзкое пиво в мире» то варево заняло бы второе место.

– После роши Предначертания мы с Гоблином глаз с тебя не спускали. Догадались, что приступы будут повторяться. Я не хотел, чтобы очередной случился в наше отсутствие.

А вот это вызвало серьезный вопрос. Если я, находясь в нынешнем дне, помню кое-что из будущего, почему не помню визитов в прошлое, которые мне еще предстоит совер-

шить?

И как удавалось братьям столь чутко следить за мной? Я их ни разу не заметил, а ведь держался начеку – вдруг из-за угла выскочит, размахивая платком-удавкой, обманник?..

– И какой результат?

– Никакого.

– Но теперь за дело берусь я, – объявил, надувшись от важности, Одноглазый.

– Вот это и вправду внушает оптимизм.

– Шибко умными все стали, – посетовал Одноглазый. – А ведь я помню времена, когда молодежь уважала стариков.

– В те времена не было у нее возможности узнать этих стариков получше.

– У меня еще дела, – сказал Костоправ. – Одноглазый! По возможности будь с Мургенем. Продолжай спрашивать о Дежагоре и обо всем, что там происходило. Где-то должны лежать подсказки. Может, мы просто пока не распознали их. Если не сдаваться, что-нибудь да всплывет.

Он вышел прежде, чем я успел что-нибудь сказать.

Между Костоправом и Одноглазым явно произошло нечто касающееся и меня, а возможно, и нас всех. В этот раз я не многое запомнил о том, где побывал. Все выглядело точно впервые, однако какая-то перепуганная дрожащая тварь в темных закоулках моего сознания твердила, что я лишь переживаю заново уже пережитое, причем худший вариант вчерашнего дня еще впереди.

– Пожалуй, Щенок, мы тебя домой отведем, – сказал Одноглазый. – Жена быстро избавит тебя от печалей.

Она может, вполне. Она просто чудо. Одноглазый, кажется, отроду не способен никого уважать, а с Сари ведет себя вежливо и даже за глаза говорит о ней как о благородной даме.

На самом деле она такая и есть. И все равно приятно, когда это признают другие.

– Ну наконец-то я слышу то, что был не прочь услышать. Веди, брат.

Сам я не знал дороги. И тут снова вспомнились Копченый и накрытый холстиной обманник. С чего бы?

Родня моя по жене, в частности матушка Гота, почти не прилагает усилий к улучшению мнения окружающих о нюень бао. Этот старый боевой топор даже меня еле терпит – и то лишь потому, что иначе потеряет дочь. А уж об отношении к Старикку лучше Готу не спрашивать.

Однако Костоправ ценил нас с Сари достаточно высоко, чтобы согласиться на смену жилья, когда ее родичи месяц назад переселились со своих роскошных болот в этот злощастный город. Впрочем, даже они не сделают его снова похожим на рай, если матушка Гота не будет на улице держать язык за зубами.

Старик никогда не реагировал на ее непрестанные жалобы.

– Я тридцать лет знаю Гоблина с Одноглазым, – объяснил он однажды. – Так что одна-единственная старая ворчунья, больная артритом и подагрой, для меня – ничто. Говоришь, она здесь всего на пару месяцев?

Да, я это сказал. Интересно, каковы на вкус эти слова под соевым соусом? Или с большим количеством карри?

Госпожа теперь часто пропадала на юге, опорожня на Тенеземье бездонный сосуд своего гнева, и Костоправ не нуждался в большой квартире. Наша же старая была едва ли просторней монашеской кельи. Места в ней как раз хватало для

него, для Госпожи во время ее нечастых приездов да еще для колыбели, подаренной Госпоже телохранителем по имени Рам, впоследствии погибшим при попытке защитить ее и ее дочь от Нарайяна Сингха. Рам сделал эту колыбель собственноручно. А погиб, скорее всего, потому, что, подобно всем мужчинам, проводящим слишком много времени возле Госпожи, влюбился не в ту женщину, которая ему предназначена.

Да, Костоправ отдал мне свое жилище, но с оговоркой: я не посмею превратить его в новый притон для нюень бао. Сари с Тай Дэем пусть живут там постоянно, однако матушка Гота и дядюшка Дой смогут лишь захаживать в гости. И чтобы ни единого захребетника из племянников либо двоюродных братьев.

Людам, обвиняющим Капитана в использовании служебного положения ради создания уюта в собственном гнездышке, надо бы взглянуть на это гнездышко поближе. Освободитель-и-Милостью-Богов-Военный-Деспот-Всего-Таглиоса с его владениями и колониями живет точно так же, как и в бытность свою простым отрядным лекарем и летописцем.

Мое переселение он устроил еще и с той целью, чтобы в жилище было достаточно места для всех томов Анналов.

Книги у меня получаются не сказать что удачными. Я не всегда описываю происходящее наилучшим образом. Вот Костоправ и вправду был хорош в этом деле. Я никак не могу удержаться от сравнения моих текстов с его.

Когда он пытался совмещать должности летописца и Капитана, работа страдала. А откровения Госпожи частенько режут глаз излишней прямоотой, сжатостью и подчас легкой склонностью к самооправданию. И никто из этих двоих не отличался устойчивой честностью, никто не стремился как-то соответствовать другому, своим предшественникам и даже себе самому, более раннему. Когда читаешь внимательно и подмечаешь ошибки, бесполезно указывать на них Госпоже или Костоправу – нипочем не признают. Если Костоправ пишет, что от Таглиоса до Тенеземья восемьсот миль, а у Госпожи выходит четыреста, кому из них верить? Каждый настаивает, что ему. Госпожа говорит: причина расхождений в том, что они росли в разных местах и в разное время, вот и привыкли к разным мерам длины и веса.

Что касается персонажей, то здесь еще меньше сходства. Например, у Костоправа Плетеный Лебедь вечно грубит и пререкается. Госпожа же описывает его энергичным, шумным и вполне симпатичным. Разницу можно объяснить тем, что интерес этого Лебеда к Госпоже вовсе не братский.

А взять Копченого! Ни за что не догадаетесь, что они описывают одну и ту же скотину, – столь различны их мнения об этом изменнике. Затем Могаба и Нож. Оба тоже предатели с черной душой. О них ничего такого нет в книгах Костоправа, поскольку он не вел записей в ту пору, когда Нож дезертировал, однако в повседневной жизни он постоянно выкачивает жгучую ненависть к Ножу, причем без объяснимых

причин. И в то же время, похоже, готов простить Могабу! Госпожа этих двоих рассматривает наоборот: Могабу сварила бы в одном котле с Нарайяном Сингхом, а Ножа, возможно, отпустила бы подобру-поздорову. С Ножом – тот же случай, что и с Лебедем, и с Рамом.

Хотя, пожалуй, не стоит требовать от любящих друг друга людей согласия во всем.

Они даже подходили к Анналам по-разному. Костоправ записывал все, что видел сам, а после возвращался назад, чтобы дополнить фактами, полученными из других источников. Кроме того, он, отображая второстепенные события, был склонен пофантазировать, поэтому его Анналы нельзя считать полноценными историческими документами.

Госпожа же написала весь том по памяти, пока вынашивала ребенка. И ее альтернативный материал в основном получен из вторых рук. Самые сомнительные моменты ее книги я во время оформления всех путаных записей по единому образцу заменил материалом, каковой считаю более точным.

Госпожа далеко не всегда была довольна моей правкой. Костоправ же по этому поводу высказывался снисходительно.

Впрочем, главный мой недостаток – никак не могу удержаться, чтобы не поиграть словами и мыслями, отклоняясь при этом от темы. Я некоторое время общался с официальными историками из таглиосской княжеской библиотеки, и эти ребята уверяли, что в истории главное – нюансы. Буд-

то бы ее ход может полностью измениться, если один-единственный человек будет убит случайной стрелой в незначительной стычке.

Комната, где я пишу, – пятнадцать на двадцать два фута. Места хватает и для всех моих записок, и для старых томов Анналов, и для громадного стола на козлах, за которым я работаю над несколькими замыслами одновременно. И еще остается около края пола для Тай Дэя и дядюшки Доя.

Они с Тай Дэем, пока я пишу, читаю и выверяю, всюду стучат учебными деревянными мечами или же с визгом лягают друг друга, при этом запрыгивая на стены. Если кто приземляется на моей территории – вышвыриваю. Они здорово наловчились – да и неудивительно, при такой-то практике, – но я полагаю, что против серьезных бойцов вроде наших, из Старой Команды, такие номера не пройдут.

Мне нравится эта работа. Куда приятнее должности знаменосца, хотя и она пока сохраняется за мной. Знаменосец всегда должен первым лезть в пекло, к тому же одна рука занята тяжеленным древком.

Я примерно так же, как Костоправ, стараюсь не упускать подробностей. А его природной язвительности просто завидую. Он утверждает, что все у него получалось так хорошо только потому, что хватало времени. В те дни, мол, Черный Отряд был всего-навсего шайкой оборванцев и всегда ускользал из-под носа у серьезных неприятностей. Теперь же мы постоянно по уши в дерьме. Мне это не нравится, Капи-

тану тоже.

Представить себе не могу человека, которому власть, нежданно свалившаяся в руки, доставляла бы меньше удовольствия. Костоправ не сложил ее до сих пор лишь потому, что не верит, будто кто-то другой способен привести Отряд туда, где, по убеждению Старика, ему самое место.

Мне удалось прожить несколько часов, не провалившись в темный колодец прошлого. Чувствовал себя неплохо. Сари также пребывала в прекрасном настроении, как ни старалась ее мамаша испортить нам день. Я с головой ушел в работу. Мое существование в эти часы устраивало меня, как никогда.

Кто-то подошел к двери.

Сари впустила Капитана. Дядюшка Дой с Тай Дэем продолжали трещать мечами. С минуту Костоправ наблюдал.

– Оригинально.

Судя по тону, поединок не произвел впечатления.

– Это не для войны, – объяснил я. – Это фехтование одиночек. У нюень бао много таких героев – одиноких волков.

Старик и к этому остался равнодушен. Его вера в братьев, прикрывающих спину, почти религиозна.

Фехтовальный стиль нюень бао – череда кратких, но бурных периодов нападения-обороны, перемежающихся замиранием в самых причудливых позах, когда бойцы, почти не шевелясь, стараются предугадать дальнейший ход противника.

Дядюшка Дой в этом деле весьма искушен:

– Ну да, грациозно, не спорю. Почти как пляска больных хореей.

Войдя зятем в клан Сари, я был посвящен в боевые искусства нюень бао. Даже если бы не желал, не смог бы отказать дядюшке Дою. Мне эти игры не очень-то интересны, но на что не пойдешь ради поддержания мира в семействе. И вообще, это неплохие физические упражнения.

– Каждая поза и движение, Капитан, имеют название.

Как раз это я считал слабым местом. Любой боец, замкнувшийся на своих методах, неизбежно становится легкой добычей для того, кто не чурается новшеств.

С другой стороны, я видел, как в Дежагоре дядюшка Дой расправлялся с настоящими врагами.

Я перешел на язык нюень бао:

– Дядюшка Дой, позволишь ли ты моему Капитану познакомиться с Бледным Жезлом?

Они уже достаточно долго присматривались друг к другу.

А Бледный Жезл – это меч. Дядюшка называет его своей душой и обращается с ним лучше, чем с самой любимой наложницей.

Дядюшка оторвался от Тай Дэя, слегка поклонился и вышел. Через пару минут он вернулся с чудовищным клинком в три фута длиной. Бережно вынув меч из ножен, дядюшка с легким поклоном подал его Костоправу, приложил к левому предплечью, так чтобы сталь не касалась потной или жирной

кожи.

Он желал убедить нас, что по-таглиосски не понимает ни слова. Тщетно. Я слышал, как он разговаривал, и вполне бегло.

Костоправ кое-что знал об обычаях нюень бао. Он принял Бледный Жезл с подобающей осторожностью и почтительностью, словно бы ему была оказана большая честь.

Дядюшка Дой это проглотил и не поперхнулся.

Костоправ взялся за двуручный эфес. Похоже, неловкость он изображал нарочно. Дядбшка Дой поспешил показать верный хват, как бывало и со мной на каждой тренировке. Старичок он подвижный: десятью годами старше Костоправа, а в движениях – ловчей меня. И отличается завидным терпением.

– Прекрасный баланс, – сказал Капитан по-таглиосски, хотя я, узнав, что он овладел и толикой нюень бао, ничуть не удивился – языки ему всегда давались легко. – Но сталь могла быть и получше.

Это он потому сказал, что лезвие показалось ему слишком узким и тонким.

– Дядюшка говорит, этому мечу четыреста лет, – поведал я, – и он разрубает пластинчатый доспех. Ручаюсь, бездошпешного человека развалит за милую душу. Не раз видел его в деле.

– В ходе осады? – предположил Костоправ, рассматривая клинок возле рукояти. – Пожалуй, ты прав. Клеймо Динь

Лук Дока...

Тут глаза дядюшки сузились, на лице, обычно бесстрастном, отразилось крайнее удивление, и он тотчас потребовал любимую вещь назад. Тот факт, что Костоправ кое-что знает о кузнецах-оружейниках народа нюень бао, заметно встревожил его. Чужаки, как известно, глупы и невежественны, но этот, возможно, исключение.

Дядюшка Дой вырвал у себя прядь жидких волос и уронил поперек клинка. Результат нетрудно было предугадать.

– Можно остричь человека, а он и не заметит, – прокомментировал Костоправ.

– Бывает и так, – кивнул я. – Ты зачем пришел?

Сари принесла чай. Старик, хоть и не любил этого напитка, принял чашку. Он забавлялся, глядя, как я пялюсь на жёну. Дело в том, что в присутствии Сари я не могу ни на чем сосредоточиться. Как ни увижу ее, она все прекраснее. Просто не верится в собственное счастье. И я боюсь до дрожи, что этот сон однажды кончится.

«Ты, Мурген, получил сказочную награду», – говаривал Костоправ. Сари он одобрил. Чего не скажешь о ее родне. «И как тебя угораздило жениться на всем этом кубле?» Ради этого высказывания он перешел на форсбергский, которого никто из присутствовавших не понимал.

Тебе бы там попариться...

Лучше о Дежагоре не скажешь. Тамошний кошмар накрепко сплавил Старую Команду с нюень бао.

Тут появилась матушка Гота. Четыре фута десять дюймов желчи. Она так и вызверилась на Капитана:

– Ага! Великий правитель собственной персоной!

Ее таглиосский отвратителен, однако она отказывается в это верить. И те, кто ее не понимает, нарочно так делают, издеваются над ней.

Едва переставляя кривые ноги, она обошла Капитана кругом. Гота хоть и не жирна, но в ширину такая же, как и в высоту. Вкупе с ковыляющей походкой это делает ее похожей на миниатюрного тролля. Родня за глаза так и зовет ее: бабушка Троль. И характер у нее подобающий. Даже камень выведет из себя.

Тай Дэй с Сари были детьми довольно поздними. Остается молить богов, чтобы моя жена не сделалась когда-нибудь похожей на мать – ни обликом, ни характером. Вот на бабушку – совсем другое дело.

Похолодало что-то...

– Чего так жутко трудить моя Сари муж, ты, господин Столь Великовато Могутный Освободительник?

Отхаркнувшись, она сплюнула в сторону. Смысл этого жеста у нюень бао тот же, что и у всех прочих народов. Гота увлеклась, и чем быстрее она тараторила, тем энергичнее ковыляла.

– Ты думать, он раб быть, да? Воин – нет? Время бабушка меня сделать он всегда – нет, тебе все время давать – да?

Она снова сплюнула.

Бабушкой-то она стала уже давно, только все внуки были не от меня, да и не осталось никого в живых. Но я не напомнил ей об этом. Решил, ни к чему лишний раз привлекать к себе внимание.

Часом раньше она уже прошла по мне вдоль и поперек. Я «мудрый – нет, пустоголовец бездельный – да», потому что только пишу да читаю. «Вряд ли взрослому человеку на это тратить время – да». Матушка Гота вечно всем недовольна.

Костоправ считает, это оттого, что ее непрестанно мучают боли.

Он сделал вид, что не понимает ее ломаного таглиосского: – Да, погодка и вправду славная. Не по сезону... Специалисты по сельскому хозяйству заверили меня, что в этом году мы соберем два урожая. Как полагаешь, ты справишься с уборкой двойного урожая риса?

Снова отхаркивание, плевков, а затем – длинная гневная тирада на нюень бао, щедро приправленная вычурными эпитетами, причем не все они взяты из ее родного языка. Больше всего на свете матушка Гота не любит, когда над ней смеются или ее игнорируют.

Кто-то забарабанил в дверь.

Сари где-то чем-то занималась, чтобы быть подальше от матушки, так что открывать пришлось мне. Из коридора шибануло запахом Одноглазого.

– Как делишки, Щенок? – спросил наш колдун, суя мне в руки вонючую, грязную, разлохмаченную кипу бумаг. – Ста-

рик у тебя?

– Какой же ты волшебник, если сам не знаешь ответ?

– Какой-какой... Ленивый!

Я отступил в сторону и взвесил на ладони кипу:

– Что за мусор?

– Те бумаги, что ты требовал. Мои Анналы.

С этими словами он неторопливо заковылял к Капитану.

А я глядел на принесенную им кучу хлама. Некоторые бумаги заплесневели, на других расплылись чернила. Одноглазый неряха, каких поискать. Я от души надеялся, что этот недомерок не задержится в моем жилище. А то еще натрясет блох да вшей... Он ведь ванну примет, только если, напившись, в канал свалится. А эта гнусная шляпа... Сожгу ее когда-нибудь.

Одноглазый и Капитан о чем-то шептались. Матушка Гота хотела подслушать, однако они перешли на язык, которого она не понимала. Втянув в себя бушель воздуха, матушка Гота обрушилась было с упреками, но...

Одноглазый умолк и воззрился на нее. Так состоялось их близкое знакомство.

Он ухмыльнулся.

Она его ничуть не обескуражила. Ему миновало двести лет. И мастерство словесной пикировки он в совершенстве постиг за несколько поколений до рождения матушки Готы. Он поднял вверх большие пальцы и шмыгнул ко мне, улыбаясь, словно мальчишка, случайно босой пяткой вывернув-

ший из земли на конце радуги глиняный горшок.

– Щенок, – заговорил он по-таглиосски, – представь меня по всей форме! Какая женщина! Она великолепна! Воплощение всех достоинств! Само совершенство! Ну-ка, подойди и поцелуй меня, любимая!

Может, это оттого, что матушка Гота – единственная в Таглиосе женщина, не превосходящая его в росте?

В первый раз я видел, как моя теща лишилась дара речи.

Дядюшка Дой с Тай Дэем тоже, казалось, опешили.

Одноглазый крался вокруг комнаты следом за матушкой Готой, и та в конце концов выскочила за дверь.

– Совершенна! – каркнул Одноглазый. – Во всех отношениях. Женщина моей мечты... Ты готов, Капитан?

Чего он такого нализался?

– Ага. – Костоправ отодвинул чашку, которую едва пригубил. – Мурген, я бы хотел, чтобы и ты пошел с нами. Пора показать тебе несколько новых трюков.

Я, сам не зная отчего, покачал головой. Сари, избежавшая общения с матерью под предлогом необходимости быть со мной, обняла меня рукой и, ощутив мое нежелание идти, сжала плечо. Она подняла на меня роскошные миндалевидные глаза, без слов спрашивая, чем я встревожен.

– Не знаю...

Похоже, они намерены допросить краснорукого обманника. Не люблю я подобной работы.

И тут дядюшка Дой здорово удивил меня:

– Могу ли я сопровождать тебя, муж моей племянницы?

– З-зачем?

– Я хочу удовлетворить голод моего любопытства сведениями об обычаях твоего народа.

Он говорил со мной медленно, словно с идиотом. По его мнению, я обладал одним серьезным и неисправимым дефектом: не был рожден нюень бао.

Ладно, хоть Костяным Воином и Каменным Солдатом больше не обзывает...

Я так и не понял, что означают эти клички.

Я перевел его просьбу Старику. Тот и глазом не моргнул:

– Конечно, Мурген. Отчего бы нет... Только идемте, пока мы все тут не померли от старости.

Что за чертовщина? И это – Капитан, всегда считавший, что от нюень бао хорошего ждать не приходится?

Я покосился на кучу мусора, принесенную мне Одноглазым. Бумаги воняли плесенью. Позже попробую из них что-нибудь извлечь. Если это в принципе возможно. Одноглазый вполне мог написать их на языке, который успел забыть в течение последующих лет.

Анналы Одноглазого оказались полной чушью, как я и подозревал. Более того, вода, плесень, жучки и преступное небрежение сделали большую часть его воспоминаний нечитаемой. Хотя одна глава из недавних уцелела вся, за исключением страницы в середине – та просто-напросто отсутствовала. Вот тебе наглядный пример того, что Одноглазый считал адекватной хроникой.

Он переврал большинство названий пройденных нами мест. Я что смог привел в соответствие с нормой, прикидывая, где могло происходить описанное, и сверяясь с картами.

Осенью третьего года пребывания нашего в Таглиосе наш Капитан решил послать Хусавирский полк в Пребельбед, где Прабриндра Дра вел кампанию против шайки мелких тенеземских князьков. Я с несколькими товарищами по Отряду получил приказ следовать с ним, дабы послужить ядром нового полка. Изменник Нож также был в тех краях.

Полк проследовал через Ранджи и Годжу, Джайкур и Кантиль, затем миновал Бхакур, Данджилъ и прочие недавно взятые нами города, пока, по истечении двух месяцев, мы не нагнали князя в Прайпурбеде. Здесь от полка отделилась половина для сопровождения военнопленных вкупе с трофеями назад, на север. Прочие направились на запад, к Ашара-

ну, где и подверглись неожиданному нападению Ножа, из-за чего пришлось нам завалить ворота и сбросить со стены многих туземцев, так как те могли оказаться пособниками врага. Благодаря моему таланту нам удалось продержаться, невзирая на то что необученными войсками овладела паника.

В Ашаране мы обнаружили большие запасы вина, и это помогло нам скоротать долгие дни осады.

По прошествии нескольких недель люди Ножа начали разбегаться, не в силах более терпеть холод и голод, и тогда он решил отступить.

Зима выдалась студеная. Мы провели ее в великих страданиях, вынужденные зачастую угрожать туземцам, дабы нас снабжали достаточным количеством провизии и топлива. Князь вел нас вперед и вперед, стараясь избегать тяжелых боев по причине неопытности личного состава полка.

В Мельдермае я и еще трое, выпив вина, опоздали к выступлению полка. Почти сто миль пришлось нам странствовать, рассчитывая лишь на самих себя и ежечасно рискуя быть схваченными. Однажды мы, после ночлега в доме местного аристократа, взяли из его конюшни четырех лошадей и в придачу толику бренди. Аристократ сей обратился с челобитной к князю, и лошадей пришлось вернуть.

Неделю мы провели в Форнгоу, а затем князь приказал нам отправляться на юг, к Верхнему Нангелю, где нам предписывалось присоединиться к четвертому кавалерийскому

полку, оттеснявшему шайку Ножа в каньон Рудераль. Однако, прибыв на место, мы обнаружили там всего лишь дряхлых старух и полное отсутствие всякой еды, за исключением гнилой капусты, причем большую часть ее крестьяне зарыли в землю, перед тем как сбежали.

Тогда мы отправились в Силур по Балихорской дороге и там, в лесу, набрали на таверну, устроенную совершенно по северному образцу, где некая враждебная ведьма, пользуясь тем, что мы были не совсем трезвы, пыталась науськать на нас ядовитых жаб.

На следующий день мы были вынуждены пройти пешком несколько миль по болотам, подтаявшему снегу и холодной раскисшей земле в низине, где из земли бьет горячий ключ, предохраняющий все вокруг от замерзания. Затем мы вышли к крепости Трасиль, где полк, собранный из бывших тенеземских солдат, осаждал своих трасилийских собратьев. Осада началась давно, поэтому нам было трудно добывать в окрестностях провиант, даже за плату.

Там я три дня проработал в полевом лазарете. Из-за ударивших холодов пришлось лечить множество обмороженных. Холод убивал даже больше солдат, чем противник.

От Трасиля мы с личной гвардией князя отправились к Мелопиллю и осадили крепость местного царька, возвышавшуюся на острове посреди озера. По причине страшного мороза лед оказался толст, и всякий раз, когда мы пытались наступать, пущенные противником снаряды мчались к нам,

скача по оному.

Тенеземцы вкупе со многими нашими братьями гибли под залпами поднятых на стены баллист, пока гарнизон закрывал ворота. Затем из Тенелова на своем ковре прилетел Ревун, и убийственные чары обрушились на нас, словно молнии в грозу, вынудив обратиться в бегство. Многие солдаты были настигнуты врагом.

Через две недели поступил приказ идти на соединение с силами, осаждавшими Рани-Орталъ. По пути мы обнаружили немного вина, что привело к серьезным неприятностям: пока мы спали, туземцы похитили наши выюки.

Силы обеих сторон собрались отовсюду, и я уже опасался, что не миновать большой битвы. У стен Рани-Орталя мог появиться Ревун.

После того как город был взят в кольцо, противник предпринял несколько атак на наши брустверы и траншеи, что стоило ему огромных потерь. Через две недели, в самом начале весны, мы предприняли внезапное ночное наступление, и удалось подвести осадные машины вплотную к стене. Солдаты убивали всех на своем пути, столь озлоблены они были и столь напуганы ночной темнотой. Взобравшись на стену, они сбросили даже женщин и детей.

Затем из Тенелова на ковре примчался Ревун с небольшим роем Теней, что вынудило нас оставить все захваченное.

С восходом солнца Ревун и Тени удалились, и Прабрин-

дра Дра собственной персоной вышел вперед, дабы сказать врагу, что к вечеру мы снова пойдем на штурм и на этот раз никто не получит пощады. Однако штурм не состоялся, так как вражеский царек решил попытать счастья в союзе с Таглиосом. Городские ворота распахнулись, и город был отдан солдатам на одну ночь, но им запрещалось иметь при себе любое оружие, кроме кинжала.

Почвы в тех местах весьма скудны, и урожаи даются туземцам нелегко. Обычная их пища весьма груба: капуста и корнеплоды, а из злаков – рожь.

В течение месяца мы стояли гарнизоном в Трутельваре, где я подружился с сыном домовладельца, мальчиком одиннадцати лет. Он был смышлен, однако невежествен как в религии, так и в грамоте. Его отец сообщил, что Хозяева Теней запретили религиозную практику, заодно с образованием, во всей своей империи, а за выдачу книг, особенно старых, объявили вознаграждение. Доставленные книги немедленно сжигались наряду с продолжавшими отправлять требы жрецами, за поимку коих также полагалась награда. Должно быть, Ножу такой закон пришелся очень по вкусу.

Месяц спустя полку было приказано возвращаться в Джайкур – Госпожа собирала армию для летней кампании на востоке. В Джайкуре я оставил полк и продолжил путь на север, к Таглиосу, где и был с великой радостью принят моими старыми друзьями по Черному Отряду.

Описание этой «кампании» оказалось самым подробным

и содержательным из всего бумаготворчества Одноглазого. В прочих фрагментах события излагались куда менее связно и осмысленно.

Краснорукий пленник ждал нас в помещении, якобы надежно защищенном от всякой подглядывающе-подслушивающей волшбы. Одноглазый, по его уверениям, сотворил такие крепкие чары, что сама Госпожа в свои лучшие годы не сумела бы их преодолеть.

– Прошлого Госпожи меня в данном отношении не волнует, – буркнул Костоправ. – Чего не скажешь о настоящей Душелов. Она залегла на дно, но вряд ли далеко отсюда и наверняка желает знать все, что здесь происходит. А еще меня беспокоит Ревун, у него большущий зуб на Отряд.

– Да все в порядке, говорю тебе, – настаивал Одноглазый. – Сам Властелин сюда не прорвется.

– Вот то же самое и Копченый думал о своем логове.

Меня передернуло. И Одноглазого тоже. Конечно, я не видел Копченого, до которого сквозь игольную дырочку в защите добралось чудовище, однако был наслышан.

– А что случилось с Копченым? – спросил я.

По слухам, чудовище не убило его.

Костоправ прижал палец к губам:

– Вот за этим углом.

Я думал, мы возвращаемся в комнату, где Гоблин и Одноглазый со Стариком вытаскивали меня из недавнего приступа. Просто догадался, что краснорукого душилу держали

там же, за занавеской. Но нет, прибыли мы совсем в другое место.

И обманник был не один.

Радиша Дра, сестра правителя, князя Прабриндра Дра, стояла там, прислонясь к стене, и рассматривала пленника с таким видом, словно решительно осуждала мягкость Освободителя в отношении злодеев. Маленькая, смуглая и сморщенная, подобно большинству таглиосок, кому за тридцать, она отличалась твердостью характера и ясностью ума. Говорят, Радиша потеряла самообладание лишь единожды в жизни – в ту ночь, когда Госпожа истребила всю верхушку разношерстного таглиосского жречества, положив конец религиозным распрям, что сделало ее ключевой фигурой в военных действиях.

После той демонстрации силы случилось еще много чего, не столь интригующего. Наши союзники и наниматели, похоже, решили просто ждать, когда мы свернем себе шею.

Если расспросить таглиосскую аристократию и жречество, то обнаружится, что большинство принадлежащих к высшему обществу уверены: княжеские решения на самом деле принимает Радиша. И это совсем недалеко от истины. Ее брат, конечно, не так податлив, как о нем думают, однако предпочитает мирные дела военным.

За спиной Радиши стоял стол, на нем лежал человек.

– Копченный? – спросил я.

И даже получил ответ. Копченный был все еще жив. И все

еще в коме. Его мускулы одрябли донельзя, превратились в жир.

А позади стола с потолка до пола свисала занавеска – точно такая же, как и в комнате, где я очнулся в последний раз. Значит, комната все-таки та же самая, только вошли мы в нее с другой стороны.

Странно.

– Копченый, – подтвердил Костоправ.

Тут я понял, что меня посвящают в одну из главных тайн:

– Но...

– Этот тип сообщил что-нибудь интересное? – спросил Костоправ у Радиши, перебивая мой вопрос.

Должно быть, она развлекалась с пленным. А Капитан по какой-то причине не хочет, чтобы она уделяла Копченому слишком много внимания.

– Нет. Но сообщил.

Душила выдавил смешок. Смелый он, но глупый. Ему ли не знать, чего можно добиться от человека пытками? По моей спине снова пробежал холодок.

– Понятно. Одноглазый, приступай. Мурген нас и так здорово задержал.

Анналы... Значит, он откладывал допрос только для того, чтобы я мог занести его в Анналы?

Не стоило беспокоиться. Я не любитель пыток.

А вот Одноглазый принялся за дело с энтузиазмом. Он потрепал пленника по щеке:

– Придется тебе, дорогуша, помочь мне. А уж я постараюсь с тобой помягче – если только ты позволишь. Что же вам, душилам, понадобилось в Таглиосе? – Он взглянул на Капитана. – Гоблин скоро вернется?

– Давай-давай, не отвлекайся.

Одноглазый что-то такое сделал, и душила, слегка вскрикнув на выдохе, рванул веревки, которыми был связан.

– Но какую я ему женщину подыскал, командир! – говорил между тем Одноглазый. – Верно, Щенок?

Злобно усмехнувшись, он склонился над обманником.

Так вот почему он так восхищался матушкой Готой. Решил воспользоваться ею, чтобы подшутить над Гоблином. Мне бы возмутиться, хотя бы из-за Сари, но не получалось, как я ни старался.

Матушка сама постоянно нарывается на неприятности.

– Ты, дорогуша, понимаешь ли свое положение? – мурлыкал Одноглазый. – Когда тебя взяли, ты был с Нарайяном Сингхом. И лапка у тебя красная. Оба эти обстоятельства подсказывают мне, что ты обманник особого рода, из тех, с кем Капитану давно хотелось повидаться.

Одноглазый указал на Костоправа. Для обозначения Капитана он воспользовался словом «джамадар», имеющим у обманников четкие смысловые оттенки религиозного характера.

Да, обманникам удалось взять Госпожу, однако та навечно пометила их вот этим пятном на руке. Что с тех пор и

выделяет их из толпы.

Одноглазый цвиркнул слюной сквозь пеньки зубов. Всякий не знающий его посчитал бы, что он размышляет.

– Но видишь ли, – продолжал он, – я мальчик воспитанный, терпеть не могу, когда людям делают больно, а потому дам тебе шанс избежать печальной участи вот этого таракана. – Он небрежно ткнул большим пальцем себе за спину, в сторону Копченого, тогда как между пальцами другой его руки с треском проскочила искра. Душила испустил такой вопль, что рвет нервы, да еще и концы присыпает солью. – Это может продолжаться вечно, а может и быстро закончиться – все в твоих руках. Скажи, что затевают обманники в Таглиосе? – Нагнувшись ближе, он шепнул: – Я могу даже устроить так, что тебя отпустят.

Пленник раскрыл было рот. Пот заливал ему глаза, обжигая. Душила дернул головой, пытаясь стряхнуть его.

– Могу поспорить, она решит, что Гоблин красив, как навозный жук, – хихикнул Одноглазый. – Как полагаешь, Щенок?

– Я полагаю, – зарычал Костоправ, – что тебе лучше делом заниматься!

Он тоже не в восторге от пыток, и вечные взаимные подначки Гоблина и Одноглазого давным-давно ему осточертели.

– Да не выпрыгивай ты из штанов, командир. Никуда этот парень не денется.

– Зато его дружки что-то готовят.

Я взглянул на дядюшку Доя – что он думает об этой перепалке? Его лицо было совершенно каменным. Может, он и впрямь разучился понимать по-таглиосски?

– Не нравится, как я работаю, – процедил Одноглазый, – так прогони меня и сделай сам, как хочешь! – Он ткнул в пленного пальцем, и тот напрягся в ожидании боли. – Ты! Что твоя шайка забыла в Таглиосе? Где Нарайян с Дщерью Ночи? Давай выкладывай, не подводи меня.

Тут я и сам напрягся – меня здорово пробрало холодом. С чего бы?

Пленник, словно рыба на суше, хватал ртом воздух. Все его тело было покрыто потом. Положение душилы было безвыходным. Если он, что-либо зная, заговорит – а ведь обязательно заговорит рано или поздно, – дружки его потом по головке не погладят.

Костоправ угадал его мысли.

– Значит, близок день, когда твоя шайка нанесет удар? – спросил он.

Я очень сочувствую Старику. Если ему и удастся вернуть дочь, то найдет он вовсе не то, что ищет. Она обманница со дня своего появления на свет; из нее растят Дщерь Ночи, предтечу Года Черепов. Черт возьми, ее посвятили Кине еще до того, как она покинула материнскую утробу. Девочка станет тем, кто нужен душилам; у нее нет выбора. И эта безысходность разобьет родительские сердца.

– Ну же, приятель, не молчи. Выкладывай все, что мне следует знать.

Одноглазый старался вести дело только между собой и клиентом. Он дал душеile короткую передышку. Остальные равнодушно наблюдали. У нас в плену оказался обладатель черного румела, человек абсолютно безжалостный, совершивший свыше трех десятков убийств. Если только он не получил этот статус более коротким путем, задушив другого чернорумельщика.

Кина считается верховным обманником. Предать при случае своего – для нее высшее наслаждение.

Но Одноглазый не догадался преподнести нашему пленнику этот аргумент.

Тот снова закричал, заклокотал горлом, пытаясь что-то произнести.

– Все равно ведь заговоришь, – пообещал Одноглазый.

– Я не могу сказать! Не знаю, где они!

Я поверил. Если Нарайян Сингх будет посвящать всех и каждого в свои намерения, то недолго протянет в мире, где каждый мечтает до него добраться.

– Жаль, жаль. Тогда хотя бы объясни, что понадобилось обманникам в Таглиосе – через столько-то лет.

Интересно, почему он снова и снова возвращается к этому вопросу? Душили давно не промышляли в городе, не рисковали сюда соваться.

Значит, Одноглазый и Старик что-то узнали. Но откуда?

Пленник снова зашелся в крике.

– Нам и раньше попадались душилы, – проворчала Радиша. – Никто ничего не сказал.

– Не важно, – отвечал Костоправ. – Я точно знаю, где Сингх. Вернее, где он остановится, когда утомится бегать. И пока ему невдомек, что я это знаю, он всякий раз будет оказываться там, где нужно мне.

У дядюшки Доя дрогнула бровь. Наверное, для него это высшая степень волнения.

Радиша злобно уставилась на Костоправа. Внушила себе, что во всем дворце только ее мозги на что-то годны, а мы, Черный Отряд, всего лишь наемные мускулы. Казалось, я явно слышу скрипы и стоны мыслей в ее голове. Откуда бы Костоправу знать такие вещи?

– И где же он?

– Сейчас рвется из жил, спеша соединиться с Могабой. Остановить его мы не можем – любые вести, посланные ему вдогонку, опоздают. Поэтому о нем стоит забыть.

Я было решил словно невзначай напомнить о воронах – Костоправ с ними разговаривает, а летают они быстрее, чем бегают обманники. Но вовремя вспомнил, что привели меня сюда не для умных советов.

– Забыть? – Похоже, Радиша была изумлена.

– Ненадолго. Пока не выясним, что его люди должны тут сделать.

Одноглазый вновь взялся за работу. Я покосился да дя-

ддюшку Доя, удивляясь его выдержке, – он все еще сохранял безучастное выражение лица и никак не вмешивался в происходящее. Заметив мой взгляд, дядюшка спросил на нюень бао:

– Могу ли я допросить этого человека?

– Зачем?

– Чтобы испытать его веру.

– Ты не настолько хорошо говоришь по-таглиосски.

– Ты будешь переводить.

Просто ради смеху, а может, для того, чтобы слегка подначить дядюшку, Костоправ сказал:

– Я не возражаю, Мурген. Хуже не будет.

Эти слова выдали его хорошее знакомство с языком нюень бао. И сколь же много, должно быть, они сказали дядюшке Доя, помнившему, как Старик угадал происхождение Бледного Жезла.

Что за черт? Я был совершенно сбит с толку. Неужели становлюсь параноиком? Может, из последнего припадка я вернулся не в тот мир?

На том самом, памятном мне превосходном таглиосском дядюшка Дой принялся обстреливать обманника краткими дружелюбными вопросами – на такие большинство людей отвечают не задумываясь. Мы успели узнать, что этот человек имел семью, но его жена умерла при родах. Затем он понял, что им манипулируют, и принялся следить за языком.

Дядюшка продолжал болтать, притопывая, словно разве-

селившийся тролль. Он вытянул из пленника много сведений о его прошлом, однако ни разу не затронул столь важную тему, как возобновление интереса душил к Таглиосу. Костоправ, как я заметил, наблюдал за дядюшкой Доем куда внимательнее, чем за пленным. Ну да, наш Капитан живет в глазу урагана паранойи.

Склонившись ко мне, он еле слышно шепнул:

– Когда другие уйдут, останься.

И не объяснил для чего. Отошел что-то сказать Одноглазому на языке, даже мне непонятном.

Капитан выучил самое меньшее двадцать языков. Оно и понятно – столько времени прослужил в Отряде. Одноглазый, наверное, знает еще больше, однако в собеседники ему не годится никто, кроме Гоблина. Кивнув, Одноглазый вернулся к работе.

Вскоре наш низкорослый колдун снова прервался, чтобы выпроводить Радишу с дядюшкой Доем за дверь. Прodelал он это с такой несвойственной ему деликатностью, что не вызвал никакого протеста. Дядюшка Дой был не более чем гость, а Радишу повсюду ждали неотложные дела, посему Одноглазый без труда внушил им, что мысль об уходе – их собственная. Во всяком случае, он своего добился.

Облегчило ему задачу и то, что Костоправу тоже якобы понадобилось срочно отлучиться. Однако не прошло и пяти минут, как Капитан вернулся.

– Пожалуй, я уже все повидал, – сказал ему я. – Чудес

на свете не осталось. А значит, пора мне на покой. Давно мечтаю обзавестись фермой, репу сажать.

И это было жестом лишь наполовину. Стоит Отряду задержаться на одном месте, все наши начинают строить подобные планы. Такова, видимо, природа человеческая.

Репу в Таглиосе не выращивали, однако я видел ничейные участки земли, вполне пригодные для репы, пастернака и сахарной свеклы. Масло с Крутым неподалеку, значит с семенами заминки не будет. Может, они и картошки подбросят...

Костоправ ухмыльнулся:

– Одноглазый! Похоже, этот прохвост ничего полезного не скажет.

– А знаешь, начальник, почему «похоже»? Он время тянет. Что-то знает и старается продержаться еще хоть чуть-чуть. Когда я делаю ему больно, у него возникает такая мысль. Он думает, что вытерпит еще разок, один-единственный. А потом еще разок...

– Пусть его жажда помучает.

Капитан придвинул стул вместе с обманником к стене и накрыл рваной холстиной, словно ветхую мебель.

– Слушай, Мурген, время поджигает. Мы вот-вот начнем, и ты мне нужен в первых рядах – хоть здоровый, хоть больной.

– Не очень-то обнадеживающе звучит...

Однако Капитан не был расположен шутить:

– Мы узнали кое-что интересное о Копченом. – Тут он ни

с того ни с сего перешел на диалект Самоцветных городов, не известный в этих землях никому, кроме наших, разве что Могаба тайком пробрался во дворец. – Что бы ни означали твои припадки, они нас здорово затормозили, и теперь нужно пошевелиться. Пора рискнуть. И ты, старый пес, должен выучиться нескольким новым фокусам.

– Пугаешь?

– Нет. Это важно. Слушай внимательно. Мне уже не до возни с Копченым, и Одноглазому тоже – он по уши занят в арсенале. А больше я в таких делах никому не верю. Кроме тебя.

– Не понимаю. Помедленнее нельзя ли?

– Слушай. Слушай и на ус мотай, а язык держи за зубами. Времени у нас мало. Радиша может в любой момент спохватиться, и тогда она вернется, чтобы попытать пленника. Она это дело любит. – Капитан обратился к Одноглазому: – Напомни мне: надо выяснить, нельзя ли перевести сюда Корди Мэзера. При нем она не станет путаться под ногами.

– Он вскоре вернется в город. Если еще не вернулся.

– И это начальник моей разведки, – посетовал Костоправ, указывая на Одноглазого и укоризненно качая головой. – На один глаз слеп, а другим не видит.

Я взглянул на укрытого ветошью врага. Тот уже похрапывал. Хороший солдат никогда не упустит возможности отдохнуть.

Прошло несколько часов. Костоправ ушел, затем вернулся. И хлопнул меня по спине:

– Видишь, Мурген, как просто? Ты когда-нибудь видел такой эффектный фокус – и такой простой?

– Ни разу в жизни, – согласился я. – Как с бревна упасть. Или провалиться в бездонную яму, в чем я уже поднаторел, пусть и не по своей воле. – Хотя на словах все куда проще, чем на деле. Я заранее знал, что и это дело не составит исключения. – Теперь я, по крайней мере, понимаю, почему ты стал таким чертовски загадочным, как узнал эти совершенно невероятные вещи.

Костоправ рассмеялся. Поделившись своим поразительным открытием, он пришел в отличное настроение.

– Давай, попробуй теперь сам.

Я вперил в Старика взгляд, который он предпочел расценить как недоуменно-вопросительный. Да ничего особенного. Все равно что с бревна упасть. Может, и так. Только вот из Одноглазого наставник аховый.

– Делай, как Одноглазый показывал. Реши, что ты хочешь увидеть. Скажи Копченому. И будь предельно аккуратен. Здесь нужна точность. Точность – это все. Двусмысленность смертельно опасна.

– Так об этом, Капитан, я во всех сказках про магию слы-

шал. Допустил двусмысленность – и ты по уши в дерьме.

– То-то и оно. – Кажется, я коснулся душевной раны. Он вдруг о чем-то задумался. – Приступай.

Но мне не хотелось.

– Слишком уж похоже на мои полеты через бесконечную кроличью нору в Дежагор. Может быть, все это Копченный как-то со мной проделывает?

Костоправ покачал головой:

– Никоим образом. Это совершенно разные вещи. Давай. Я приказываю. Только время попусту тратишь. Поищи там что-нибудь – тебя всегда интересовали сведения для Анналов. Мы будем рядом, в случае чего прикроем тебя.

– Может, поискать Масло с Крутым?

– Я знаю, где они. Только что миновали Первый Порог, будут здесь через несколько дней. Попробуй что-нибудь другое.

Масло с Крутым три года назад отправились на север с таглиосским посольством и письмами Госпожи, адресованными тем, кого ей пришлось там оставить. Задача наших братьев – разузнать все, что можно, о Хозяине Теней по имени Длиннотень. Покойная Грозотень оказалась Зовущей Бурю, изгнанницей из бывшей империи Госпожи – она и там числилась в погибших. А еще два могучих и злобных волшебника, вставшие на нашем пути, оказались давно умершими Ревуном и Душелов, безумной сестрицей Госпожи. Появлялся и Меняющий Облик, но с ним мы управились.

То, что Маслу с Крутым удалось уцелеть в столь невероятном путешествии, кажется мне великим чудом. Но их, похоже, сами боги хранят.

– Наверняка привезут целую коллекцию новых шрамов, будет что порассказать.

Костоправ кивнул. Его настроение сделалось мрачным, однако пора продолжать обучение.

Моим воображением завладела одна трагедия из прошлого, ужасная и бессмысленная резня в деревушке под названием Узы, – событие, казавшееся тогда ни с чем не связанным. Я и раньше был уверен, что здесь кроется нечто важное, и очень удивился, узнав, что тайна не разгадана по сей день.

Крепко сжав руку Копченого, я старательно очистил разум и прошептал подробные указания. И унесся в неведомые дали, оторвавшись от собственного тела, отчего меня внезапно объял страх. На миг почудилось, что все это уже я переживал. Однако я не помнил, что будет дальше.

Старик был прав. Вышло совсем не похоже на прежние мои провалы в прошлое. В этом кошмаре я пребывал в полном сознании и сам управлял событиями. Я был бестелесным призраком, летящим к Узам; но этот призрак помнил о своей цели. Разница была огромна. Уносясь в Дежагор, я утрачивал личность и контроль над событиями до тех пор, пока не вторгался в прошлое своего «я». А после этого забывал о будущем.

Узы – деревушка на южном берегу Майна, аккурат напротив Ведна-Ботского брода. Веками Майн служил естественной границей таглиосских земель. Жившие за рекой говорили по-таглиосски и верили в таглиосских богов, однако таглиосцы считали их не более чем данниками.

Несельскохозяйственная часть тамошней экономики образовалась вокруг военно-курьерской станции со сменными лошадьми. О ней заботился мизерный гарнизон шадаритских кавалеристов, заодно охранявший переправу. Такая служба – мечта любого солдата: ни забот, ни хлопот, ни начальства. Бродом можно было пользоваться лишь три месяца в году, в остальное время стояла высокая вода; однако гарнизон получал жалованье круглый год.

Душа Копченого неслась в прошлое, к той давней катастрофе, и я, согбенный, с тяжелой ношей страха, невзирая на все заверения Костоправа, следовал за ней.

Ночь, в течение которой было вырезано все население Уз, оказалась непроглядно темной. Из той ночи, а также из кошмаров, в которых человек куда чаще жертва, чем хищник, и явился ужас. Чудовище бесшумно кралось по деревне, направляясь к армейским конюшням. Я видел все, но не мог ничего предостеречь.

В карауле стоял один-единственный солдат, да и тот клевал носом. Ни он, ни лошади не почувствовали опасности.

В конюшне поднялась дверная щеколда. Никакому животному не достанет ума потянуть за веревку... Солдат

проснулся как раз вовремя, чтобы увидеть метнувшийся к нему сгусток мглы с малиново горящими глазами.

Пожрав добычу, чудовище скрылось во мраке. Вскоре оно нашло новую жертву. Крики ужаса всполошили гарнизон, солдаты схватились за оружие. Чудовище, похожее на громадную черную пантеру, прыгнуло в реку и поплыло к северному берегу.

Теперь я понимал, в чем дело. Убийцей был оборотень, ученица волшебника по имени Меняющий Облик. С Меняющим мы разделались в ночь взятия Дежагора, а она скрылась, навеки обреченная носить облик зверя.

Чем же важно именно это происшествие более чем четырехлетней давности?

Захотелось последовать за пантерой и посмотреть, что с ней случилось, но тут Копченный уперся. Коматозный колдун не был личностью и не обладал сколько-нибудь заметной волей, но, вероятно, имел свои пределы и слабости.

Однако ж занятно: до возвращения во дворец у меня не возникало никаких эмоций. Зато после накрыло с головой, да так, что дух перехватило.

– Это правда? – спросил я. – То, что я видел там?

– Нет оснований считать иначе, – ответил Костоправ, на всякий случай ни за что не ручаясь. Подозрителен наш Капитан, как всегда. – Неважно выглядишь. Тяжелое было зрелище?

– Не то слово. – Одноглазого в комнате не было, а душила

успел обделаться. Я сморщил нос. – С помощью Копченого можно увидеть все?

– Почти. Кое-куда он не хочет или не может проникнуть. Не способен и возвращаться в то время, когда еще не был в коме. Теперь ты можешь писать Анналы, являясь всему излагаемому истинным свидетелем. Только не забывай, что Копченого надо верно направлять.

– Ну и ну! – Я только сейчас начал понимать, какие перед нами открываются возможности. – Да это же стоит больше, чем легион ветеранов!

Теперь понятно, что позволило нам в последнее время совершить несколько удачнейших ходов. Сидя на плече врага, ничего не стоит предугадывать его действия.

– Гораздо больше. Вот почему ты должен держать язык за зубами даже наедине с любимой.

– Радиша знает?

– Нет. Только ты, я и Одноглазый. Может, еще Гоблин, если Одноглазый просто не мог не поделиться с кем-нибудь. И все. Одноглазый случайно на это наткнулся, пытаясь вывести Копченого из комы. Копченый был в Вершине, бродил по ее залам и встречался с Грозотенью, поэтому нам захотелось его порасспросить. Но это подождет. Так что не говори никому. Понятно?

– Ты еще снова мою родню заподозри...

– Башку снесу.

– Да я понял, Капитан. Перед собутыльниками из обман-

ников этим хвастать не стоит. Ч-черт, с таким оружием мы можем победить!

– Во всяком случае, оно не будет лишним. Но пока держим его в тайне. Ладно, у меня еще дела с Радишей, а ты продолжай практиковаться. И не бойся перенапрячь Копченого – даже если захочешь, не получится.

Он крепко сжал мое плечо и вышел; в его движениях сквозила решимость, а еще фатализм. Наверное, отправился на очередное бюджетное совещание. Если ты Освободитель, то на военные нужды никогда не хватает средств, а если Радиша – военные нужды всегда непомерно задраны.

Итак, в комнате остались только я, полудохлый колдун да вонючий душила под холстиной. Я хотел было при помощи Копченого выяснить, что затевают в Таглиосе дружки этого обманника, но передумал: будь Копченый способен дать нам нужные сведения, Капитан не стал бы допрашивать пленника. Наверное, дело не только в точности указаний – еще нужно иметь хотя бы малейшее представление о предмете поиска. Без этого представления не найдешь даже собственного локтя.

Так что же это за предмет? Старина Копченый – сущее чудо, однако изъянов и слабостей у него предостаточно. И большая их часть наверняка рождается в наших собственных головах. От нас зависит, будет ли нам польза от собственного воображения – или только вред.

Ну и что же мне хочется увидеть?

Я пришел в крайнее возбуждение. Приключения звали вперед. Так какого дьявола? Стоит ли мелочиться? Не глянуть ли через замочную скважину на Длиннотень, который значится первым номером в черном списке Черного Отряда?

Длиннотень, должно быть, вышел прямиком из моих фантазий. Просто ходячий кошмар. Высокий и тощий, он был подвержен приступам ярости и внезапным судорогам наподобие малярийной тряски. Носил нечто вроде мешковатой и длинной, до полу, камизы черного цвета, скрывавшей его уродливую худобу. Ел он нечасто, да и не ел, а так, поклевывал. Должно быть, его постоянно мучил голод.

Камиза сверкала и переливалась золотыми, серебристыми, глянцево-черными нитями – десятками вплетенные в ткань, они защищали своего владельца от статической магии. На первый взгляд он показался в сто раз параноидальнее Костоправа, однако на то у него имелась веская причина. В мире полно народу, мечтающего зажарить его тощую задницу, а друзей, кроме Могабы и Ножа, у него нет.

Ревуна нельзя считать за друга. Ревун – всего-навсего союзник.

Одной из причин навязчивых страхов Длиннотени был Черный Отряд. Этого я совершенно не понимал. Враги такого низкого пошиба и вовсе не должны бы занимать ум Хозяина Теней. Нам, знаете ли, до губителей миров далеко.

Лицо Длиннотени, скрываемое под маской даже тогда, когда он оставался один, здорово смахивало на голый череп. Восковые черты застыли в гримасе страха. Глаза водяни-

сто-серые, с розовыми бликами по краям. Однако мне кажется, альбиносом он все же не был.

Не стоило и гадать, что за народ породил это существо.

Используя способности Копченого, я сновал по времени, чтобы поскорее узнать все достойное внимания. И ни единожды не застал Длиннотень раздетым. Он никогда не мылся, не менял платья. Даже перчаток не снимал.

Последний из четырех Хозяев Теней являлся абсолютным властителем города Тенелова, а в стенах своей крепости, которую он назвал Вершиной, был полубогом.

Малейшее его недовольство порождало сотни страхов, и десять тысяч человек сбивались с ног, умиротворяя повелителя. И тем не менее он был здесь пленником, живущим без малейшей надежды на освобождение.

Вершина – самое южное творение рук человеческих, если не считать легендарного Хатовара. Я пытался проникнуть дальше на юг. Где-то там, в туманах позади Вершины, скрывается наша цель, к которой мы шли долгие годы. Глянуть бы хоть одним глазком на это чудо...

Но Копченный наотрез отказался туда лететь.

Он и в добром-то здравии безумно боялся Хатовара. Именно это заставило его изменить Радише с Прабриндра Дра несколько лет назад. Наверное, страх перед Хатоваром накрепко въелся и в его тело, и в душу.

По сравнению с Вершиной любая человеческая постройка из виденных мною кажется карликовой. Не исключая да-

же исполинскую Башню Госпожи, что в Чарах. Строительство Вершины, длившееся больше двух десятилетий, стало главной отраслью индустрии Тенелова – города, до появления Хозяев Теней называвшегося Кьяулуном. Что на местном диалекте означает «Врата Теней».

Зодчие работали день и ночь, не зная ни выходных, ни праздников. Длиннотень был полон решимости достроить крепость прежде, чем враги возьмут над ним верх. Он был уверен, что, выиграв в этой гонке, станет властелином мира. Никакие силы небесные, земные либо адские не доберутся до него в стенах достроенной Вершины. Ни даже сама Тьма, еженощно осеняющая его ужасом.

Внешние стены Вершины вздымались по меньшей мере на сотню футов. Не знаете, где бы такую лесенку взять?

Бронзовые, серебряные, золотые письма сверкали на стальных плитах, укрывавших грубый камень стен. Сонмы тружеников день и ночь ухаживали за письмами, следили, чтобы они не тускнели.

Прочсть их я не мог, но знал, что они содержат защитные заклинания великой силы. Длиннотень слой за слоем покрыл своими чарами эту часть Вершины. Имей он достаточно времени, вся внешняя поверхность крепости скрылась бы под непроницаемой колдовской броней.

На закате Вершина полыхала ярче любого лесного пожара. Сверкающие хрустальные купола, венчавшие каждую башню, превращали крепость в густой лес маяков. Они были

сооружены везде, где Длиннотень мог бы обозревать окрестности, недостижимый для своих страхов. Мощнейшее сияние не оставляло ни единого уголка, способного послужить укрытием Тени.

Того, над чем Длиннотень властвовал, он боялся больше всего на свете. Даже Черный Отряд был для него всего лишь назойливо жужжащим комаром.

Вершина, даже недостроенная, ошеломила меня. Да мы просто ослепленные гордыней безумцы, если наметили маршрут, пролегающий через эту твердыню!

Однако не всех врагов Длиннотени можно так же легко запугать, как меня. Кое для кого и земные крепости, и само время не очень-то много значат. Рано или поздно его оборона падет, и в тот же самый миг он будет пожран.

Он решился играть по высшим ставкам, а в этой игре проигрыш столь же ужасен, сколь велик возможный выигрыш. И бросать ее поздно. Теперь либо венец победителя, либо венец же, но мученический.

Жил Длиннотень в хрустальной палате, венчавшей центральную, самую высокую башню Вершины. Спал мало – слишком силен был страх перед ночью. Долгие часы проводил в неподвижности, взирая на плато блистающих камней.

Над мрачным городом разнесся пронзительный визг. Жители Тенелова не обратили на него внимания. Если они вообще думали о загадочном союзнике своего государя, то на-

верняка надеялись, что судьба однажды вырвет из рук Длиннотени столь мощное орудие. Кьяулун был населен людьми сломленными, изверившимися и отчаявшимися; так низко не опустились даже джайкури в худшие дни осады Дежагора.

Почти все жители были слишком молоды, чтобы помнить времена, когда не было никаких Хозяев Теней, куда более властных над их судьбами, чем забытые боги.

Но и Длиннотени было не под силу положить слухам конец. Даже в самой глубине его империи кое-кому приходилось путешествовать, а путешествующие непременно приносят новости. И среди этих новостей даже попадаются правдивые.

Народ Тенелова знал, что с севера приближается рок.

Черный Отряд – вот что порождало все эти слухи. И они никого не радовали. Длиннотень дьявол во плоти, однако многие боялись, что его падение станет лишь предвестием куда более суровых времен.

Мужчины, женщины, дети – все население Тенелова было посвящено в одну из истин бытия: за Тенью, которую ты видишь перед собой, прячется Тень неизмеримо более грозная.

Длиннотень сеял страх и боль окрест лишь потому, что сам был жертвой тысячи ужасов.

Словом, там было жутко. До того жутко, что мне отчаянно захотелось вернуться туда, где меня успокоят и ободрят, объяснив, что тьма не всегда несет в себе ужас. Мне захотелось к Сари, к этому ласковому огоньку в ночи, что властву-

ет над миром.

– Отнеси меня домой, Копченый.

Капитан меня предупреждал. «Будь точен», говорил. И не раз.

Я был схвачен и унесен туда, где кровь и пламя и где медленно скручиваются, обугливаясь, бумаги. Я лежал в луже крови, смешавшейся с моей блевотиной. Отдаваясь в ушах, топот бегущих казался мерной, оглушающей поступью гигантов.

Слышал я и крики, и не было им конца.

Костоправ предупреждал. А я забылся. Он ведь не говорил – а может, и не предполагал, – что понятие «дома» чье-нибудь сознание может определить как страшную эмоциональную боль... Я был разорван. В клочья. Копченый отнес меня в Таглиос, да, но я очутился в моменте, что казался концом самого времени. Потрясенный до глубины души, я рванул назад, и отвлечение мое было столь сильным, что вместе с ненавистными обрывками прошлого и сбитым с толку Копченым я преодолел всю дорогу до преисподней.

У него не было ни личности, ни воли, поэтому он не мог смеяться над тем, как я тонул в океане страданий.

У преисподней есть имя, и это имя Дежагор. И все же Дежагор лишь меньшая из преисподних.

Из самого большого ада мне удалось бежать. Еще раз.

Ни воли, ни личности...

Вихри метут по плато блистающих камней, но ничто не кольхнется на его поверхности. Опускается ночь, и стихает ветер. Равнина сбрасывает накопленное за день тепло, и пробуждаются Тени. На безмолвном камне селится лунный свет.

Плато простирается на восток и запад, на север и юг, и, стоя на нем, не увидишь его границ; зато легко обнаружить его издали. Потому что в центре высится грандиозное сооружение из той же горной породы, что и само плато, и расставленные на нем колонны.

Ничто не шелохнется на этих бескрайних просторах, лишь дрогнет порой дымка в лучах света, пробивающихся сквозь врата сна. Тогда Тени отсиживают в укромных уголках. И так в едва уловимых биениях сердца Тьмы протекает их жизнь – если это можно назвать жизнью.

Нет воли. Нет личности. И нет Копченого.

Только боль. Такая сильная, что даже Копченый растаял в ней. Теперь я всего лишь раб воспоминаний.

Теперь я дома. В обители боли.

Ага, ты уже здесь!

Вот мы и снова встретились. Опять ты где-то пропадала...

Хоть ты и безликая тварь, а все равно кажется, будто улыбаешься, довольная собой...

Ночка выдалась богатая на события, верно? И они еще не закончились. Вон, гляди, Черный Отряд с союзными войсками взялся за тенеземцев, им сейчас небо с овчинку покажется. А то совсем осмелели, прут на рожон, словно решили навеки поселиться в стенах Дежагора.

Гляди, вон двойники и иллюзорные солдаты. Это чтобы обманувшиеся южане выдавали направления своих ударов и попадали в смертельные ловушки.

Ладно, хватит, возвращаемся на стену. Кажется, мелочь, а ведь о таком саги слагают.

Весь бой переместился в восточную половину города. Вряд ли здесь осталось много солдат. Несколько наблюдателей на стенах да еще горстка тенеземских вояк там, в темноте, только остыл их пыл, невелика им теперь цена. Иначе не проглядели бы коротышку, что с паучьей ловкостью спускается со стены по веревке.

И с чего бы это двухсотлетнему волшебнику четвертого сорта спускаться по веревке, да еще туда, где недружелюбные смуглые карлики будут страшно рады возможности по-

плясать на его брюхе?

Жеребец загадочной колдовской породы перестал ржать. Наконец-то издох. Но зеленоватый пар все еще поднимается из раны, все еще мерцают ее края.

Где? Вон там? Ну да. Жутко выглядят эти двое, окутанные своим розовым туманом. Сущие дьяволы. Хотя вроде не за тем сюда идут, чтобы пожрать весь город, как думаешь?

Что такое? Внизу заметались тенеземцы – ни дать ни взять куры, к которым в птичник пролезла лиса. В воплях слышен неподдельный ужас: что-то темное мечется среди наших недругов. Гляди, поймало кого-то, тащит прочь.

Света теперь так мало, что сместился центр битвы. Наш старичок черен, словно сердце самой ночи. Да разве найдется среди смертных такой зоркий, что разглядит, как этот шибдик крадется среди мертвецов? Кстати, куда он направляется? Неужто к дохлomu коню Тенекрута?

Кто мог от него такого ожидать?.. Да он с ума сошел!

И это пятно мглы тоже ползет туда. Нет, ты видел, а? Видел, как вспыхнули красным глаза в зареве городских пожаров?.. Ну что за болван! Ему бы прочь бежать, а он... Дорого может обойтись такое упорство.

Вот черный человечек пропал из виду. Это потому, что замер. Услыхал, значит... И снова припустил к мертвому жеребцу. Копье хочет вернуть! А что, может, это не такое уж и безумство. Он немало потрудился над своим копьём.

Вот снова стал и глаза небось выпучил, принюхавшись и

уловив почти забытый запах. А убийственная мгла в тот же миг почуяла.

Ликующий рев пантеры заставил замереть все сердца на равнине. И пятно мглы помчалось – все быстрее, быстрее...

Черный человечек схватил копье и побежал к стене. Успет ли? Унесут ли короткие старые ноги от стремительной хищницы?

Тварь огромна. Похоже, она уже торжествует победу.

Вот человечек ухватился за веревку. Однако до безопасного места ему еще восемьдесят футов... А он, как ни крути, дряхлый старик. Вот закрутило колдуна, но координация у него отличная. Копье развернулось одновременно с прыжком чудовища. Тварь выгнулась в воздухе, пытаясь избежать смертоносного острия, да не тут-то было: наконечник, пронзив ее морду, вышел за левым ухом. Чудовище взревело, зеленый пар повалил из раны. Пантера утратила всякий интерес к старику, и тот начал свой долгий подъем, закинув за спину копье, испещренное прихотливой резьбой.

Никто этого не заметил. Повсюду кипел бой.

Получается, южане просто-напросто зажмурились и сунули голову в улей.

Что? Почему так неохотно? Идем поглядим. Это интересно.

Всюду, куда хватает глаз, южане отступают. Где бегом, где крадучись в тени – спешат убраться, пока их не настигла смерть.

Глянь! Вражий король Тенекрут изувечен, в чем только душа держится. И нет ему дела ни до кого и ни до чего, кроме этих двоих, осиянных розовым мифических героев, сошедших с холмов, чтобы растерзать его и схарчить!

А Могаба... Ты погляди на этого гения тактики! Полюбуйся, как этот безупречный полководец стремится использовать все слабости противника, и это после того, как нынче ночью провалился его дьявольский замысел! Видишь? Ни один южанин, каким бы силачом и храбрецом он ни считался, не решается приблизиться к нему. Величайшие из тене-земских героев превращаются в беспомощных младенцев, стоит лишь Могабе выступить вперед!

Да, наш Могаба лучший из лучших. Торжествующий главный герой им же самим сложенной саги.

Точно, пропал неприятельский раж.

Южане рвались к победе. Да и как иначе, ведь они пре-

красно понимали, что никакой другой исход их повелителя Тенекрута не устроит. И уж меньше всего ему понравится неудача. Его подданные проникли в город и надежно там закрепились. Чего еще надо войску, кроме малой толики упорства?

Однако оно бежит.

Какая-то сила круто взялась за тенеземцев и убедила их в том, что оставшимся в Дежагоре не спасти даже своих душ.

– Мурген, ты в порядке?

Я тряхнул головой. Чувствовал себя точно мальчишка, раз двадцать крутанувшийся на пятке – специально, чтобы закружилась голова перед тем, как влезть в какое-нибудь дурацкое состязание.

Я стоял в проулке. На меня озабоченно взирал коротышка Гоблин.

– В полном, – ответил я. После чего рухнул на колени и уперся руками в стены, чтобы меня больше не кружило. И твердо повторил: – В полном порядке.

– Ну да, вижу. Свечка, присмотри за сопляком. Будет рваться в бой – оглуши. А то что-то он слишком мягкосердечным сделался.

Я старался не давать воли своему «я». Может, я и вправду слишком мягкосердечен. А мир весьма неласков к задумчивым и вежливым.

Мир тем часом замедлял кружение, и вскоре отпала надобность в стенах.

Позади вспыхнула потасовка. Кто-то гнусаво и тягуче выругался. Другой прорычал:

– Ох и резвый же, сука!..

– Эй-эй-эй! – закричал я. – Оставьте его! Пусть подойдет!

Свечка не стал бить меня по голове или возражать. Потихоньку

рая правую щеку, приблизился низкорослый, плотный нюень бао, что провожал меня в логово Кы Дама. Казалось, он был крайне изумлен тем, что кто-то посмел его тронуть. И тут же его самолюбие было уязвлено снова: он заговорил со мной на нюень бао, а я ответил:

– Прости, старина, моя твоя не понимай. Говори уж по-таглиосски или по-гrogорски. – И по-гrogорски же спросил: – Что стряслось?

Гrogорский – родной язык моей бабки по матери. Именно в Гrogоре дед ее украл. Я на нем знал слов двадцать, ровно на двадцать больше кого бы то ни было на семь тысяч миль вокруг.

– Меня прислал Глашатай. Велел отвести тебя туда, где напавшие более слабы. Мы внимательно следим и знаем.

– Спасибо. Воспользуемся. Веди.

Перейдя на таглиосский, я заметил:

– Надо же, как быстро эти ребята обучаются языкам, когда им что-нибудь нужно!

Свечка тихо ругнулся.

Гоблин, ушедший вперед на разведку, вернулся как раз вовремя, чтобы доложить об обнаружении слабого места в обороне противника. Того самого места, о котором уже сообщили нюень бао. Коренастый, похоже, слегка удивился тому, что мы и сами способны найти собственную задницу. Кажется, его это даже малость раздосадовало.

– Эй, широкий и низкий, у тебя имя-то есть? – спросил

я. – Если нет, могу ручаться: эти ребята вмиг его придумают. И обещаю, тебе оно не понравится.

– Слышу, слышу, – хихикнул Гоблин.

– Мое имя Дой. Все нюень бао зовут меня дядюшкой До-ем.

– Ладно, дядюшка. Ты с нами? Или пришел только на правление указать?

Гоблин уже шепотом раздавал распоряжения парням, собравшимся позади нас. Наверняка в ходе разведки он оставил южанам на память несколько сонных либо отвлекающих заклятий.

Без короткого обсуждения не обойтись. Сейчас мы подойдем туда, убьем всех, кто шевелится, а затем отступим, не дожидаясь, когда Могаба станет чрезмерно самоуверен.

– Я буду вас сопровождать, хотя едва ли от меня этого ждет Глашатай. Вы, Костяные Воины, не перестаете нас удивлять. Я хочу увидеть, как вы занимаетесь вашим промыслом.

Никогда не считал человекоубийство своим промыслом, однако мне было не до споров.

– Ты, дядюшка, неплохо говоришь по-таглиосски.

Он улыбнулся:

– Однако я забывчив, Каменный Солдат. Завтра не смогу вспомнить ни слова.

Не сможет. Если только Глашатай не взбодрит его память. Дядюшка Дой не ограничился наблюдениями за тем, как

мы кололи и рубили южан. Он и сам внес немалый вклад, обернувшись человеком-вихрем, разящим вокруг мечом, причем быстрота молнии сочеталась в нем с грацией танцовщика. Всякое его движение стоило жизни очередному тене-земцу.

– Черт подери! – сказал я Гоблину через некоторое время. – Напомни потом, что с этим субчиком не стоит портить отношения.

– Напомню, чтобы ты взял арбалет и выстрелил ему в спину футов с тридцати. После того, как я наведу на него глухоту и тупость, чтобы хоть маленько уравнивать шансы. Не удивляйся, если и я тебя когда-нибудь отвлеку, а Одноглазый подкрадется и поставит заднепроходную свечу из кактуса.

– Раз уж речь зашла об этом недомерке. Скажи-ка, кто тут у нас недавно втихаря бегал в самоволку?

Я разослал по своим подразделениям весть, что мы достаточно облегчили работу войскам Могабы. Теперь всем следует отойти в нашу часть города, позаботиться о раненых, вздремнуть и так далее. Затем обратился к старейшине нюень бао:

– Дядюшка Дой, ты уж, пожалуйста, сообщи Глашатаю, что Черный Отряд безмерно благодарен. Скажи, что можно обращаться к нам в любое время и мы сделаем все, что от нас зависит.

Коренастый поклонился – ровно настолько, чтобы сей

жест что-то значил. Я ответил точно таким же поклоном. И пожалуй, поступил верно: Дой чуть заметно улыбнулся, снова поклонился – уже от себя – и заспешил прочь.

– Бегает, как утка, – заметил Свечка.

– Я лично рад, что эта утка на нашей стороне.

– Повтори-ка.

– Я лично рад... Аргх!

Свечка взял меня за глотку:

– Кто-нибудь, помогите заткнуть ему рот.

Это было лишь началом того, что превратилось в настоящую оргию. Сам не участвовал, но слышал, что для джайкурийских шлюх это была самая прибыльная ночь в жизни.

– Где тебя черти носили? – зарычал я на Одноглазого. – Отряд, понимаешь, ведет самый тяжелый бой за последние... гм... несколько дней, а он где-то шляется!

Хотя... Его присутствие вряд ли могло чем-то помочь.

Одноглазый ухмыльнулся. На мое неудовольствие ему было наплевать.

– Должен же я был вернуть мой тенекрутой. Столько труда в него вложено... Что такое?

– А?

Я успел увидеть черную точку, быстро пересекающую серый небосклон на высоте, до которой ниоткуда из Дежагора не дострелить, даже с цитадели, где ребятам из Старой Команды больше не рады.

– Ладно, коротышка. Вздуть бы тебя как следует, да что толку? Значит, ты спустился на равнину. Что было дальше с Вдоводелом и Жизнедавом?

Пока я обеспечивал нашему предводителю спокойную жизнь, эта парочка исчезла без следа.

Интересно, как Могаба опишет все происшедшее, если продолжит вести Анналы?

– Одноглазый!

– Чего тебе? – уже раздраженно спросил он.

– Ты ответишь, наконец? Что с Вдоводелом и Жизнеда-

вом?

– Это ты меня спрашиваешь, Щенок? Не знаю и знать не хочу. Да и не до них мне было. Я только хотел забрать копье: может, этот гад еще разок зазевается – и я уже не промахнусь. И еще пришлось заняться шайкой тенеземцев, они пытались меня поймать, но потом куда-то свалили. Еще вопросы?

Этого бегства не понимал никто – всадники исчезли как раз в тот момент, когда тенеземцы готовы были дрогнуть. Тенекрут поджал хвост, это не могло не отразиться на боевом духе его армии.

– Будь это Старик с Госпожой, – проворчал я, – они бы не ушли, не покончив с этим балаганом. Или я не прав?

Я с ненавистью глянул на белую ворону, устроившуюся менее чем в двадцати футах от нас. Наклонив голову, она смотрела умными и злыми глазами.

В эту ночь ворон кругом собралась тьма-тьмущая. И наверняка не по мою душу они явились. Я был всего лишь щепкой в бурном море чужих интриг. Но пока Отряд не мешает игрокам, нет нужды сбрасывать его с доски.

Могаба с нарами, а также их таглиосские помощники были заняты по горло еще несколько дней. Возможно, Хозяин Теней решил, что Могаба должен заплатить за невыполнение своей части молчаливого уговора.

Лишнее доказательство тому, что с Черным Отрядом свя-

зыватья – значит не дорожить собственной задницей.

Занервничаешь тут, если из головы не идет, что на тысячу миль вокруг нет ни единой души, желающей тебе легкой смерти.

Мои ребята видели, в какую лужу сел Могаба, и всюду зубоскалили на этот счет. А он даже вякнуть против не мог. Мы спасли его шкуру, причем обставили это так, что он не мог не вышвырнуть из города кучку тенеземцев.

Я почти каждый день встречался с ним в штабе на военном совете. А еще приходилось любезничать с его солдатами, давая понять, что мы по-прежнему братья, плечом к плечу отражающие злобного врага.

И это никого не обмануло – кроме, быть может, самого Могабы.

Для меня в этом не было ничего личного. Я делал то, что наверняка одобрили бы все летописцы прошлого: всячески показывал Могабе, что не считаю его больше одним из нас.

Мы Черный Отряд. Друзей у нас нет. Все, кто не входит в список братьев, – враждебны или просто недостойны доверия. Подобные отношения с миром не требуют ненависти или еще каких-нибудь чувств. Необходима лишь бдительность.

Возможно, наше нежелание отомстить Могабе за измену или хотя бы признать ее послужило той последней соломинкой, что ломает хребет верблюду. А может, причина в том, что Могаба теперь допускал, как допускали и его нары, что

настоящий Капитан остался в живых. Как бы то ни было, наш непревзойденный полководец пересек рубеж, из-за которого нет возврата. А мы не раскрывали тайны, пока не пришлось платить золотом боли...

Возвращение к нормальной жизни заняло десять дней, если только жизнь перед тем мощным штурмом можно считать нормальной. Обе стороны понесли тяжелые потери. Я был уверен, что Тенекрут займется зализыванием ран, предоставив нам еще какое-то время поголодать.

– Щенок, я к тебе с новостью.

– А?.. – забормотал я, просыпаясь. – Что случилось?

Кажется, меня в этот раз никуда не утаскивало.

Одноглазый присмотрелся ко мне, и с его физиономии сошла похабная ухмылка.

– Что, опять припадок?

– Припадок?

– Ты отлично понял, о чем я.

Не совсем. Я лишь со слов товарищей знаю, что иногда со мной творится странное.

– У тебя было что-то вроде умственного затмения. Пожалуй, я вовремя подошел.

Одноглазый с Гоблином снова и снова обсуждают разные эксперименты, с помощью которых можно выяснить, что со мной творится, но пока дальше слов не идут.

– И с чем же ты подошел?

– Сегодня утром рабочие проникли в катакомбы.

– Лонго мне уже сказал.

– Все воодушевились и ринулись туда.

– Могу представить. И что, нашли сокровища?

Одноглазый принял оскорбленный вид. И ведь неплохо получилось для такой бессердечной жабы.

– Значит, нет?

– Книжки нашли. Целую кучу. Тщательно упакованные, целехонькие. Должно быть, лежат там с первого прихода Хозяев Теней.

– Похоже на правду, если вспомнить, что они сожгли и книги, и священников. А может, там и парочка выживших жрецов нашлась?

– Вроде нет. Слышь, мне пора возвращаться. – Еще бы не пора, – не ровен час, кто-нибудь раньше его захапает сокровища. – Я велю ребятам притащить сюда книги.

– Ну да. Тебя же боги проклянут, если собственноручно хоть одну поднимешь.

– Щенок, тебе надо что-то делать с твоими манерами. Я как-никак человек пожилой.

Одноглазый слинял. У него это лучше всего получается, когда надо защищать безнадежную позицию.

Города редко бывают так наглухо закрыты, чтобы снаружи не поступало никаких новостей. Они просачиваются, и порой совершенно непостижимым образом.

Те же слухи, что проникали в Дежагор, очень редко внушали оптимизм Могабе.

Изучая найденные книги, я до того увлекся, что забыл о службе. Написаны они были на джайкури, однако книжная речь этого народа почти не отличается от таглиосской.

Вошел Гоблин:

– Ну, как ты? Головка больше не кружится?

– Нет. Что-то вы, ребята, уж слишком всполошились.

– Мы-то? Да с чего бы? Правда, тут слушок прошел, будто к нам на подмогу идет армия. И возглавляет ее не кто иной, как Нож.

– Нож? Он же... Он же никогда не командовал армией! Только малыми отрядами, причем еще до нашего прибытия. Вел партизанскую войну против необученных...

– Не я его назначал, я только докладываю. Да и справлялся он неплохо.

– Плетеный Лебедь с Корди Мэзером тоже. Однако случайностям, везению да еще недомыслию Хозяев Теней мы обязаны куда больше, чем этой троице. С чего вдруг Ножу доверили армию?

– Предположительно, он теперь правая рука Госпожи. Больше сомнений нет, она жива. И зла, как сам дьявол. Она собрала новую армию.

– Спорим, Могаба сейчас скачет от радости и орет: «Спасены! Спасены!»

– Еще бы он не скакал.

В течение следующих нескольких дней до нас дошли тысячи самых невероятных слухов. Если хоть десятая часть была правдой, во внешнем мире происходили какие-то загадочные перемены.

– Последние новости слышал? – спросил Гоблин как-то вечером, в один из редких моментов, когда я оторвался от

книг, чтобы взглянуть, как обстоят дела за стеной. – Госпожа – это вовсе не Госпожа, а воплощение богини по имени Кина. Должно быть, тоже не подарок.

– Должно быть. Тай Дэй! Что ты знаешь о Кине?

Вход в наши убежища для Тай Дэя был закрыт, однако стоило мне выйти – телохранитель тотчас возникал поблизости.

Парень моментально забыл все четыре таглиосских слова, которые, по его недавнему признанию, были ему известны. Имя богини начисто выскребло его память.

– И вот так всегда, стоит с кем-нибудь заговорить о Кине, – сказал я. – Даже из пленных ничего не вытянуть. Можно подумать, она принадлежит к Черному Отряду.

– Небось та еще очаровашка, – предположил Бадья.

– Это точно. Вон, гляди.

Последние слова относились к упавшей звезде. Им мы вели счет, как и кострам противника. Южане рассыпались по равнине мелкими отрядами. Наверное, боялись, что мы улизнем.

– Ты что-то знаешь о ней? – спросил Гоблин.

– Из найденных вами книг.

Катакомбы здорово разочаровали парней: добытые сокровища, помимо книг, состояли из нескольких запечатанных кувшинов с зерном. Гунниты, коих в Джайкуре было большинство, своих мертвых не хоронят, а сжигают. Веднаиты, которых было чуть меньше, мертвых погребают, но ничего

ценного в могилы не кладут – там, куда попадет покойник, он не будет нуждаться ни в чем. Ни в раю, ни в аду.

– Одна книга – компиляция гуннитских мифов, собранных со всех земель, где живет эта секта. Ее автор был ученым-богословом, и книга писалась для своих, чтобы не смущать простой народ.

– Ну надо же, какое редкое явление, – ухмыльнулся Бадья.

– Так в чем проблема, Мурген? Почему они не хотят нам ничего рассказывать об этой суке? Ого! Видали, как взорвалось?

– Гуннитская вера здесь самая распространенная.

– Мурген, это мы и сами знаем, – хмыкнул Гоблин.

– Я просто напоминаю. И большинство здешних веруют в Кину. Даже не гунниты. А дело было так. У гуннитов есть Князь Света и Князь Тьмы. И правят они с начала времен.

– Ну, это уж как водится...

– Точно. Вот только система ценностей здорово отличается от той, что сложилась в наших родных краях. Здесь равновесие между Светом и Тьмой более динамичное, и эмоционально оно воспринимается не так, как наша борьба зла и добра. Кина же – нечто вроде самовозвысившейся внешней силы разложения и разрушения, борющейся и со Светом, и с Тьмой. Ее создал Князь Света, чтобы одолеть орду кошмарнейших демонов, с которыми никак иначе было не справиться. Она и одолела, сожрав всех этих демонов. И естественно, растолстела. Верно, захотела чего-нибудь на десерт, потому

как взялась пробовать всех остальных.

– Это что же, она была сильнее богов, ее же создавших?

– Парни, не я сочинял эту чепуху, вот и не требуйте, чтобы я искал в ней смысл. Гоблин, ты у нас везде побывал, но знаешь ли хоть одну религию, которую любой маловеер, будь у него хоть капля ума, не сможет порвать в клочья?

Гоблин пожал плечами:

– Циник ты. Такой же, как Костоправ.

– Да ну? Спасибо на добром слове. В общем, там куча типичной мифологической чернухи о мамашах и папашах, о скабрзных, одиозных и инцестуозных выходках богов, имевших место, пока Кина набиралась сил. Это была сушная змея, недаром обман – одно из ее неотъемлемых свойств. Но главный ее создатель, или отец, перехитрил дочурку и наложил на нее сонные чары. Так она с тех пор и посапывает, однако может влиять на наш мир посредством снов. Есть у нее и почитатели. Все гуннитские божества – большие, малые, злые, добрые и те, которым на все наплевать, – имеют свои храмы и жрецов. О приверженцах Кины мне удалось узнать лишь самую малость. Они называются обманниками. Солдаты о них говорить отказываются, причем наотрез, словно одно упоминание имени Кины может вывести ее из спячки.

– По мне, дичь какая-то, – проворчал Бадья.

– Это объясняет, – заговорил Гоблин, – почему все до усрачки пугаются Госпожи, когда она появляется в наряде Кины. Если только они вправду верят, что Госпожа превра-

тилась в эту богиню.

– Я считаю, мы должны выяснить об этой Кине все, что можно.

– Хлипковат твой план, Мурген. Как мы выясним? Ведь никто не желает говорить.

Да. Самые дерзкие из таглиосцев только что в обморок не падали, если я слишком настойчиво выспрашивал. Очевидно, они боялись не только своей богини, но и меня.

Потом явился Одноглазый с согревающей душу новостью:

– Тенекрут каждую ночь тайком уводит солдат за холмы – надеется, что в темноте мы не заметим перемещений.

– Может, он и вправду снимает осаду?

– Все его войска идут на север. То есть не домой.

Возможно, так оно и есть. Хотя уверенность Одноглазого еще не означает его правоту. Это же Одноглазый.

Посему я поблагодарил его и отослал по какой-то мелкой надобности, а сам разыскал Гоблина и спросил, что тот обо всем этом думает.

Коротышка вроде как удивился моим сомнениям:

– Одноглазый что, запинался?

– Нет. Но это же Одноглазый...

Гоблин не удержался от самодовольной лягушачьей улыбки.

Я счел, что для всех будет лучше, если Могаба останется в неведении. Но слухи доходили и до него.

Население Дежагора было расколото на множество фракций; лишь необходимость обороняться от внешнего врага удерживала их от грызни. Сильнейшую фракцию возглавлял Могаба. К самой многочисленной относились джайкури. Самой малочисленной являлись мы, Старая Команда. Наша сила заключалась в нашей правоте.

Еще были нюень бао. Так и оставшиеся загадкой для всех.

Семейство Кы Дама ютилось в темной, грязной, дымной, вонючей норе, пока эти «хоромы» не затопила вода. Говорят, власть дает преимущества, но к Глашатаю это явно не относилось. Есть где от дождя укрыться, и на том спасибо богам.

Небось, у себя на родном болоте он и этого не имел.

Кы Дам участвовал в оживленной беседе с толпой потомков, и гомон стих, лишь когда появился гость. Конечно же, дети присмирели совсем ненадолго.

Вечерами Кы Дам приглашал меня побеседовать о делах мирских. Мы садились друг против друга, его прекрасная внучка подавала чай, а детишки быстро избавлялись от благоговейного страха передо мной и продолжали резвиться. Мы с хозяином дома обменивались сведениями о друзьях и врагах, а мучимый лихорадкой человек все стонал в своем темном углу.

Мне это не нравилось. Он явно был обречен, однако смерть не спешила его забрать. После каждого вскрика красавица отправлялась к хворому. У меня сердце болело от жалости – так измучена она была.

Наконец, не выдержав, я сказал что-то сочувственное – подобного рода фразы бросаешь не подумав. Жена Кы Дама, которую звали Хонь Трэй, оторвала от своей чашки изумленный взгляд и шепнула мужу три слова.

Старик кивнул:

– Благодарю тебя за участие, Каменный Солдат, однако оно здесь неуместно. Дан призвал дьявола в душу свою и ныне платит за это.

Из темного угла понеслась возмущенная трескотня на нюень бао, и к свету проковыляла толстая, низкорослая старуха. Была она кривонога и уродлива, как бородавочник, да простится мне сие нелицеприятное сравнение. Речь старухи адресовалась мне. То была Кы Гота, дочь Глашатая, мать моего неотлучного спутника Тай Дэя. Даже у нюень бао она слыла мегерой. Я не понимал ни слова, однако чувствовал, что на мою бедную голову вываливают все хвори и немочи мира.

К ней мягко обратился Кы Дам, затем Хонь Трэй шепотом, еще мягче, повторила ей слова мужа. Мгновенно воцарилась тишина, Кы Гота поспешила обратиться в темноту.

– Всю жизнь, – заговорил Глашатай, – нам суждено наслаждаться своими успехами и неудачами. Величайшая печаль моя – дочь Гота. Она носит в себе источник боли, кою невозможно избыть. Она упорствует в желании поделиться с нами своими страданиями. – Его губы дрогнули в горькой улыбке; мне следовало понять, что собеседник выражается метафорически. – Ее величайшая ошибка заключена в поспешности – слишком торопливо она выбрала Сам Дан Ку в мужья своей дочери, этому прекрасному цветку.

Он указал на прекрасный цветок. Женщина, как раз опустившаяся на колени, чтобы наполнить наши чашки, зарде-

лась от смущения.

Несомненно, все эти люди отлично понимали по-таглиосски.

– Овдовевшая еще в юности, Гота устроила этот брак с отпрыском богатой семьи в надежде усладить годы старости роскошью, – добавил Кы Дам.

Глашатай снова улыбнулся мне, вероятно почувствовав недоверие. Я-то думал, что богатство и нюень бао – вещи несовместимые.

– Дан был умен, – продолжал старик, – а посему скрыл, что за свою жестокость, порочность и вероломство был лишен наследства. Гота чересчур спешила, а потому не проверила недобрые слухи; Данов же нрав после брачных церемоний стал еще злее. Но достаточно обо мне и моем семействе. Я пригласил тебя, желая получше узнать характер вождя Костяных Воинов.

Пришлось спросить:

– А почему ты нас так называешь? Что это означает?

Кы Дам переглянулся с супругой.

– Понятно, – вздохнул я. – Снова та чепуха, что насочиняли люди о Черном Отряде. Ты думаешь, что мы ничем не отличаемся от наших предшественников четырехсотлетней давности. Наверное, и о них много неправды говорят – устная история всегда здорово преувеличивает. Вот что я тебе скажу, Глашатай. Черный Отряд – шайка отверженных. Это так и есть. Мы всего лишь старые наемные солдаты, угодив-

шие в ловушку непонятных обстоятельств, и эта ситуация никому из нас не нравится. Мы просто шли мимо. Мы выбрали этот путь, потому что нашего Капитана заинтересовала история Отряда, а остальные не смогли предложить ничего предпочтительнее. – Я рассказал о Молчуне, о Душечке, о всех тех, кто предпочел разрыв с братством долгому и опасному походу на юг. – Я клянусь: какой бы беды ни ждали от нас люди – а я был бы рад услышать, какой именно, – она требует усилий куда больших, чем мы готовы здесь потратить.

Старик пристально посмотрел на меня, затем перевел взгляд на жену. Она не сказала ни слова и даже не шелохнулась, однако что-то произошло между ними. Кы Дам кивнул.

К нам подошел дядюшка Дой.

– Возможно, мы неверно оценили тебя, – сказал Глашатай. – Порой даже я позволяю предубеждениям направлять мой Путь. Надеюсь, при следующей нашей встрече я не допущу этой ошибки.

Дядюшка Дой слегка кивнул мне. Пора и честь знать.

Гоблин застал меня за джайкурийскими книгами:

– Мурген!

Я вздрогнул:

– А?

– Очнись, черт возьми.

– Что? О чем ты?

– Я тут уже минут десять стою и на тебя гляжу. Ты не перевернул ни страницы. И не моргнул не разу. И даже не знаю, дышал ли.

Я начал было оправдываться.

– Перестань врать. Мне четырежды пришлось крикнуть да еще шлепнуть тебя по загривку, чтобы привлечь внимание.

– Значит, я задумался.

Только вот ни единой мыслишки вспомнить не смог.

– Ну да, конечно. Могаба желает, чтобы ты наконец затащил на цитадель свою костлявую задницу.

– Навстречу колонне, идущей к нам на выручку, скрытно выдвинулись большие силы южан, – доложил я Могабе. – Вначале я решил, что нас пытаются надуть. Отойдут от города, а когда мы рискнем этим воспользоваться, ударят на равнине. Однако Гоблин с Одноглазым утверждают, что те неземцы просто уходят. Впрочем... как-то сомнительно это

все выглядит. Где удалось набрать солдат в новую армию? Кто ею командует?

Поверит ли Могаба, что самые интересные новости прошли мимо меня? Он слышал больше моего, и о том, что Костоправ жив, нынче судачат на каждом углу.

Как же он поступит, если подтвердится, что Старик не погиб?

Я был совершенно уверен, что Могаба постоянно ломает над этим голову.

Меня поблагодарили и велели возвращаться к моим людям. И все. Выяснить, зачем Могаба посылал за мной, не удалось.

Он сделал именно то, чего я опасался. Отправил сильную разведку – должно быть, хотел найти уязвимые места у противника. В поиск ушли только те бойцы, которым Могаба полностью доверял. А я мог лишь сидеть на своем участке и наблюдать. И гадать, почему Могаба считает, что мы дезертируем, как только окажемся за стеной.

Работая над этой книгой, ловлю себя на том, что пишу о Могабе крайне мало. Неприязнь не дает характеризовать его объективно, поэтому я упоминаю о нем лишь в тех эпизодах, где без этого не обойтись.

В те дни из всех нарвов один лишь Синдав старался вести себя с нами вежливо.

В общем, Могаба решил, что у него появился шанс хорошенько врезать Хозяину Теней, но вражеский штаб уже от-

лично знал, как работают его мозги. Никакие неудачи не могли поколебать его веру в собственную непобедимость. Если планы рушились, Могаба просто составлял новые.

Его войско таяло, но, поскольку из города дезертиры выбраться не могли, а среди наших таглиосцев у них хватало друзей, они прятались на территории Черного Отряда. Жаловались, что Могаба слишком расточителен по части солдатских жизней.

Могаба же на это отвечал специальными пайками и первоочередным допуском к проституткам – для самых верных.

Закупоренные кувшины с зерном, что мы нашли, остались еще от первой осады. При дележе разгорелся нешуточный спор. Одноглазый убеждал всех, что Могаба, получив свою долю, не успокоится. Он потребует полного отчета о наших находках и пожелает увидеть их собственными глазами. А нам нужно, чтобы он шастал по нашим подземельям?

И как ты думаешь, что предпринял пройдоха Одноглазый? Мы глазом не успели моргнуть, а он уже торгует свежей выпечкой по ценам, в двадцать раз превышающим доосадные.

В один прекрасный вечер я привел его в укромное местечко на стене. По городу носились свежие слухи о разыгравшейся на севере битве, но разговор должен был пойти не о том. Я спросил Одноглазого:

– Так что там насчет причин не делиться с Могабой найденным зерном?

– Чего? – Выволочки по этому поводу он явно не ожидал.

– Ты был крайне настойчив. Насчет недопущения его в наши подвалы.

Он сразу взбодрился, гордо выпятил грудь:

– Ну и?..

– Ты и сейчас считаешь так же?

– А то!

– Тогда какого хрена продаешь его людям хлеб, если у нас якобы нет ни зернышка на муку?!

Он сдвинул брови. До него еще не дошло.

– Что значит «какого хрена»? Выгодно же.

– Ты вправду считаешь Могабу таким дураком? Думаешь, у него не возникнет вопросов?

– Щенок, ты слишком уж косо смотришь на вещи. Надо быть гибче.

– А ты просто баран твердолобый. И если не прекратишь, на меня не рассчитывай. Или возомнил, что я одержим желанием спасти твою задницу?

– Насчет одержимости – как знать. Порой мне кажется, что с нею у тебя полный порядок.

– Ты о чем?

– Да о припадках твоих. Во время припадка будто кто-то другой твоими зенками смотрит. Похоже, чья-то чужая душа вокруг тебя кружит.

– Никогда не замечал.

А мог ли?

– Будь у нас толковый некромант или духовидец, мы бы интереснейшие вещи смогли выяснить. У тебя близнеца, случаем, не было?

По спине пополз холод, на затылке зашевелились волосы. Ну да, и вправду на меня порой находит жуть. Но Одноглазый всего лишь пытается сменить тему.

К нам подошел Гоблин:

– Мурген, южане что-то затевают.

Неподалеку закаркала ворона – ну до чего же похоже на хохот!

– Может, новый массированный штурм? – спросил я. – Вроде Могаба снес их главный пандус.

– Я хотел проверить, да не смог подобраться. Могаба торчит на виду у своих людей. Но, похоже, битва была. Как ни хитрил Тенекрут, все равно получил хорошую трепку. Помощь уже близка, и скоро нас выручат.

– Остынь. Рано манатки собирать.

Одноглазый захихикал:

– Недомерок-то наш всегда так: еще яиц не наворовал, а уже цыплят считает!

– Забыл, о чем мы только что говорили?! – рыкнул я. – Насчет идиотских выходов? Тебе ли над Гоблином смеяться?

Как же ему без этого? Дело всей жизни, можно сказать...

– О чем это вы? – оживился Гоблин.

Тут появился дядюшка Дой, что и положило конец бесе-

де. Ох и ловко же двигается этот типчик – и быстро, и бесшумно, почище любой Тени.

– Глашатай велел передать тебе: южане с шанцевым инструментом вместо оружия собираются у южной стены.

– А что там у нас?

С нашей стороны тоже что-то происходило. Мы почти ничего не видели со своего насеста – заслонял изгиб стены, – но нетрудно было понять, что и на севере собирается большой отряд саперов.

– Рабов или пленных не видать... А это еще что?

«Это» было солнечным зайчиком в холмах, отблеском солнца на металле. Зайчик мелькнул снова. Там пробирался отряд, не сказать что удачно таясь.

Солдатам Тенекрута вообще нет надобности скрытничать. Я сказал Гоблину:

– Передай всем: с заката – полная боевая готовность.

Дядюшка Дой сощурился, глядя на холмы:

– Глаза твои хороши, Каменный Солдат.

– Знаешь что, упрямец? Мне куда привычнее зваться Мургенем.

Коренастый человек чуть улыбнулся:

– Как пожелаешь, Мурген. Я пришел от Глашатая. Он просил передать: наступают суровые времена. Ум и сердце должны быть готовы к ним.

– Суровые времена?

– Кончилась лафа, – хохотнул Одноглазый. – Мы тут ду-

рака валяли да жирок нагуливали, пока райские гурии порхали вокруг. И вот пора платить за сладкую жизнь.

– Вспомни об этом, когда снова задумаешь навариться.

– Чего?

– Деньгами брюхо не набьешь, Одноглазый.

– Вечно ты настроение испортишь...

– Уж таков я есть. Скажи Хрипатому: пусть сбегает в цитадель и сообщит Синдаву, что южане что-то затевают.

Синдав хороший парень. Только с ним можно иметь дело – он не давит на психику и не вызывает искушения схватить его за глотку. И Могаба не сможет упрекнуть, что его не поставили в известность.

Что будет, если Тенекрут просто возьмет да уйдет, предоставив нам разбираться друг с другом?

По-моему, с его стороны это было бы умнее всего.

Хрипатый еле-еле взобрался наверх, а после еще пять минут сипел и отхаркивался, прежде чем смог заговорить. Он по возрасту никак не годится в солдаты. И так уже внуков, должно быть, пережил. Но, как и у каждого из нас, кроме Отряда, у него нет ничего. И умрет он под нашим знаменем с мертвой головой. То есть под тем, что теперь заменяет нам знамя.

Печально это. Даже трогательно.

Хрипатый в Черном Отряде – явление аномальное. Обычно жизнь наемника тяжела и коротка; боль, страх и лишения крайне редко перемежаются случайными и мимолетными радостями. Свихнуться можно от такой жизни, и спасает только нерушимое товарищество. Это если ты в Черном Отряде.

Что же до шаек помельче... Впрочем, какое мне дело до них? Я – в Черном Отряде.

Мы с Костоправом положили уйму сил на поддержание нашего братства. Пожалуй, уже пора возродить обычай Старика – читать Анналы вслух, чтобы люди помнили: они – общество, что долговечнее многих королевств.

– Хрипатый, разрешаю вздремнуть пару часов.

Он отрицательно покачал головой. Этот доходяга трудится, пока в нем есть хоть капля сил.

– Лейтенант нароров... Синдав... передает привет... и советуется... ночью... быть начеку.

– Зачем, не говорил?

– Он вроде как... намекал... что Могаба... может... как стемнеет... решиться на... большое дело.

Могаба всегда замышляет большое дело. Вот бы Тенекрут позволил ему наконец это дело проверить. Одна-единственная вылазка большими силами в неудачный момент – и Могаба наконец поймет, почему Тенекрута называют Хозяином Теней.

Хрипатый что-то сказал на своем родном языке, понятном Одноглазому. По тону похоже на вопрос. Одноглазый в ответ издал несколько щелкающих звуков. Я предположил, что дедуган поинтересовался, можно ли открыто говорить при нюень бао, и получил утвердительный ответ.

– Синдав... – заговорил Хрипатый, – велел передать вам, ребята... что слухи о... большой битве... наверное... правдивы.

– Парни, мы перед Синдавом в долгу, – сказал я. – Сдается мне, он дает понять, что больше не поддерживает Могабу безоговорочно.

Тай Дэй с дядюшкой Доем впитывали нашу беседу, точно губки.

С каждым часом напряжение нарастало. Без всяких видимых причин у нас возникло чувство, что эта ночь станет пе-

реломной. Ребята в основном беспокоились из-за Могабы – не будет ли от него новых подлостей? От Тенекрута мы не ждали неприятностей в ближайшее время.

Я не спускал глаз с холмов.

– Вот оно! – рявкнул вдруг Одноглазый.

Его обуревали те же предчувствия, что и меня.

Среди холмов вспыхнуло розовое зарево, и молнии с треском ударили в землю вокруг дивного всадника.

– Снова она, – сказал кто-то. – А где же другой?

Вдоводела в розовых сполохах видно не было.

Равнину охватила паника. Призрак застал разбросанные по ней отряды тенеземцев врасплох. Заорали, отдавая приказы, сержанты, во все стороны понеслись гонцы. Солдаты метались, сталкиваясь друг с другом.

– Вон он! – завопил Бадья.

– Кто?

– Вдоводел! – Он показал рукой. – Старик наш!

Фигура Вдоводела, сиявшая среди холмов, казалась исполненной.

Гоблин, появившийся неизвестно откуда, вцепился в мою руку:

– Гляди!

Он указывал на главный лагерь тенеземцев. Самого лагеря мы не видели, но в той стороне в воздухе возникло бледное сияние, разгоравшееся все ярче.

– Значит, Тенекрут от драки не бежит, – заметил я.

– Ага. Что-то серьезное пустил в ход.

– Что именно? Может, и высовываться не стоит?

– Поживем – увидим.

Прожив еще несколько минут, я и впрямь увидел. К холмам понесся громадный шар зеленоватого пламени и ударил в то место, где появился Жизнедав. Земля встала дыбом, камень занялся огнем. И все без толку. Жизнедава и след простыл.

– Промазал.

– Окривел, видать.

– Жизнедав мухлюет – на месте не стоит!

– Неудачный выбор оружия, – ухмыльнулся Одноглазый. – Противник что же, не должен уворачиваться?

– Может, это лучшее, на что способен мерзавец. Он ведь нездоров.

Я бочком отошел в сторону. Еще пара минут, и Одноглазый с Гоблином затеют свару.

Суматоха на равнине все усиливалась. Действия южан вряд ли имели какой-то смысл – уж очень много суеты. Судя по тому, что мне удалось расслышать, тенеземцы затевали что-то серьезное и подверглись нападению как раз в тот момент, когда приступили к выполнению своего замысла. Застигнутые врасплох, они не смогли организовать оборону. Доносилось до меня и с ужасом выкрикиваемое имя Кины.

А Жизнедав наш, так похожий на эту богиню разрушения, исчез. Видать, неинтересно было Госпоже, что будет дальше.

Тенекрут обрушил на холмы все чары, что успел слепить на скорую руку. В цель не попал, разве что поджег несколько кустарников.

Снова лиса проникла в птичник. Южане ударились в по-вальное бегство; стоило струхнуть одному, и тотчас паника охватывала весь отряд. Время от времени кто-нибудь приближался к стене, и мои ребята по очереди упражнялись в меткости.

– Ругаются – мол, ноги у них промокли, – сказал Гоблин. Я тоже это расслышал. И не понял.

– Твою же мать!

Не знаю, кто это выкрикнул. Но я был с ним абсолютно согласен.

Из главного лагеря тенеземцев в небо взвилось множество ослепительно-белых огненных шаров, полностью уничтожив темноту. И это, пожалуй, больше играло на руку врагам Тенекрута, чем ему самому.

Дядюшка Дой исчез. Я лишь успел заметить, как промелькнула внизу по улице его тень.

– В этот раз я уверен, – сказал Одноглазый. – Там была Госпожа.

Его тон меня насторожил.

– Но?..

– Но второй – не Капитан.

Вдоводела мы видели меньше минуты.

– Разубеди-ка меня, – пробормотал я.

– В чем?

– В том, что у нас теперь две пары. И каждая – лишь наполовину настоящая.

Рядом загоготала ворона.

– Что же это за колдовство такое? – спросил я.

– Я и рад бы утолить твою жажду знаний, Щенок. Но есть у меня очень плохое предчувствие: скоро такое начнется, что пропадет у нас всякая охота в это вникать.

Одноглазый у нас тот еще пророк... Хотя любопытство все же разбирало. И благодаря нюень бао я его удовлетворил.

Свет по другую сторону города померк, сопровождавший его рев поутих. Часть шаров устремилась к холмам, а прочие – к той части Дежагора, где распорядился Могаба.

По всей равнине пронеслась трескучая рябь более скромных чар. Окрестности города так и засверкали серебром.

– Это уже что-то странное. Одноглазый, а что, если построить смотровую вышку на верху анфиладной башни? Так мы сможем наблюдать и за Могабой, и за Тенекрутом.

– Но для тебя же нюень бао следят.

– То есть не стоит к тебе обращаться даже насчет пустяковой работы?

– Идея твоя очень даже неплоха. Но я считаю, нюень бао вполне могут быть твоими глазами – нужно только правильно ими пользоваться. Ни к чему впадать в паранойю на манер Костоправа. Просто оценивай то, о чем они сообщают, и поймешь, чьим целям оно может служить.

– Порой я бываю даже ленивей тебя, – сказал я Одноглазому. – Только у меня это умственная лень. То, о чем ты говоришь, подразумевает серьезное напряжение мозга. Да и все равно свой глаз надежнее.

– Вылитый Старик, – проворчал Одноглазый. – Ты вот все

собираешься читать парням Анналы, так почитай хоть что-нибудь, кроме написанного Костоправом! Я столько лет мечтал от его праведности отдохнуть...

Ах так, да?! Ладно, возвращаемся к торговле хлебом на черном рынке.

Появился Гоблин:

– Забавные дела там творятся!

– Да? И что же это за дела?

– Я забрался на стену, люди Могабы не помешали мне взглянуть. Он сам возглавил эту вылазку.

– Говори толком, – проворчал Одноглазый. – А то вечно трещишь, как... Апф!

В рот ему влетела громадная муха. Сладкая улыбочка на роже Гоблина намекала, что он вполне мог внести поправки в бессмысленный полет насекомого.

– Этот типчик, Дой, может сообщить больше моего. Кто-то из его ребят пошел следом за Могабиной шайкой.

– Зачем?

– По-моему, Могаба хотел поймать Тенекрута, а вместо этого напоролся на Госпожу.

– Ерунда!

– Помнишь, когда полетели шары? Когда там была она. И с ней еще человек пятнадцать. И находились они аккуратно у ворот лагеря, подкравшись к толпе Могабиных людей. По крайней мере, так мне рассказали. Сам не видел.

– А где дядюшка Дой?

– Наверное, обсуждает все это с Глашатаем.

Наверное.

– Вот как? Слышь, у нас ведь полно перебежчиков из первого легиона. Может, кто-нибудь согласится пробраться к Могабе и узнать побольше?

– Да вон, ковыляет наконец твой пенек.

Говорили мы при Тай Дэе, словно тот был глухим. Впрочем, нам было плевать, пусть слушает.

Дядюшка Дой прихватил с собой парочку нюень бао. Все они окружали еще одного «пенька» – маленького и толстого таглиосца. Оружия не было видно, однако выглядел он скорее пленником, нежели спутником.

Что меня удивило: дядюшка Дой, поднявшись на стену, даже дыхания не сбил. Может, это он у Хрипатого крадет из легких воздух каким-нибудь злым колдовством?

Очень похоже на миф из той гуннитской книги.

– Кого это ты поймал, дядюшка?

Таглиосец не отреагировал на мой недоумевающий взгляд.

– Глашатай послал Баня и Биня следить за чернокожими людьми, замышлявшими напасть на самого Хозяина Теней. Но они наткнулись на чужаков, имевших такую же задачу. Этот человек, покинув свой отряд, присоединился к тем, кто с появлением светящихся шаров побежал к стене. Отряд чужаков мог намеренно показаться нам, чтобы этот человек незаметно отделился в суматохе.

Я продолжал разглядывать приведенного. Он был гуннитом, причем на редкость крепкого сложения. Возможно, много работал над этим. Да и дерзости ему явно было не занимать.

– Что-то необычное? – спросил я.

Похоже, дядюшку Доя здорово заинтересовал этот тип.

– На нем клеймо Кади.

Я даже опешил. Ах, ну да. Книга из катакомб... Кади – местное либо альтернативное имя Кины. Чего-чего, а имен у нее хватает.

– Что-то я не вижу никакого клейма. Покажи.

У дядюшки Доя сузились глаза, и после долгого раздраженного вздоха он сказал:

– Даже сейчас ты не желаешь явить свою сущность, Солдат Тьмы?

– Даже сейчас я не понимаю, что ты мелешь! Осточертели такие разговоры! – Хотя у меня уже зрела догадка. – Вместо того чтобы сопеть, да пыхтеть, да загадочно хрюкать, сказал бы что-нибудь понятное! Давай допустим, что я – ровно то, чем выгляжу, и при всем желании не могу вызвать молнию с неба, чтобы расчесала тебя на пробор. Кто этот тип? И кем ты считаешь меня? Давай, дядюшка, выкладывай!

– Он раб Кади.

С этими словами дядюшка Дой уставился на меня, словно подначивая: неужто и теперь не поймешь? Говорить подробнее не пожелал.

Для меня сказанное не значило ничего. Но я человек не суеверный. Он что, всерьез считает, что у его языка хватит сил пробудить от вечного сна эту дьяволицу?

– Ох и крутая же стерва эта Кина, – сказал я Одноглазому. – Если даже у дядюшки полные штаны... Ты! Имя у тебя есть?

– Я Синдху. Из штаба воительницы, которую вы называете Госпожой. Послан оценить ситуацию в городе.

Я смотрел в его бесстрастные, как у ящерицы, глаза, и он не отводил взгляда.

– Звучит правдоподобно. – Ну, это разве что для доверчивых младенческих ушей. – Госпожа? Та самая, что была Лейтенантом в Черном Отряде?

– Та самая Госпожа. Ей улыбнулась богиня.

– Связной, что ли? – спросил я дядюшку. – Правда, что ли, от Госпожи?

– Так утверждает этот человек. Но на самом деле он шпион туга. Да не изреки правды, коль можешь солгать.

– Дядюшка! Друг ты мой душевный! Мне, тебе и Старикку надо бы спокойно посидеть и побеседовать вот на этом самом языке! Как полагаешь?

Дядюшка Дой что-то пробурчал. Возможно, нечто осмысленное.

– Туга да не изречет правды, коль может солгать, – ухмыльнулся Синдху.

Этот субъект казался мне насквозь фальшивым.

– Гоблин! Найди ему место, пусть поспит. – Я сменил язык. – И глаз с него не спускай.

– У меня и без того работы выше головы.

– Ну приставь кого-нибудь. Очень уж мне не нравится этот тип. И не понравится до утра. Бедой от него пахнет.

– И не мелкой, – согласился Одноглазый.

– А почему бы нам просто не скинуть со стены его волосатую задницу?

Вот до чего порой доходит прагматичность Гоблина.

– Я хочу узнать о нем побольше. Кажется, мы подобрались вплотную к разгадке тайны, висящей над нами с того самого дня, когда пришли сюда. Пусть ходит везде свободно. Разыграем дурачков, а сами будем следить за каждым его вздохом.

Я был уверен, что в этом могу рассчитывать на помощь Глашатая.

Мои колдуны заняли и заворчали. И трудно их за это винить: и так немалый гуж тянут.

В нашем подземелье можно было отдыхать, не тревожась за свою шкуру. Чем я и воспользовался – заснул мертвым сном, будучи уверен, что завтра ни у кого не останется сил, чтобы причинить нам вред.

Я забрался так глубоко от обжитых мест, что лишь горстка людей знала, где меня искать. В кои-то веки выспаться – вот моя священная миссия. Если вдруг наступит конец света, пусть ребята отмечают это дело без меня.

Кто-то меня потряс.

Я отказывался в это поверить. Наверное, просто дурной сон.

– Мурген, вставай. Ты должен это видеть.

Ничего подобного.

– Мурген!

Я с трудом разлепил один глаз:

– Бадья, я тут пытаюсь урвать часок сна. Отвали.

– Не время. Тебе надо пойти и взглянуть.

– На что?

– Увидишь. Вставай.

Отвязаться от него было невозможно. Будет трясти и нудить, пока я не выйду из терпения, и тогда обидится. Однако долгий подъем к солнцу – не такая уж заманчивая вещь...

– Ладно-ладно.

Я поднялся. Не передать словами, чего мне это стоило.

Вытаскивать меня вовсе не было нужды, однако я понял, почему ребята все же сделали это. Обстановка изменилась. Радикальным образом.

Я с разинутым ртом глядел на равнину. То есть какая там равнина – Дежагор окружала гладь озера, над ней кое-где торчали крохотными островками верхушки насыпей. На каждом таком островке ютилась горстка несчастных животных.

– Глубоко? – спросил я. – Мы сможем этих зверюг пустить на мясо?

Вряд ли южане, учитывая появление озера, будут мешать вылазкам.

– Пока что пять футов, – ответил Гоблин. – Я посылал людей промерить.

– А что, вода прибывает? Откуда она взялась? И где Тенекрут?

– Насчет Тенекрута не знаю, а вода – оттуда. – Гоблин показал пальцем. – Прибывает.

Глаза у меня неплохи. Я разглядел пену и брызги там, где вода вырывалась из кольца холмов.

– Там, помнится, был старый акведук, верно?

До войны фермы на холмах орошались двумя большими каналами, снабжавшими водой и акведуки Дежагора. Акведуки Отряд разрушил, когда город еще был в руках южан.

Сейчас город жил благодаря дождевой воде, а еще содержанию широких и глубоких непроточных водохранилищ, о которых мы тогда и знать не знали. Ох и воняла же тамошняя вода!

– Точно. Клетус и его братья полагают, что тенеземцы в прорытый ими канал завернули целую реку. С южной стороны – то же самое.

Дежагор расположен на равнине, что ниже земель за холмами. С запада и юго-востока от холмов – по небольшой реке.

– Значит, ребята обдумывают инженерный аспект?

– Ну да. А с ними три десятка таглиосцев, сведущих в этом деле.

– И до чего уже додумались?

– А что тебя интересует?

– Например, до каких пор будет подниматься вода. Мы утонем?

Если Тенекрут хочет именно этого, значит его образ мышления претерпел значительные перемены. Прежде Хозяин Теней хотел вернуть себе Дежагор в целостности и сохранности. Нынешнее же решение задачи куда более быстрое и практичное, хотя и губительное для его собственности, каковую, конечно же, он ценит выше, чем любое количество жизней.

– Как раз этим они сейчас и заняты.

– Гм... И что же, Тенекрут увел свою армию сразу после ухода Госпожи?

– Нет, – ответил Одноглазый. – Они здесь топчутся, купального сезона ждут. Хотя мы еще посмотрим, чего дождутся.

– А он не так глуп, как мы думали, – задумчиво произнес я.

– В смысле?

– Он затопил равнину, и даже если мы не утонем, ему уже не понадобятся люди, чтобы удерживать нас здесь. Ничто не мешает ему пуститься в погоню за Госпожой. Мы не сможем помочь ей, а она – нам. И не нужны подкрепления из Тене-земья. Ведь он не доверяет Длиннотени и не хочет иметь за спиной его войска.

Рядом возник Тай Дэй. Он завел манеру появляться вскоре после того, как я выхожу наружу. Лишнее подтверждение тому, что за нами внимательно наблюдают.

Впрочем, тут Глашатай просчитался. Тай Дэю не приходилось часто бегать к своим с отчетами. Слишком уж слабо он знал наши языки, чтобы быть хорошим шпионом. И тем не менее он всегда – всегда! – держался в нескольких шагах от меня.

На то должна быть причина, ведь Глашатай ничего не делает просто так. Видимо, мне не удалось как следует понять его видение мира.

Чем дальше взирал я на затопленную равнину, тем больше возникало вопросов, ответы на которые хотелось получить немедленно. Как высоко поднимется вода? Сколько времени

это займет? Подъем будет замедляться – каждый новый фут по вертикали требует большего объема воды по причине пологости холмов, увеличения поверхности испарения и площади почвы, впитывающей воду.

Я сказал Гоблину с Одноглазым:

– Разыщите в городе всех до одного грамотных и образованных и отправьте к братьям.

Я размышлял о том, как бы нам обзавестись лодками, надстроить башни и защитить склады. Думал о наших уютных просторных подземельях и о том, как морально подготовиться к более страшным лишениям, если хотим выжить. И вспомнил Кы Дама, его пророчество, что грядут суровые времена.

Тай Дэй подошел ко мне, когда никого не осталось поблизости:

– Дед будет беседовать с тобой. Скоро, как только возможно.

Его манеры были безупречны. Он ни разу не обозвал меня Каменным Солдатом.

Должно быть, старику что-то очень нужно от меня.

– Как скажешь.

Тут я заметил на стене, неподалеку от западных ворот, Синдху. Едва ли не кожей ощутил его взгляд.

– Одноглазый!

– Чего тебе?!

– Кончай отгавкиваться! Не то попрошу Тенекрута пре-

вратить тебя в собаку.

– Что-о?! – опешил колдун.

– Твои ребята следят за нашим гостем?

– Ну да. Ишак с Лошаком по очереди. Он пока ничего не делает. Шляется себе по городу, лясы точит. К таглиосцам заглядывал, и к Могабиным, и к нашим. Наши с ним дела иметь не захотели. Аль-Хульский отряд его даже мечами прогнал.

– О нем что-нибудь говорят?

Одноглазый покачал головой:

– Все та же старая песня. Пожалуй, даже хуже. Ты лучше никому не говори, что его присутствие здесь – твоя идея.

Слушавший нашу беседу Тай Дэй пробормотал что-то похожее на заклинание, подкрепив его жестом, отвращающим дурной глаз.

– Ух ты! – обрадовался Одноглазый. – Хоть чем-то их можно пронять!

– Я схожу послушаю, что скажет их главный. Остаешься за старшего – но только потому, что остальные тут заслуживают доверия еще меньше.

– Спасибо тебе, уважил старика. От таких слов на седьмое небо взлетаешь.

– Смотри не брякнись с седьмого неба до моего возвращения.

Головокружение началось в том же переулке, что и раньше – вчера, что ли? Я успел это запомнить, прежде чем надомной сомкнулась тьма. Однако на сей раз тьма была мягкой, вкрадчивой, она обволакивала, а не обрушивалась на голову кувалдой, как раньше.

Мысли смешались, но память запечатлела несколько мелких эпизодов – как я пребывал вне своего тела, а потом вернулся, стоило кому-то рядом что-то сказать.

В этот раз меня прихватило сильнее. На моем левом бицепсе сомкнулись пальцы Тай Дэя, но его слова были бессмысленными звуками. Свет померк. Колени сделались ватными. А после я не чувствовал ничего.

Там было светлее, чем в самый погожий день. Громадные зеркала улавливали солнечный свет и выплескивали его на высокого и тощего человека в черном. Он стоял на овеваемом ветром парапете, высоко над темной землей.

Донесся пронзительный крик. Издалека, с огромной высоты, к башне несся темный прямоугольник.

Тощий надвинул на лицо вычурную маску. Его дыхание участилось, словно для встречи с гостями этому человеку требовалось больше воздуха.

Новый крик.

– Однажды... – пробормотал тощий.

Потрепанный ковер приземлился неподалеку. Человек в маске оставался неподвижен, настороженно высматривая, нет ли близ ковра хоть намек на Тень. Ветер играл складками его балахона.

Ковер доставил на башню троих. Один был совсем невеличка; закутанный в темное, вонючее, проеденное плесенью тряпье, он непрестанно трясся и тоже носил маску. Гость не сдержал очередного вопля. Это был Ревун, один из самых старых и злобных колдунов в мире. Ковер был изготовлен им собственноручно. Тощий ненавидел Ревуна.

Тощий ненавидел всех. Разве что самого себя всего лишь недолюбливал. Очень ненадолго чудовищным усилием воли он мог подавить свою ненависть. Воля его была сильна – пока ему ничто не угрожало физически.

Тряпичный ком забулькал, заглушая крик.

Возле Ревуна на ковре сидел маленький, тощий, грязный человечек в ветхой набедренной повязке и давно не стиранном тюрбане. Он был напуган. Нарайян Сингх, живой святой культа обманников, был жив лишь благодаря заступничеству Ревуна.

Длиннотень ценил Сингха не дороже воловьей лепешки. Однако душа его мог пригодиться – у его культа длинные руки, умеющие убивать.

Впрочем, Сингх тоже не боготворил нового союзника.

За Сингхом восседало дитя, очаровательное маленькое

создание, хотя было оно даже грязнее, чем джамадар. Темно-карие глаза были огромны – не глаза, а окна в преисподнюю. Эти глаза знали все зло прошлого, наслаждались злом настоящего и предвкушали зло будущего.

Глаза ребенка встревожили даже Длиннотень.

То были водовороты мглы, затягивающие, гипнотизирующие...

В колене вдруг возникла острая боль и раскинула жгучие щупальца по всему телу. Я застонал и тряхнул головой. Вонь переулка проникла в сознание. Казалось, я ослеп – глаза после того ослепительного сияния не успели приспособиться к обычному свету. Руки, державшиеся за мое левое предплечье, потянули вверх, помогая встать. Взор начал проясняться.

Я поднял голову.

Тощий обернулся, испугав меня...

Этот страх удержался в памяти, хотя образ уже успел померкнуть. Я пытался вспомнить отчетливее, но боль в колене и бормотание Тай Дэя помешали сосредоточиться.

– Все нормально, – сказал я. – Только колено болит.

Я поднялся, но, едва сделал шаг, нога подломилась.

– Справлюсь, черт возьми!

Я оттолкнул руки Тай Дэя.

Образ сгинул окончательно, осталась лишь память об увиденном.

Может, и прошлый раз было то же? Картины стираются так быстро, что я не могу их воспроизвести? Связаны ли они как-то с реальностью? Смутно знакомые лица...

Нужно поговорить с Одноглазым и Гоблином. Они должны знать, что со мной происходит. Помнится, колдуны подрабатывали толкованием снов.

Едва мы вошли к Глашатаю, Тай Дэй затараторил. Слушая внука, Кы Дам задумчиво смотрел на меня, и его лицо все больше вытягивалось от удивления.

Вначале старик слушал Тай Дэя один, но постепенно из темных углов вылезли прочие, чтобы хорошенько меня рассмотреть. Первыми появились Хонь Трэй и Кы Гота. Старуха устроилась подле мужа.

– Надеюсь, ты не станешь возражать, – сказал Кы Дам. – Иногда ей удается слегка приподнять покров времени.

Гота молчала. Я заподозрил, что так бывает крайне редко.

Появилась и красавица, как всегда сразу занявшись чаем. Чаепитие у нюень бао – любимое занятие. Интересно, другие обязанности у нее в этом семействе есть?

Тот, в дальнем углу, сегодня не стонал и не охал. Может, уже оставил этот мир?

– Еще нет, – сказал Глашатай, заметив мой взгляд. – Но уже скоро.

И снова он почувствовал невысказанный вопрос.

– Мы исполняем свою часть брачного договора, пусть даже наш родич предал нас. И предстанем перед Судьями Вре-

мении с незапятнанной кармой.

Я хоть как-то понимал его только потому, что был слегка знаком с джайкурийскими текстами.

– Вы добрые люди.

Кы Дам был польщен:

– Некоторые могут с этим поспорить. Мы стараемся быть честными.

– Понимаю. У нас в Черном Отряде точно так же.

– И это правильно.

– Тай Дэй сказал, что ты хочешь со мной поговорить.

– Верно.

Некоторое время мы молчали. Я не сводил глаз с женщины, готовившей чай.

– Знаменосец...

– Нет, – сказал я тихо... а ведь хотел сказать про себя.

«Нет» значило, что я больше не провалюсь в ту мглу. Просто отвлекся на миг. С кем не бывает. Особенно когда перед тобой такая женщина.

– Спасибо, Глашатай. За то, что сегодня не называешь меня этими странными и неприятными кличками.

Я не удержался от соблазна намекнуть ему легкой ухмылкой, что догадываюсь, почему он старается не испортить мне настроение.

Он понял намек, что и подтвердил кивком.

Проклятье! Я уже и сам превращаюсь в старика. Мы что, так и будем тут сидеть, ухмыляться, хмыкать, кивать и устра-

ивать будущее мира?

– Спасибо, – сказал я красавице, поднесшей мне чашку.

Это удивило ее. Она взглянула мне в лицо, и настал мой черед удивляться: ее глаза были зелеными. Она не улыбнулась в ответ и вообще никак не показала, что моя благодарность для нее что-то значит.

– Любопытно, – сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Зеленые глаза...

После чего взял себя в руки и дождался, когда Глашатай отхлебнет чая и начнет кружить вокруг да около своего дела.

– Зеленые глаза, – сказал он, – крайне редки, у нюень бао они в большой цене. – Глашатай снова совершил ритуал отхлебывания. – Хонь Трэй может изредка заглядывать под покров времени, но ее видения не всегда истинны, не всегда ясны. А может, ей представляется еще не свершившееся. Поскольку она не находит знакомых лиц, трудно определить, когда произошло наблюдаемое событие.

– Вот как?

Женщина, о которой шла речь, сидела, опустив глаза долу, и медленно крутила нефритовый браслет, свободно висевший на узком запястье. Ее глаза тоже были зелены.

– Ей привиделся потоп. Мы решили, что это ложное пророчество, – нам не представить, откуда в Джайкуре возьмется столько воды.

– Но мы теперь посреди озера. Окружены самым широким в мире рвом. И тенеземцы нас больше не беспокоят.

Только через минуту старик сообразил, что я шучу.

– А-а, – протянул он, тогда как Хонь Трэй, первой оценившая мой юмор, подняла глаза и улыбнулась. – Понимаю. Да. Однако это на руку Хозяину Теней, но никак не нам. Попытка выйти из города потребует плотов и лодок. Их легко заметить издали, и они не вместят столько людей, сколько понадобится для прорыва.

Да этот старикан прямо-таки генерал...

– Все верно. Тенекрут нашел гениальное решение проблемы нехватки живой силы. Теперь он может потягаться с Госпожой, не опасаясь, что мы ударим в спину.

– Причина, по которой я пригласил тебя для разговора, заключается в том, что Хонь Трэй видела воду, стоявшую лишь на десять футов ниже верха стены.

– Но это же семьдесят футов глубины... – Я взглянул на старуху; та смотрела на меня изучающе, но без намека на любопытство. – Ерунда какая-то...

– Проблема не в этом.

– А в чем же?

– Мы пробовали сосчитать, сколько построек останется над поверхностью.

– А-а... Понял.

Дежагор тянулся вверх, как и все города, обнесенные стеной, но лишь немногие здания поднялись выше стены. И те, что пригодны для жилья, даже частично сгоревшие, не пустуют. Если город будет затоплен, население останется без

крыши над головой.

К счастью, Старая Команда заняла множество высоких зданий.

– Действительно «а-а». В этом квартале незатонувшего жилья хватит для нас, немногочисленных паломников, но в остальных придется плохо джайкури, как только черные люди и их солдаты поймут, сколько места им нужно.

– Да, это так.

Я на минуту задумался. Вообще-то, люди могут отсидеться на стене. Они не будут помехой для обороны.

И все же, что бы мы ни предприняли, жизнь превратится в сущий ад, если вода поднимется так высоко.

– Похоже, мы стоим перед выбором?

– Возможно, этот выбор куда важнее, чем тебе кажется.

– Поясни.

– Если не начать приготовления немедленно, многие полезные дела так и останутся несделанными. Но если сказать об этом Могабе, скорее всего, сильный оберет слабых, обрекая их на страдания. Ему теперь не нужно сдерживаться – штурм больше не грозит городу.

– Понимаю.

Я уже предвидел разграбление складов и захват жилья, не обреченного на затопление. Однако не подумал о том, что Тенекрут, облегчив себе жизнь, заодно развязал руки Могабе и теперь тот сможет уладить наш внутренний конфликт так, как сочтет нужным.

– У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Я хотел бы рассмотреть возможность временного союза. Который будет действовать вплоть до освобождения Джайкура.

– А Хонь Трэй видела это освобождение?

– Нет.

Меня объяло отчаяние – такое горькое, что я даже сам удивился.

– Она не видела ничего. Ни освобождения, ни гибели.

На душе стало легче. Самую малость.

– Я не желал брать на себя никаких обязательств, – признался Кы Дам. – Идея принадлежит Сари. – Он указал на прелестную подавальщицу чая. – Она доверяет тебе без объяснимых причин, но тем не менее ее доводы разумны.

Хонь Трэй заметно смутилась. Что-то в устремленном на меня взгляде намекало: она увидела больше, чем рассказала.

Меня передернуло.

– Занимая традиционную для нюень бао позицию и полагаясь лишь на себя, мы лишимся последней надежды, – продолжал Кы Дам. – То же будет и с вами, если Мобаба сочтет, что больше не нуждается в ваших мечтах.

Я не отрываясь глядел на красавицу, хоть это и было невежливо. Она зарделась и от этого стала такой привлекательной, что я даже ахнул. Такое чувство, будто мы вместе прожили несколько жизней.

Что за?.. Не бывало со мной такого. Мне давно не шест-

надцать лет... Да и в шестнадцать я ничего подобного не переживал.

Моя душа настойчиво твердила, что я знаю эту женщину так, как еще никто никогда никого не знал. Хотя на самом деле мне было известно лишь ее имя, произнесенное Кы Дамом в прошлый мой визит.

Было в ней что-то такое... Нет, она не просто ожившая мечта. Когда-то, где-то была в моей жизни похожая на нее женщина...

И тут пришла тьма.

Она навалилась так внезапно и была такой непроглядной, что я даже не успел понять, затягивает она меня или я сам уношусь вдаль...

Во тьме я провел без сновидений очень долгий срок. И все это время я не был собой, не ощущал тепла и холода, не испытывал боли и страха. Я пребывал там, откуда не захочет вернуться ни одна измученная душа. Но какая-то булавка проколола тьму, в отверстие проник тончайший луч света и коснулся моих воображаемых глаз.

Движение.

Бросок к светящейся точке. Она в тот же миг расширилась, и открылся проход в мир времени, материи и боли.

Я вспомнил, кто я. И зашатался под невероятной тяжестью сонма воспоминаний, разом всплывших в сознании.

Ко мне обращался голос, но я не разобрал ни слова. Я летел осенним листом сквозь золотые пещеры, где у стен сидели застывшие во времени старцы, бессмертные, но не способные пошевелить даже бровью. Кое-кто из этих безумцев был окутан колдовскими белыми нитями, словно тысяча зимних пауков ткала здесь ледяные тенета. На сводах пещер вырос сказочный лес из сосулук.

– Иди же!

Зов силен – не слабее удара молнии.

Меня окутала мгла. Я понесся прочь, снова перестав быть собой. И все же, прежде чем исчезнуть из этой пещеры, я ощутил чье-то присутствие – и удивление, и тревогу, и же-

ление понять, кто посмел нарушить покой.

Каким-то образом я попал туда, где не жалуют смертных, – и все же ушел живым.

Память улетучилась. Но боль сопровождала меня на всем пути.

И снова свет в темноте. И снова я постепенно становлюсь собой, хоть и безымянным. Я попятился от света. Туда, где светло, идти не хотелось. Там плохо. А боль может и подождать...

Однако нечто, скрытое глубоко под моей поверхностью, устремилось к этому свету – так тонущий рвется к спасительному воздуху.

Я вспомнил, что у меня есть тело. Я чувствовал мускулы – напряженные, иные до судорог. Болело пересохшее горло. – Глашатай... – прохрипел я.

Кто-то шевельнулся, но не ответил. Я обмяк в кресле.

В жилище нюень бао не было никакой мебели, да и само-то оно было чуть просторней собачьей будки. Может, они меня вернули к нашим?

Собравшись с силами, я приоткрыл глаз.

Что за чертовщина? Где я? В подземелье? В пыточной? Может, это Могаба похитил меня?

Напротив, к такому же креслу, как и мое, был привязан маленький, тощий таглиосец, и еще один человек распластан на столе.

Да это же Копченый! Таглиосский придворный колдун!

Я привстал. Это оказалось больно. Очень. Пленник насто-роженно наблюдал за мной.

– Где я?

Его тревога удвоилась. Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в пыльной, почти пустой палате, и стены ответили на мой вопрос. Я в Таглиосе, в княжеском дворце. Такого камня нет больше нигде.

И как же я здесь очутился?

Видели, как по стене стекает краска? Вот точно так же было с реальностью. Прямо перед моими глазами она текла, рябилась, капала. Тот, в кресле, взвизгнул. И что же такое он увидел? Или что вообразил об увиденном?

Реальный мир утек прочь, оставив меня в каком-то сером месте, полном воспоминаний о том, чего я никогда не видал и не переживал. Затем все как-то упорядочилось, и вскоре я оказался в палате, где-то во дворце Трого Таглиоса. Копченый как ни в чем не бывало лежал на своем столе, дышал медленно и неглубоко. Обманник был на месте. Он заслужил свирепый взгляд – слишком уж вспотел. Не иначе, что-то замыслил.

Глаза у него были выпучены. Что же он видел, глядя на меня со стороны?

Я встал, сообразив, что очнулся после очередного припадка. Однако рядом не было никого, кто мог бы вытащить меня из тьмы: ни Костоправа, ни Одноглазого.

В глубинах памяти копошились слабые воспоминания. Я отчаянно пытался ухватить хоть одно, способное послужить зацепкой. Какие-то пещеры... песнь Тени... пробуждение в

далеком прошлом – и все же лишь мигом раньше настоящего...

Я здорово ослаб. Утомительное это дело... И жажда сделалась вовсе невыносимой.

Ну, это было поправимо. На столе, подле головы Копченого, стояли кувшин и металлическая кружка. Под кружкой обнаружился клочок бумаги, оторванный от целого листа. На нем убористым почерком Костоправа было написано:

«Мурген, в этот раз нянчиться с тобой нет времени. Если очнешься сам, выпей воды. В ящике – пища. Я или Одноглазый навестим тебя, как только сможем.

Клочок, похоже, был оторван от запроса на поставки. Старик ни за что бы не потратил чистую бумагу. Она слишком дорога.

Я открыл ящик, стоявший по другую сторону головы Копченого. Он был полон тяжелых пресных лепешек вроде тех, что печет моя теща, невзирая на все мольбы прекратить. Так и есть! При ближайшем рассмотрении я понял, что их просто не мог испечь кто-либо другой. Если останусь жив, Старик получит хорошего пинка под зад.

Р. S. Проверь веревки душилы. Он разок едва не удрал».

Так вот что делал обманник, когда я очухался! Хотел выкрутиться из веревок, убить нас со стариной Копченым и сбежать...

Я хлебнул воды. Обманник взглянул на кувшин с вождением, которое при всем желании не смог бы скрыть.

– Глотнуть хочешь? – спросил я. – Это запросто. Только расскажи, что вы готовите в Таглиосе.

Однако он еще не дозрел до продажи души за чашку воды. Я с волчьим аппетитом съел лепешку матушки Готы и вскоре почувствовал, как возвращаются силы.

– Давай-ка привяжем тебя как следует, – сказал я соседу. – Не хотелось бы, чтобы ты пошел гулять да заблудился.

Пока я затягивал веревки, душа молча пялился на меня. И без слов было понятно, что у него на уме.

– Теперь ты знаешь, как опасно связываться с плохими мальчишками? – спросил я.

Он не стал спорить, но и согласия не выразил. Какая жалость. Ведь для него «плохой мальчишка» – это я, поскольку не горю желанием вернуть Кину в наш мир. Я потрепал его по макушке:

– Может, ты и прав, брат. Но я надеюсь, что нет. Ну все, отдыхай.

Встряхнув холстину, я накрыл ею пленника, выпил еще воды, съел еще лепешку и, приободрившись, решил вернуться домой. Ведь я уже целую вечность не видел жены, хотя, конечно, это субъективная оценка, – на самом деле прошло несколько часов.

Я пошел к выходу из дворца – и заблудился.

Ну конечно, это должно было случиться. Мое будущее «я» больше ничего не помнило – лишь то, что я заблужусь и в конце концов попаду туда, куда попасть не стремился. Все это я вспомнил сразу после того, как сообразил, что понятия не имею, как добраться до знакомых мест. Я остановился, чтобы оценить положение.

В тот момент у меня имелось достаточно свежих воспоминаний Мургенов из других времен, и я был готов поверить в любое из них, пусть даже никак не связанное с событийным контекстом.

Воспоминания о том, что я должен заблудиться, имели волнующий привкус внезапного открытия и мощные обертоны боли. Их отголоски подсказывали мне, что я не желал найти путь наружу.

Через некоторое время, упорствуя в поисках выхода, я набрел на мрачный коридор, где как будто стоял запах старого колдовства. В нескольких ярдах от меня на одной петле висела расколота дверь.

Открытие манило. Я безбоязненно устремился вперед.

С первого взгляда я понял, что набрел на тайную библиотеку Копченого, где были собраны – и спрятаны подальше от глаз братьев Черного Отряда – уцелевшие списки с первых томов Анналов.

Мне безумно хотелось их прочесть. Но не ради же этого я сюда пришел... Нет времени отделять злаки от плевел, которыми набита сотня-другая книг. Я должен вернуться к семье.

Я храбро продолжил путь... вот только куда? Кружилась голова. Я решил идти по собственным следам. Пожалуй, следовало подождать в компании Копченого, пока не вернется Старик или Одноглазый. Им ничего не стоит вытащить меня, и вдобавок, быть может, они объяснят, почему мне не хотелось уходить, – сам я этого вспомнить не могу.

До Копченого я добрался быстро, ни разу не ошибившись с поворотом. Быть может, в этой части дворца сплетена паутина чар и чужому не пройти лабиринт коридоров без благословения Одноглазого? Вполне возможно, что все пути ведут в одно и то же место. А может, и наружу, если только ты начал путь не вместе с Копченым.

Меня бы это не удивило, хоть я и не знал, достаточно ли у Одноглазого для такого чуда колдовских сил и способностей. Также я не удивлюсь, если выяснится, что он, расставляя свои запутки, напрочь забыл о том, что мне как-то нужно будет их миновать.

Обманник вертелся в своих веревках ужом – ступал я мягко, и он не сразу ощутил мое присутствие. Ощутив, замер. Надо отдать должное его упорству.

Я расположился в свободном кресле и настроился ждать, однако никто не шел. Казалось, миновали часы, хотя, возможно, это было лишь несколько долгих минут. Я встал и

походил взад-вперед. Затем поистязал душу, но только зря испортил себе настроение. Укрыв его холстиной, я вернулся в кресло и взглянул на Копченого.

В голову лезли мысли о Черном Отряде, о выпавших на его долю злоключениях. И тут я вспомнил, на что способен Копченый.

А почему бы нет? Так, чтобы время убить. Только куда податься? На что поглядеть?

Может, снова навестить нашего злейшего врага?

На этот раз вышло легко. Ничего такого. Просто закрыл глаза – и погрузился в грезы.

Конечно, было и нежелание уноситься вдаль – уж слишком много времени провел я за гранью нормального, причем не по своей охоте. Зачем усугублять весь этот чертов сумбур поиском приключений на собственную задницу?

Едва ли не с хлопком я возник около Вершины и повис в воздухе. Безумный чародей Длиннотень стоял на верхушке одной из высоких башен, залитый светом зеркал. До него было меньше десяти футов.

Я оторопел – он смотрел прямо на меня.

Точнее, сквозь меня.

За ним в карикатурной позе стоял этот гад Нарайян Сингх, а рядом малышка Костоправа, брэнное тело Кины, Дщерь Ночи, Предреченная, предтеча обманниковского Года Черепов, на исходе которого пробудится их богиня. Сингх ни на миг не спускал глаз с ребенка.

Сингх был опасным орудием, однако Длиннотень нуждался в любом союзнике, добровольно присоединившемся к нему.

А против Черного Отряда пожелали пойти очень немногие.

Из люка появился мужской силуэт. В сиянии, окружавшем безумного колдуна, терялся цвет кожи пришедшего, но я знал, что он черный. Был мужчина высок и строен, обладал гибкостью и ловкостью пантеры. Хоть я и видел перед собой Могабу, самого опасного из генералов Хозяина Теней, никакой ненависти не испытывал – все эмоции блекли в царстве Копченого.

Пожалуй, Длиннотень принял к себе Могабу не столько из-за его боевых качеств, сколько потому, что ему можно было доверять. Бежать этому парню некуда, на всех дорогах выставлены заслоны Отряда.

Никак не могу понять, отчего Костоправ так снисходителен к Могабе. Черт возьми, Старик находит ему оправдания и даже жалеет о нем! Вражду с Ножом небось принимает куда как ближе к сердцу.

– Ревун принес новости, – сказал Могаба. – Наш план рухнул.

– Знаю, – буркнул Длиннотень. – Мои маленькие Тени все еще приносят пользу. Помнится, я предупреждал, что они быстро все выяснят. Как считаешь, что помогло этой женщине вновь обрести могущество? Ведь сама природа магии от-

дает Сеньяк на милость любого, знающего ее Истинное Имя.

Я чувствовал, что он действительно хочет узнать, почему Ревун до сих пор жив, ведь Госпоже, сохранившей в целости свои древние темные знания и восстановившей былые силы, ничего не стоит расправиться с изменником. Длиннотень смотрел на мир сквозь линзу паранойи.

Мне и самому было интересно, откуда взялись силы у Госпожи. Костоправ полагал, что это как-то связано с пересечением экватора, но мне его довод не показался серьезным. Одноглазый с Гоблином не предложили толковой версии, а сама Госпожа просто отказывалась об этом говорить. Поди угадай, как бы она объяснила свое чудесное исцеление. Приставать к ней с расспросами никто не пытался. С такими, как Госпожа, лучше не портить отношения. Иначе она найдет способ испортить тебе жизнь.

– Никак не думаю, – сказал Могаба. – Я не разбираюсь в таких вещах. – Он во многих вещах не разбирался, включая и все местные языки. С Длиннотенью говорил на несколько улучшившемся, однако все еще ломаном таглиосском. – Может, она Имя сменила?

А разве это осуществимо?

Должно быть, Могаба пытался пошутить, но Длиннотень задумался над его словами, как будто в них содержался некий субъективный смысл.

Через несколько мгновений Хозяин Теней обратился к Сингху:

– Обманник! Зачем ты здесь? Для каких махинаций понадобился Ревуну?

– Черный Отряд напал на них в священной роще, – отвечал за Сингха Могаба. – И перебил всех, кроме него и девочки. Твои тенеплеты едва успели перед смертью позвать Ревуна. Он нашел этих двоих, спрятавшихся в нескольких милях от рощи, и унес из-под носа у преследователей.

Так, понятно: это происходит вскоре после нашего рейда. Услышанное удивило меня – я-то думал, Нарайян получил предупреждение от Хозяина Теней... Как же он избежал сонных чар?

Я заметил, что упоминание о тенеплетах не пришлось Длиннотени по вкусу. Вот сейчас начнется очередной припадок с пеной у рта...

Этими загадочными коротышками он не разбрасывался, очень уж долго приходилось их натаскивать. И с тех пор как на юг пришел Черный Отряд, тенеплетов изрядно ubyло.

Длиннотень глубоко вздохнул, задержал дыхание и обуздал ярость:

– Моя ошибка. Не стоило посылать их туда. Но как удалось врагам выбрать столь выгодный момент для нападения?

Никто не отважился высказать предположение, что мы способны в любой момент заглянуть ему через плечо.

– Плохо, – заключил Длиннотень. – С каждым днем их ресурсы растут, а наши истощаются. – Он вперил взгляд в Сингха. – Что проку нам в обманниках?

– Это наши глаза и уши, – отвечал Могаба. – А вскоре они начнут убивать на выбор. Судя по всему, противник ничего не знает об этом плане. Если покушения пройдут успешно, операция будет сравнима с выигранным сражением.

Могаба взглянул на Сингха, призывая высказаться, но тот удержал язык за зубами.

– К сожалению, – продолжал Могаба, – доставляемые обманниками сведения с каждым разом все менее достоверны. Противник весьма преуспел в деле уничтожения их культа.

Остальные продолжали хранить молчание.

Могаба продолжал:

– Госпожа с Костоправом очень рьяно взялись за шпионов. Уверен, скоро они сделают свой главный ход.

– Сейчас зима, – возразил Длиннотень. – Моим врагам спешить некуда. Они намерены заклевать меня до смерти. Сколько бы войск ни набрал этот так называемый Освободитель, сколько бы оружия ни запас, ему все будет мало.

Тут он, пожалуй, прав: Капитан слишком увлекся накоплением сил.

Подавив рвущийся из горла крик, к компании присоединился Ревун:

– Рабочие команды противника вымостили дорогу, связывающую Таглиос со Штормгардом. Почти закончена такая же дорога между Штормгардом и Тенесветом.

Тенесвет стоит в самой густонаселенной и богатой части Тенеземья, почти в ее центре. Раньше там правил Тенекрут.

Номинально город с окрестностями оставался подвассален Длиннотени. Однако нашим солдатам никто не мешал тянуть к нему дорогу.

Я даже недоумевал. Для стратегических замыслов Костоправа такая дорога не требовалась. Он не намеревался осаждать Тенесвет. Это далеко, и у нас бы там увязло слишком много людей.

Могаба помрачнел:

– Нас теснят повсюду. Что ни день, то сдача еще одного города или деревни. Во многих местах население прекратило сопротивляться. Наивно надеяться, что Костоправа с Госпожой остановит время года.

Длиннотень обратил свою жуткую маску к Могабе, и тот содрогнулся.

– И что же ты сделал, генерал, чтобы затруднить им проведение крупной кампании?

За пределами своей страны армия живет на подножном корме. Провизией и фуражом надолго не запасешься.

– Очень немногое, – ответил Могаба, не выказывая ни малейшего раскаяния. – Я выполнял приказы. И наши враги, безусловно, были осведомлены об их содержании.

– Что?! – вспыхнул Длиннотень.

– Они рассчитывали, что я не сдвинусь с места. – Могаба снова взглянул на Сингха, и тот неохотно кивнул. – Построили свою стратегию на том, что я буду защищать определенный пункт. Твой приказ не позволил мне сделать так, чтобы

им пришлось дробить силы, отражая атаки со всех возможных направлений. Нож не станет в одиночку тупить свой меч. Деревни сдаются, потому что знают: помощи не будет. Я могу перебить этих глупцов по отдельности и довольно быстро, но для этого необходимо тайно от противника изменить стратегию.

«Ну, тайно вряд ли получится», – подумал я, радуясь тому, что у нас есть Копченый.

– Нет! – Затрясшись, Длиннотень с заметным усилием повернулся к югу и устремил взор на равнину из сияющего камня. – Мы обсудим военные вопросы наедине, генерал.

Ревун испустил ужасный вопль, граничивший с насмешкой. Сингх, едва ли не вниз головой, нырнул в люк, ведущий на винтовую лестницу. Его презрение к господину было очевидным для всех, кроме самого Длиннотени – хотя тому, похоже, было все равно. В его глазах этот душила лишь самую малость превосходил полезного муравья. Да и все мы были для колдуна чем-то вроде докучливой мошкары.

Последней, смерив Длиннотень холодным взглядом, ушла девочка. Ее глаза казались древними и недобрыми, словно само время. Жуткое создание, что ни говори.

Интересно, что подумал Старик, когда увидел ее? Если вообще осмелился посмотреть.

– Они думают, я сам не ведаю, что творю, – сказал Длиннотень.

– Мои войска потеряли все завоеванное, – ответил Мога-

ба. – А теперь они теряют и боевой дух.

– Наверное, так и есть. Но в каком бы направлении ты ни атаковал, это лишит тебя моей защиты. После гибели товарищей мне уже не дотянуться так далеко, как прежде. Рискнул бы ты встретиться с вражеским колдовством без моей поддержки?

Мобаба хмыкнул, глядя на сияющее плато.

– Ты считаешь меня трусом, генерал, потому что я не склонен недооценивать эту угрозу?

– Это действительно серьезная угроза. И я высоко ценю твою помощь. Тем не менее я могу сделать немало. Нож, которому ты позволил частные операции, одержал громкие победы. Он неоднократно доказывал, что таглиосцы теряются, если ударить в слабое место.

– Ты доверяешь Ножу?

– Больше, чем прочим. Ему, как и мне, некуда бежать. Однако полностью я не доверяю никому. Особенно нашим союзникам. И Ревуна, и обманника привели к нам отнюдь не симпатии.

– И то верно. – Длиннотень, похоже, смягчился. – Я должен объясниться, генерал.

Удивление Мобабы ясно показывало, что это из ряда вон выходящий случай.

– Плато вовсе не держит меня взаперти. Я могу ненадолго покинуть Вершину и при необходимости это сделаю. Охрана Врат Теней свежа, сильна и надежна, и я ее полностью

контролирую. Но если решу выбраться отсюда, мне придется действовать тайно.

Могаба снова хмыкнул.

– А здесь я пребываю постоянно лишь потому, что в игре есть участники, которые не любят находиться на виду.

Могаба нахмурился. Я тоже не понял.

– Ревун принадлежит к клану, некогда известному как Десятеро Взятых.

– Я знаю.

– Грозотень тоже прошла эту школу рабства. Ее соученицей была сестра Сеньяк, носившая прозвище Душелов.

– Вроде мы с ней встречались.

– Да. При Штурмгарде. Она тебя там изрядно оконфузила. На самом деле это была Госпожа. Или нет?

Могаба кивнул. Удивительно. Похоже, с годами он научился держать норы в узде.

– Несколько лет тому назад мы с Ревуном допустили промашку. Мы захватили Душелов, будучи уверены, что это ее сестра. Она в то время изображала из себя Сеньяк, так что обознаться было несложно. В суматохе, поднявшейся позже, ей удалось бежать. И хотя обращались мы с ней без жестокости, она почему-то держит на нас зуб. И с тех пор вредит нам и ждет возможности нанести мощный удар.

– Думаешь, в твое отсутствие она может посетить Вершину и оставить дверь незапертой?

– Верно.

Ха! Трудненько представить взломщика, которому удастся проникнуть в эту невероятную крепость.

Могаба вздохнул:

– Значит, нравится мне это или нет, все решится на равнине Чарандапраш.

– Да. И ты победишь?

– Конечно. – Самоуверенности Могаба не растерял. – Если Костоправ не изжил своего порока, имя которому – мягкость.

– Как понимать тебя?

– Он прячет лицо под сотней масок. Мягкость может оказаться одной из них.

– Значит, ты равнодушен к этому человеку, хоть и желаешь избавиться от него?

– Мы ведем игру с его войсками, не атакуя слабых мест. Даем ему время на раздумья, планирование и маневры. Значит, ему нет нужды действовать изощренно и скрытно. Его дивизии повсеместно продвигаются вперед. В пограничных землях Черного Отряда боятся сильнее, чем тебя. По жестокости эта война не идет ни в какое сравнение с той, что Костоправ вел против Сингха и его культа. Насколько я помню, тогда он брал пленных и мог даже помиловать душилу, согласившегося отречься от своей веры.

«Ну да, как же», – усмехнулся я. Но сразу вспомнил, что однажды Капитан действительно кого-то пощадил.

– Возможно, это Сеньяк решила дать наглядный урок.

– Да, возможно. У нее крутой нрав. Но ее влиянием не объяснить попытки Костоправа поймать Ножа, которые обошлись в семь тысяч жизней.

Что-что? Это новость...

– Нож его предал.

– Как и я. Но я принадлежал Отряду, а Нож – всего-навсего искатель приключений, в число братьев он не входил. И за мной Костоправ так не охотился. Война с Ножом – его личная война.

История с Ножом, его вознесением и бегством, ошеломила уйму народу, а особенно его дружков Корди и Лебеда. Меня тоже можно внести на одно из первых мест в этом списке. Ходили слухи, что Костоправ вдруг обнаружил нечто серьезное между Ножом и Госпожой. В общем, что бы то ни было, Нож владел его помыслами наравне с душой Сингхом.

Госпожа его вендетте не мешала. Но и не помогала.

– Тебя это тревожит?

– Не понимаю я Костоправа. В некоторых отношениях он становится опасно непредсказуем. И одновременно превращается в верховного жреца, чья религия – легенда о Черном Отряде. Он не признает никаких богов, кроме своих драгоценных Анналов.

Ну, это неправда. Старик, наоборот, с каждым днем теряет к этой легенде интерес. Однако я простил Могабе гиперболу: он пытался в чем-то убедить Длиннотень.

– Я боюсь, – продолжал Могаба, – не стал ли он слишком

коварен, не применит ли нечто новое, чего мы не поймем, пока не будет слишком поздно.

– Что бы он ни применил, он движется навстречу поражению.

– Да, он придет... Но так ли уж неизбежно его поражение?

Я понял, что обоих мучают сомнения – по большей части друг в друге.

– Ты снова и снова возвращаешься к моим запретам. Прократи. Боишься его?

– Не то слово. Даже сильнее, чем Госпожу. Эта женщина откровенна в своей враждебности. Она устремляется вперед со всем, что имеет в наличии. А Костоправ скажет: «Смотри! Птичка!» – и вонзит нож в спину. Он тоже бросит против нас все свои войска, но как он это сделает? Костоправа нельзя назвать человеком чести.

Нет, Могаба не упрекал Старика в подлости, но хотел сказать, что Костоправ не рыцарь в том смысле, какой придает этому слову он сам.

– Его рассудок расстроен. Я уверен, Костоправ порой сам не ведает, что творит. На склоне лет он повидал такое, о чем не сказано в его Анналах.

Снова врешь, скотина. За четыреста лет в Анналах накопилась уйма примеров на любые случаи жизни. Вот только не всякий умеет их находить.

– Он не всемогущ, генерал.

– Конечно. Таглиосцы ненадежны, они грызутся между

собой.

– И это может стать причиной его падения. Политически у него нет иного выбора, кроме как попытаться счастья на Чарандапраше. Где мы и сокрушим его.

– И что, если это удастся? Надо подумать о том, как избавить мир от чумы по имени Черный Отряд.

– О чем ты?

– Даже победы в генеральном сражении будет недостаточно. Если хоть один из них выживет и сохранит Копье Страсти, против нас поднимутся новые армии. Госпожа доказала это.

– Тогда ты получишь приятную возможность сокрушить их снова.

Могаба хотел было возразить, но предпочел не сотрясать зря воздух.

– Как только Вершина будет достроена, ты сможешь пускаться в любые авантюры – с моего одобрения и при полной моей поддержке.

– Какие авантюры?

– Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь. Ты был величайшим воином в Гиэ-Ксле, но никак не мог в этом убедиться. В Черном Отряде тебе пришлось держаться в тени Капитана и Сеньяк. Так и не получив шанса возвыситься там, ты перешел ко мне.

Могаба кивнул. Он не выглядел довольным собой, и это меня удивило. Я считал его слишком эгоистичным для ка-

ких-либо сомнений этического характера.

– Иди, мой генерал. Завоевывай мир. Я охотно помогу тебе. Но вначале сокруши Черный Отряд. Останови таглиосцев. Мое падение оставит тебя ни с чем. От душилы действительно может быть прок?

– Да. Он много говорит об участии своей богини, но на это я не рассчитываю. Никогда не видел, чтобы боги принимали чью-то сторону в борьбе смертных.

Странно. Ведь богиня Нарайяна также и богиня Могабы. Может, он разуверился? Может, Дежагор и его напугал до глубины души?

– Так одолей же их. Не оставляй никого, кто смог бы помешать впоследствии.

Я всегда воображал себе Хозяина Теней таким громадным, зловонным воплощением дьявола, величественным, колоритным безумцем наподобие Взятых, колдунов севера. Но Длиннотень оказался всего лишь злобным стариком, которому досталось избыточное могущество.

– Если уж грядет Год Черепов, – сказал Длиннотень, – нужно, чтобы он стал нашим годом. А не их.

– Я понимаю. Что думаешь о ребенке?

Длиннотень неуверенно хмыкнул:

– Жутковата, верно? Как будто ей тысяча лет. Уменьшенная копия матери, только хуже. В ней больше злобы и Тьмы.

Пожалуй, он был прав. Перед моим призрачным взором ребенок уж точно представал крайне загадочным и недоб-

рым.

– Возможно, придется подтолкнуть ее в объятия богини, – задумчиво пробормотал Длиннотень.

Пожав плечами, Могаба повернулся к выходу:

– Хочешь ли ты еще с кем-нибудь поговорить наедине?

– С Ревуном... Стой!

– Что?

– Где это Копье Страсти?

– Там же, где и Костоправ, наверное. Или – где знаменосец. Знаменосцем у них, скорее всего, по-прежнему этот змей Мурген.

Ничего, Могаба, я тоже тебя люблю.

– Мы должны завладеть Копьем. Справятся ли обманники? Даже уничтожения Черного Отряда может быть недостаточно на нашем долгом пути. И еще задание для души: пусть выяснят, для чего Сеньяк запаслась бамбуком.

– Бамбуком?

Что это, эхо?

– Она месяцами грабила таглиосские земли. И всюду, где рос бамбук, солдаты вырубали его подчистую.

Любопытно. Я выясню.

Некоторое время я плыл следом за Могабой. Едва вернувшись на винтовую лестницу, он пробормотал:

– Бамбук... Ну и безумец...

Я попытался продвинуться южнее Вершины, однако

очень скоро Копченый заупрямился. Ну, нет так нет.

Пожалуй, я даже раньше, чем самому бы хотелось, выясню, что там происходит. Когда уладим дела с Длиннотенью и минуем крепость, следующим препятствием на пути в Хатовар станет эта равнина.

Я вернулся в палату, к Копченому и к нашему вонючему душиле. Страшно хотелось есть и пить, но я едва осознавал это – меня трясло от возбуждения. Конечно, разведал я немного, но – боги мои! – каковы возможности!..

Напившись из кувшина, я откашлялся и приподнял край холста:

– Как делишки? Может, пить хочешь? Или побеседовать? Он спал.

– Ладно, продолжай.

Что же дальше? Помощь не подошла. Я заморил червячка зуболомной лепешкой матушки Готы. Большого мне в тот момент не требовалось.

Что предпринять? Путешествовать с Копченым, пока кому-нибудь не понадобится? Повидать Госпожу? Взглянуть на Гоблина? Поохотиться за Ножом? А может, выяснить, где прячется Душелов? Мы с ней давненько не сталкивались, но она должна быть где-то поблизости. Любого из братьев Отряда, куда бы он ни направился, сопровождает стая ворон.

Душелов терпелива. И это самая опасная черта ее характера.

Я наслаждался богатством выбора, точно мальчишка в кондитерской лавке.

И в конце концов решил поискать Душелов. Она была ста-

рейшей из тянувшихся за Отрядом тайн.

Копченный взял с места в карьер, но тут же остановился. Чем сильнее я понукал его, тем больше беспокоилась его душа, или ка, или что бы то ни было...

– Ладно. Все равно от нее всегда бед столько, что не мне с ними справляться. Идем поищем ее беспутную сестрицу.

Зато Копченого Госпожа ничуть не страшила.

Я нашел ее в дежагорской цитадели, в зале совещаний. Она и четверо мужчин склонились над картой. Обозначенная на бумаге граница лежала гораздо южнее Дежагора. Прежние пограничные линии тоже присутствовали на карте, помеченные датами.

Госпоже явно не помешала бы новая карта. На старой уж и места живого не осталось. Слишком много было выиграно стычек.

Госпожа прекрасна, даже когда она только что вышла из боя. Рядом со Стариком выглядит слишком молодой, хотя она много старше Одноглазого. Еще бы – тот никогда не практиковал магии, возвращающей молодость.

Двое из тех, что вместе с ней разглядывали карту, были нашими, нарами из Гиэ-Ксле. Нары теперь при всяком удобном случае показывают миру, что Могаба со своими предателями – выродки, да проклянут их боги. Но меня нельзя этим обмануть, Госпожу со Стариком – также. Мы знаем, что Могаба оставил кое-кого в наших рядах. Костоправ однажды

сказал мне: «Вот увидишь, что пальцем кто-то начал показывать, это и будет изменник».

Третьим был Прабриндра Дра, правящий князь всего Таглиоса. Для таглиосца он держался крайне скромно, скромней бывают только мертвецы. Последние четыре года он провел в изучении искусства войны и теперь командовал целой дивизией, правым крылом армии. Госпожа со Стариком положили уйму сил, чтобы втиснуть князя в жесткие рамки военной машины, и в его интересах было удерживаться в этих рамках.

Последним был этот невероятный Плетеный Лебедь. Стоило мне сосредоточиться на нем, Копченый пришел в возбуждение, и это означало, что его разум в какой-то плоскости бодрствует. В свое время они с Лебедем ладили не лучше, чем крыса с мышью.

Теперь Лебедь – капитан отряда тронной гвардии, приписанного к Дежагору.

Случайно став солдатом, он не пожелал стать героем. Его гвардейцы не принадлежали к армии и большей частью выполняли функции военной полиции. Тронная гвардия присягала князю и его сестре.

– Ревун отказался от налетов на аванпосты, – сказала Госпожа.

– Ты говорила, что он неглуп, – кивнул Лебедь.

– В тот раз я его упустила, но подобралась очень близко. Это его напугало.

– Наши набег, должно быть, их серьезно тревожат, – заметил один из наров.

– Они и меня тревожат, Иси. И все-таки я разрешаю их... – Госпожа поежилась.

– От них есть польза.

– Не сомневаюсь.

– Но одобрил бы их Освободитель? – спросил князь.

Сияющие белизной зубы Госпожи, даже слишком, на мой взгляд, совершенные, обнажились в улыбке. Она рано постигла тайны косметической волшебства.

– Конечно нет. Но он не станет вмешиваться. Здесь командую я, полагаясь на собственный опыт.

– Спустит ли Длиннотень на нас Могабу? – осведомился князь.

Нары насторожились. Могаба, отрекшийся от древних идеалов, – их позор. Не говоря уже о том, что биться он будет как дьявол.

– Вы взяли пленных? – спросил Лебедь.

– Да. Но то, что им известно, можно поместить в наперсток, и еще в нем останется место для аистинного гнезда. Это простые пехотинцы; никто из офицеров не подсаживался к их костерку и не делился военными тайнами.

Лебедь глазел на Госпожу, а ее взгляд блуждал по комнате. Он видел женщину пяти с половиной футов ростом и весом сто десять фунтов, голубоглазую, великолепно сложенную. Для здешних краев она была высокой. С виду ей нельзя было

дать и двадцати лет.

Старая черная магия... Лебедь был виден насквозь.

Госпожа холодна, жестока, предана идее. Это меч, обладающий собственной волей. Но парни, похоже, не могут ничего с собой поделывать. Началось это со Старика, и парад продолжается. Ножу дорого обошелся любовный пыл.

Что бы ни было у Госпожи с Ножом, я уверен: она полностью принадлежит Капитану. Но Костоправ принял случившееся слишком близко к сердцу, заставил хорошего человека переметнуться к врагу и сделался едва ли не холодней самой Госпожи. Теперь это живой бог войны; когда он рывкает, подскакивают даже князь и Радиша.

Госпожа поинтересовалась, чего Ревун мог добиваться, атакуя аванпосты. Лебедь выпалил то же самое, что говорил Бадья:

– Хочет перебить людей из Черного Отряда. Это очевидно.

– Иси, а ты что скажешь?

– Могаба не желает драться ни с кем, кроме равных себе, – ответил нар. – И Длиннотень хочет убрать таких, чтобы легче было управлять Могабиной одержимостью. А может, просто досаждают нам, провоцируя на решающую битву.

Князь кивнул каким-то своим мыслям. Теперь и он глядел на Госпожу с тем же блеском в глазах.

Может, это и есть роковая привлекательность зла?

– Вероятно, он хочет выманить Костоправа на передний

край.

Сколько же раз за века своей жизни Госпожа стояла вот так, готовая пройти по враждебной земле огнем и мечом?

– Штаб нужно переместить ближе к полю боя, – заговорила она. – Иначе будет затруднена связь. Лебедь, подай вон ту карту.

Лебедь сдернул нужную карту с доски, заваленной магическими снастями. Его осторожность показывала, что в этих вещах он ничего не смыслит, да и не желает с ними знакомиться.

На карте были изображены земли дальнего юга. Громадное белое пятно обозначало Шиндай-Кус, пустыню. Снизу от пустыни лежало другое белое пятно, с надписью «Океан».

От Шиндай-Куса к востоку, сворачивая затем на север, тянулись горы, наиболее известные как Данда-Преш. По мере приближения к таглиосским землям эти хребты, служившие их естественной восточной границей, вздымались все выше и круче. Местные названия массива менялись очень часто. К востоку от Шиндай-Куса горы считались непроходимыми, за исключением перевала близ Чарандапраша.

Тенелов и Вершина лежали по ту сторону гор. Армия Могабы, словно пробка, затыкала дорогу на юг. Среди солдат, когда офицеры не слышат, уже черт знает сколько времени ходят слухи о том, как нас расколошматят, если рискнем прорываться через Могабу.

Снаружи, должно быть, раздался шум, так как Лебедь бро-

сился к окну.

– Гонец, – объявил он.

Я не мог слышать, что происходило за стенами зала, и, даже выглянув в окно, не увидел ничего, кроме сплошной серости. Странно.

Госпожа отпихнула Лебеда локтем:

– Добрыми новости быть не могут. Тащи его сюда, пока не наболтал лишнего.

Лебедь вернулся быстро.

– Не так уж они и плохи, – сообщил он. – Похоже, громадная толпа шадаритских и веднаитских фанатиков пустилась в погоню за Ножом – и поймала, на свою беду.

Что? Какие же это новости? Я в курсе, и Длиннотень тоже... Ну конечно! У Госпожи нет под рукой Копченого или горластого дружка с летучим ковром. Да и я-то узнал лишь недавно. Просто далеко тогда был, потому и кажется, что давно.

– Что ты лопочешь?

– Нож истребил больше пяти тысяч суеверных олухов, пытавшихся его покарать за преступления против веры.

Нож был весьма суров по отношению к храмам и жрецам, когда мог себе это позволить.

Такое отношение к религии – одна из важных причин его бегства. Он нажил уйму заклятых врагов в лице таглиосского жречества еще до того, как рассорился со Стариком. Весь благочестивый люд счел его выпадение из фавора благосло-

вением Небес.

Я понимал: втайне жрецы только и ждут, когда же боги ниспошлют им шанс расправиться с нами.

– Пять тысяч?

– Может, и больше. Может, и все семь.

– И они действовали на свой страх и риск? Как это могло произойти?

Ни правящей фамилии, ни нам не нравилось, что большие группы вооруженных людей шатаются по округе и борются со злом, считая лишним ставить нас в известность.

– Вон! Все – вон! Вернетесь через два часа.

Оставшись в одиночестве, Госпожа пробормотала:

– Чертов Костоправ... – И сгребла со стола магические принадлежности. – Совсем из ума выжил.

Я уже знал, что в путешествиях с Копченым нужно очень сильно сосредотачиваться. Когда уходишь в себя, время несется мимо.

Фрагменты происходившего со мной поступали беспорядочно, и я уже отчаялся сложить их в единую картину.

Осознание этого и вызванный осознанием ужас вернули меня в настоящее, на то место, откуда я наблюдал, когда нечаянно отвлекся. Казалось, прошло несколько часов.

Но Госпожа все так же ворчала насчет Старика:

– Что на него нашло? Как мог он поверить этим чертовым слухам?

Госпожа изволила гневаться. С помощью какого-то волшебного шара она взглянула на далекое поле завершившейся битвы, и результаты резни рассердили ее еще больше.

– Проклятый глупец!

Это было крупнейшее поражение таглиосской армии со времен Дежагора.

Из потайного ящика стола она достала кусок черной ткани. Я удивился, даром что внимательно прочел ее том Анналов. Это был шелковый румел высокой ступени посвящения.

Она занялась упражнениями со смертоносным платком.

Возможно, это помогало ей успокоиться. Расстраивалась она и оттого, что ей чего-то недоставало. Прежде рядом был Капитан...

Это всего лишь намек тебе, дамочка, подумал я. В следующий раз он вообще всех изничтожит.

Платок в ее руках так и мелькал. Здорово получается. Интересно, есть здесь какая-нибудь связь с Киной?

Может, именно возможность такой связи и пугала Косто-права?

Не просто же так они зовутся обманниками...

Успокоившись, Госпожа послала за своими штабистами. Как только те собрались, она сказала:

– После битвы остались выжившие. Некоторые все еще там, хоронят погибших. Изловите-ка мне парочку.

Ни Костоправ, ни Одноглазый так и не пришли в потайную палату. Даже Радиша не возвращалась пытать пленника. И разбудить меня было некому.

Вернулся я едва ли осознанно, – наверное, просто тело призвало назад. Отсутствовал долго – куда дольше моего субъективного времени, проведенного в прошлом. Должно быть, путь туда гораздо длиннее, чем кажется.

Желудок даже не урчал – ревом ревел. Но булыжники ма-тушки Готы кончились.

Душила успел снова сбросить холстину. Он смотрел на меня злющими глазами – похоже, занимался тут чем-то предосудительным.

Я пригляделся: оказывается, ему удалось высвободить одну руку.

– Плохой мальчишка.

Я сделал долгий глоток из кувшина и снова привязал пленника. Стоит ли вновь рискнуть и поискать дорогу в этом лабиринте, чтобы добраться до убийственной стряпни ма-тушки Готы? Или остаться и еще поглядеть мир глазами Копченого, пока не явится помощь?

– Воды...

– Ну уж нет, брат. Пока не скажешь, что готовят твои приятели...

В животе снова заурчало.

Душила не отвечал. Хоть его тело и ослабло, воля осталась тверда. словно кто-то, несмотря на мое присутствие, приходил его подкармливать.

Однако час уже поздний. Может, матушка Гота завалилась спать и поесть мне даст Сари? Она готовит не так, будто мстит смертельным врагам.

Подойдя к дверям, я остановился, раздумывая. Можно ли отыскать дорогу? Скажем, отпечатки ног на пыльном полу... Не получится – темно. В этой части дворца ходят редко, в коридорах не зажигают шандалов или факелов. Единственный источник света – лампа в палате за моей спиной. Разве что дожждаться утра, когда солнечный свет проникнет сквозь щели в крыше и немногочисленные окна.

Я оглянулся на лампу. Горела она долго, и некому было долить масла. Прежде чем что-то предпринимать, следует заправить ее...

Откуда-то издалека, обогнув сотню углов и миновав сотню гулких залов, донесся лязг. Меня, несмотря на таглиоскую влажную жару, пробрал холод.

– Воды...

– Заткнись.

Я отыскал бутылку со светильным маслом и, напрягая слух, заправил лампу. Лязг не повторялся.

Снова накрывать душила не понадобилось. Взглянув на него, я обнаружил, что смертельно бледная физиономия рас-

тянута в ухмылке.

В ухмылке смерти.

Расплескав масло, я рванул прочь из палаты.

И снова заблудился. Почти сразу.

Заблудиться во дворце – вовсе не повод для паники. Хотя разочарование было сильным.

Вы можете решить, что мои действия и мысли были небезупречны с точки зрения здравого смысла. Верно; я и сам так считаю.

Первое правило: не сворачивай в коридоры пыльнее того, по которому топаешь. Второе: категорически запрети себе попытки срезать путь там, где это вроде бы возможно. Двинув напрямик, не придешь, куда тебе нужно.

И третье правило, самое главное: не давай воли чувствам. Особенно разочарованию.

Этот дворец – единственное в мире здание, где можно, войдя в дверь, оказаться на другом этаже. По собственному горькому опыту знаю. И это не магия каких-нибудь эльфов. Просто дворец – жуткая мешанина пристроек, добавлявшихся веками и к тому же расположенных на очень неровной земле.

Нетерпение дошло до того, что я отважился на шаг, по сути, пораженческий. Я решил спуститься на нижний этаж, отыскать одну из тысячи задних дверей, которые открываются лишь изнутри, и выбраться на улицу. Там я пойму, где нахожусь, и вдоль стены дойду до входа, которым пользовался регулярно. А уж оттуда можно идти прямо домой.

В сей полуночный час во дворце стояла непроглядная тьма. В этом я убедился после того, как, спускаясь по лестнице, споткнулся и уронил лампу.

Она, конечно же, разбилась. Некоторое время света внизу было больше чем нужно, но вскоре он погас.

Ох-хо-хо... Дверь на улицу там обязательно должна быть. Винтовая лестница идет вниз вдоль наружной стены – в этом я, прежде чем ею воспользоваться, убедился, высунувшись в окно.

Спускаться по древней винтовой лестнице нелегко, особенно если нет перил, да еще не видно, куда ступаешь. Однако я справился и даже ничего не сломал, хотя пару раз поскользнулся и перенес долгий приступ головокружения, проходя сквозь клубы масляного дыма.

Наконец лестница кончилась, и я принялся шарить в поисках двери. Внезапная мысль заставила нахмуриться. Что я делаю?.. И чтобы найти ответ, пришлось покопаться в голове.

Обнаружив дверь, я почувствовал близость свободы. Удалось нащупать даже старинный деревянный засов, чего я и вовсе не ожидал.

Рванув засов, я толкнул дверь. Та распахнулась наружу. Неверно ты, Мурген, решил задачу...

Ничто не шелохнется в той неподвижности, лишь дрогнет порой дымка в лучах света, пробивающихся сквозь врата

сна. Тогда Тени отсиживаются в укромных уголках. И так, в едва уловимых биениях сердца Тьмы, протекает их жизнь.

Огромный деревянный трон стоит на возвышении в середине палаты, и столь обширна та палата, что лишь само солнце в силах осветить ее целиком. На троне, окутанная вуалью теней, распята фигура; ее руки и ноги пробиты серебряными кинжалами. Порой едва слышно вздыхает она во сне – то дурные сновидения проникают сквозь незрячие глаза..

Таков ее способ выживания.

В ночи, когда ветер не прорывается в палату сквозь неостекленные окна, не гарцует по опустевшим коридорам и не шепчется с мириадами ползучих Теней, крепость наполняется безмолвием камня.

Ни воли.

Ни личности.

Домой, в обитель боли...

А вот и ты! Где тебя носило? Добро пожаловать в...
...обитель боли?

Обитель боли...

Я навещал ее, но не помню ни дороги туда, ни самого визита.

Я стоял на четвереньках посреди полуразобранной мостовой. Ладони и колени болели. Я поднес руку к глазам. Она была расцарапана. Из десятка ссадин сочилась кровь. Мозг словно окоченел. Оторвав от мостовой другую руку, я принялся вытаскивать из ладоней крошки камня.

В полусотне ярдов от меня оливково замерцала стена здания. Вывалился круг кладки, и из темноты появились темные же силуэты. Вооруженные люди полезли наружу. Изнутри донеслись лязг и крики. Я встал и побрел к отверстию, испытывая смутный интерес к происходящему, но не зная отчего, – никаких определенных мыслей не возникло.

– Эй! – Из дыры в стене на меня уставилась черная фигура. – Мурген, это ты?

Я продолжал идти, хотя дико кружилась голова. Меня занесло вправо, я наткнулся на стену и сумел наконец чуть сориентироваться. Словно пьяный, я развернулся, удерживаясь одной рукой.

– Вот он! – Силуэт указал на меня.

– Свечка?

– Ага. Как ты? Что с тобой сделали?

Болело понемногу, но – везде. Словно все тело истыкали-изрезали, да еще и обожгли.

– Кто? Никто со мной ничего не... – Или как? – Где я? Когда?

– Чего?

Из-за дыры в стене высунулся человек. Его лицо было замотано платком, виднелись лишь глаза. Мельком взглянув на меня, он нырнул обратно. За стеной кто-то закричал.

На улицу выскакивали люди. Некоторые держали в руках окровавленное оружие. Лица были скрыты под масками. Двое подхватили меня под руки и поволокли прочь.

Мы неслись по темным улицам ночного города. На заданные мной вопросы никто не ответил, так что некоторое время я совершенно не представлял себе, где нахожусь. Затем мы миновали открытое пространство, и по пути я углядел дежагорскую цитадель.

Это послужило ответом на первоочередные вопросы.

Но тут же возникла уйма новых. Мы вне части города, принадлежащей Отряду? Как я здесь оказался? Почему ничего не помню? Не забыл лишь, что гостил у Кы Дама, втайне вождедея его внучку...

Спутники сняли с головы маски и тряпки. То были свои, братья Отряда. Да еще дядюшка Дой с парой нюень бао. Мы как раз сворачивали в проулок, ведущий к их кварталу.

– Не так быстро... – выдохнул я. – Что происходит?

– Кто-то тебя украл, – объяснил Свечка. – Мы поначалу

на Могабу грешили.

– Как?

– Тенекрут увел свою армию в погоню за Госпожой. Если пожелаем, можем отправляться на все четыре. Мы думали, ему понадобился заложник.

Мне не верилось, что Тенекрут просто так взял и убрался.

– Дядюшка Дой... Последнее, что я помню, – как чаевничал с Глашатаем.

– Ты тогда повел себя странно, Каменный Солдат.

Я зарычал, но он и бровью не повел.

– Глашатай решил, что ты пришел уже пьяным. И велел Тай Дэю отвести тебя домой. В пути на Тай Дэя напали. Ты был обузой, он не мог защищаться. Он был сильно избит, но сумел добраться домой и рассказать о случившемся. Твои друзья отправились на поиски, едва мы сообщили им. – Судя по тону, дядюшка сомневался, что стоило это делать. – Пожалуй, они сноровистее, чем кажутся. Тебя нашли быстро – и не в цитадели, где бы ты оказался, будучи захвачен Могабой.

– Как я прошел через весь город?

Я поморщился. Вдобавок ко всем прочим напастям, голова трещала, словно с похмелья. Какой гадостью меня напичкали?

И снова никто не ответил.

– Ночь все та же?

– Да. Но она уже на исходе.

– И это точно не Могабиных рук дело?

– Нет. Наров там не оказалось. Больше того, вскоре кто-то напал и на Мобабу. Похоже, с целью убийства.

– Джайкури?

Многие местные хотели бы избавиться от проблемы, уничтожив ее источник.

– Возможно.

Но это прозвучало неуверенно. Надо бы взять пленных.

– Где Одноглазый?

Кроме него, некому было вырвать из стены кусок.

– Тылы прикрывает, – ответил Свечка.

– Хорошо.

Я почти вернулся в норму. То есть мысли смешались окончательно. Кто бы ни похитил меня, ему пришлось постараться, чтобы пройти через кварталы нюень бао незамеченным.

Дядюшка Дой угадал, о чем я думаю:

– Нам неизвестно, как злоумышленники смогли подстеречь тебя и подобраться вплотную к Мобабе. Тем четверым это стоило крови.

– Мобаба их прикончил?

– По всем свидетельствам, то была великая битва. Четверо против одного.

– Неплохо для Мобабы. Ну, он тоже заслужил чуточку радости в жизни.

Мы добрались до здания, скрывавшего штаб-квартиру

Отряда. Я пригласил всех внутрь. Ребята принялись разжигать очаг, а я, дождавшись появления Одноглазого, предложил ему принести пива – его тут, по слухам, море разливанное, а нам не мешало бы промочить горло.

Ворча, он удалился и вскоре вернулся вместе с Гоблином, таща бочонок.

– За мой счет, – объявил я.

Одноглазый взвыл.

Раздевшись, я улегся на стол:

– Как я выгляжу, Одноглазый?

Он ответил таким тоном, словно глупее вопроса быть не могло:

– Как любой после пыток. Ты совсем не помнишь, как оказался на улице?

– Думаю, они услышали, что вы идете, и выпихнули меня наружу, чтобы отвлечь вас на время.

– Не вышло. Повернись-ка на бок.

Я заметил человека в дверях:

– Заходи, заходи. Пивка с нами выпьешь.

К нам присоединился Синдху. Кружку он принял, но чувствовал себя крайне неудобно.

Я отметил, как внимательно наблюдает за ним дядюшка Дой.

Все та же богатая на приключения ночь. По-прежнему мои мысли пребывали в беспорядке, ушибы и ссадины ныли, а силы были до крайности истощены. И все же я, обвязавшись веревкой, был готов спуститься со стены.

– Нары точно не видят нас с надвратной башни?

– Щенок, черт тебя дерит, ты спустишься, наконец? Брюзжишь пуще своей тещи.

Одноглазый имел право судить – он общался с моей тещей не раз.

Я двинулся вниз. И зачем я поддался на уговоры Гоблина с Одноглазым?

Двое таглиосских солдат, ждавших внизу, помогли взойти на грубо сколоченный плот.

– Глубина? – спросил я.

– Семь футов, – ответил тот, что повыше. – Можно на шестицах пройти.

Веревка задергалась; я придержал ее. Вскоре на плоту появился Синдху. Ему, кроме меня, не помог никто. Таглиосцы его присутствия словно не замечали. Я три раза дернул веревку, сообщая наверх, что мы отправляемся:

– Тронулись.

Таглиосцы были из добровольцев, и выбрали их потому, что они успели хорошо отдохнуть. Эти парни были рады по-

кинуть город и в то же время опечалены – ведь придется возвращаться.

Переправу они считали разведкой: если сумеем добраться до холмов, миновать южан и вернуться, завтра ночью на ту сторону отправится целый флот.

Только вернемся ли? Если Тенекрутовы люди не перехватят. Еще надо отыскать Госпожу, о какой части нашей миссии солдаты не подозревали.

Взяли мы с собой и Синдху. Кы Дам решил, что убрать его из города – хорошая идея. Самого Синдху никто не спрашивал. Таглиосцы должны были охранять меня, прикрывая тылы. Дядюшка Дой хотел отправиться с нами, однако Глашатая уломать не смог.

Переправа прошла без происшествий. Едва ступив на сушу, я извлек из кармана зеленую деревянную коробочку и выпустил из нее мотылька. Тот, вернувшись к Гоблину, возвестит о нашем благополучном прибытии.

Были у меня и другие коробочки, разных цветов, и во всех сидели мотыльки – их надлежало выпускать, сообразуясь с обстановкой.

Едва мы добрались до распадка между холмами, Синдху тихо вызвался идти первым.

– Я опытен в таких делах, – объяснил он.

Через несколько минут я в этом убедился. Двигался он осторожно и совершенно беззвучно.

Я тоже старался, но у меня получалось хуже. А таглиосцы

могли бы еще и коровьи колокольцы на шею повесить.

Вскоре Синдху еле слышно предупредил об опасности. Мы замерли. Южане протопали мимо ярдах в двадцати от нас. Я уловил обрывок беседы, из которого понял, что теплое одеяло у костерка для них предпочтительнее ночного патрулирования в холмах. Удивительно. Почему-то всегда кажется, что в чужой армии все иначе.

Часом позже мы встретили еще один патруль. Эти тенеземцы тоже прошли мимо, не заметив нас.

Мы пересекли кольцо холмов, когда восток уже залился огнем, что улучшало обзор и уменьшало риск быть замеченными.

– Необходимо найти укрытие, – сказал Синдху.

Обычная практика на вражеской территории. И трудностей это не составило. Овражек неподалеку густо зарос кустарником, там можно прятаться, пока помнишь, что не стоит надевать на ночь оранжевую пижаму.

Я захрапел, едва вытянулся на земле. И никуда не унесся.

Разбудил меня запах дыма. Я сел. В тот же миг поднялся и Синдху. Я обнаружил ворону, разглядывавшую меня с расстояния столь близкого, что пришлось скосить глаза к носу, чтобы увидеть ее четко. Таглиосец, который должен был стоять на часах, дрых без задних ног. Для хорошо отдохнувшего это уж слишком. Но я ничего не сказал. Синдху тоже хранил молчание.

Через несколько мгновений мои опасения подтвердились.

Кто-то закричал на языке южан. Ему ответили. Вороны залились хохотом.

– Они знают, что мы здесь? – прошептал Синдху.

Казалось, ему трудно в это поверить.

Я поднял палец, требуя полной тишины, напряг слух и разобрал несколько слов.

– Они знают, что тут кто-то есть. Кто именно, не знают. Недовольны, что нас нельзя просто прирезать. Хозяину Те-ней нужны пленные.

– Может, выманивают?

– Им неизвестно, понимает ли кто-нибудь из нас их язык.

Белая ворона, сидевшая рядом, каркнула и захлопала крыльями, пробиваясь наверх сквозь ветви. К ней присоединилось еще десятка два.

– Если не сможем уйти, сдадимся. – Синдху печально вздохнул. – Драться нельзя.

Меня тоже не переполняла радость. Равно как и таглиосцев.

Уйти нам не удалось. Вороны всласть повеселились, наблюдая наши тщетные старания.

Лагерь Хозяина Теней стоял где-то к северу от Дежагора. Мы оказались в плену одними из первых, но вскоре к нам присоединились другие. Многим людям Могабы не терпелось покинуть город.

Зато ему полегчало с прокормом оставшихся.

Больше никто из наших не попался, – видимо, Гоблин с Одноглазым крепко держали их в узде.

Мотыльков я не посылал; стало быть, братьям известно, что вместо Госпожи я отыскал кучу неприятностей на свою голову.

Даже наша охрана ведать не ведала, зачем мы понадобились Тенекруту. Может, и к лучшему, что мы этого не знали.

С поросятами, откармливаемыми к столу, и то обращались лучше, чем с нами. Пленные все прибывали. Еда была незавидная, после нескольких кормежек у всех открылся сильнейший понос. Отхожих мест не было. Даже простых сточных канав. И выкопать самим не позволяли. Наверное, не хотели создавать нам слишком уж комфортабельных условий.

Впрочем, житье наше было немногим хуже, чем у солдат Тенекрута. У них ничего не осталось, и будущее им благ не сулило. Несмотря на репутацию Хозяина Теней, они разбежались толпами. Оставшиеся ненавидели его за то, что довел

их до плачевного состояния. И злость вымещали на нас.

Не знаю, сколько времени мы там провели. Потерял счет дням. Был занят, стараясь не умереть от дизентерии. Только однажды заметил нечто необычное, а именно отсутствие ворон. До того к ним привык, что спохватился, только когда они дружно пропали.

Меня носило туда-сюда. Я выдержал множество приступов. И это совершенно истощило мой дух, тогда как тело изошло на кровавый понос.

Эх, поспать бы спокойно...

Меня разбудил Синдху. Я съежился от его прикосновения – пальцы были холодны, как у ящерицы. Из всех находившихся в загоне он знал только меня и потому хотел поддерживать приятельские отношения. Он подал кружку воды. Хорошая жестяная кружка; интересно, где раздобыл?

– Пей, – сказал он. – Чистая.

Пленные вокруг нас лежали в грязи, непрестанно ворочаясь в беспокойном сне. Кто-то вскрикнул.

– Что-то созревает, – продолжал Синдху.

– Что?

– Я чувствую дыхание богини.

Тут и я на миг почуял нечто помимо вони испражнений, немых тел и мертвечины.

– О! – шепнул Синдху. – Вот оно...

Я взглянул, куда он указывал.

«Оно» происходило в большом шатре, принадлежавшем

Хозяину Теней. В воздухе вспыхнули огни дивного цвета.

– Наверное, готовит для наших что-то особое...

Может быть, выследил Госпожу?

Синдху фыркнул. Похоже, ему местные условия шли только на пользу.

Сполохи сверкали довольно долго, но не привлекли ничего внимания. У меня возникли подозрения. На мне по-прежнему лежит Гоблиново заклятье от сонных чар. Значит?..

Я подполз к ограде и, не получив древком копья, понял: лагерь вправду зачарован.

Вода, принесенная Синдху, придала мне сил и заставила мозги ворочаться быстрее. Очевидно, теперь, когда никто не мешает, самое время прекратить злоупотребление Тенекрутовым гостеприимством. Я начал протискиваться между шестью ограда.

Желудок протестующе заурчал. Ничего, потерплю. Синдху вцепился в мою руку. Хватка у парня оказалась железной.

– Подожди.

Что за черт? Ладно, жду. Рука-то – одна из моих любимых. Не хотелось бы лишиться ее общества.

Громадный желток луны выполз на небо с востока. Синдху, не отпуская меня, глядел в сторону большого шатра.

Откуда-то с высоты донесся пронзительный вопль.

– Твою мамашу! – пробормотал я. – Только не это...

Удивленный Синдху отпустил меня и уставился в небо.

– Ревун, – пояснил я. – Плохо дело. Тенекруту стоит у него поучиться лютости.

Тут откинулся полог Тенекрутова шатра и наружу хлынули люди. Некоторых я узнал – как не узнать буйную русую шевелюру Лебедея или Госпожу, держащую за пархатые патлы отсеченную голову? В шаге позади нее блестела в лунном свете эбеново-черная кожа Ножа. Прочие были мне незнакомы.

Сонные чары, наведенные на скорую руку, рассеялись. Южане вскакивали на ноги, спрашивали друг у друга, что стряслось. Едва они нашарили свое оружие и доспехи, залязгало железо.

Один из спутников Госпожи, здоровенный шадарит, заревел, приказывая пасть ниц перед истинной Дщерью Тьмы.

Синдху хмыкнул. Похоже, ничем этого парня не проймешь. Все слопают, не подавившись.

Он более не держал меня, однако для бегства не оставалось ни сил, ни желания.

Госпоже с ее отчаянной шайкой удалось добиться своего. Наглость – второе счастье. Проникнув в лагерь, они убили Тенекрута, а будучи окружены, внушили южанам, что их борьба обречена и по этой причине не стоит рыпаться. Я не присутствовал при беседе: кишки одержали верх над любопытностью.

Наши бывшие стражи решили выслужиться перед Госпожой и повели к ней пленников.

Нож узнал нас, едва мы покинули загон.

С виду он вполне мог сойти за нара – высокий, черный, мускулистый, без единой унции жира. Немногословен, однако выглядит внушительно.

Его происхождение было неясным. Он пришел в Таглиос с Плетеным Лебедем и Корди Мэзером, спасшими его от крокодилов где-то в семи тысячах миль к северу от таглиосской границы. Одно все знали наверняка, да и сам Нож не скрывал своей ненависти к жрецам – всем вместе и каждому в отдельности, вне зависимости от их конфессий. Было дело, я считал парня атеистом, отвергающим саму идею насчет богов и веры, но потом убедился, что его ненависть распространяется лишь на служителей культа религии. Наверное, это коренилось в его прошлом.

Но теперь это не важно.

Нож забрал нас с Синдху у охраны:

– Ох и запашок от тебя, знаменосец.

– Так позови служанок, пусть приготовят ванну.

Я и вспомнить не мог, когда в последний раз мылся. В Дежагоре воды на подобное баловство не имелось.

Теперь-то, конечно, можно плескаться сколько хочешь, вот только грязновата эта водица.

Нож снабдил нас чистой одеждой, реквизированной у южных офицеров, дал возможность помыться и отвел к малоопытным полевым лекарям, которых Костоправ набрал для таглиосских войск. О том, как лечить свистуху, они знали еще меньше моего.

Госпожа приняла нас лишь днем. Ей уже сообщили, что пленные – беглецы из города.

– Почему ты дезертировал, Мурген? – резко спросила она.

– Я не дезертировал. Мы решили, что кто-то должен пойти и разыскать тебя. Этим кем-то и посчастливилось стать мне.

Она в скверном настроении и, похоже, сама чем-то хворает, значит шутки в сторону.

– Одноглазый с Гоблином посчитали меня единственным достойным доверия и способным пробраться через вражеские посты. Сами они уйти не могли. Ну а я не справился.

– Зачем вообще понадобилось посылать ко мне?

– Могаба вообразил себя живым богом. Мы окружены водой, южанам к городу не подступиться, и теперь Могабе нет

нужды уживаться с теми, кто не во всем с ним согласен.

– Чернокожие уверены, что служат богине, Госпожа, – сказал Синдху. – Но их ересь нелепа. Они даже хуже неверующих.

Я наострил уши. Может, узнаю побольше о его единоверцах? Не все мне с ними понятно. В частности, надо бы выяснить, не они ли похитили меня и пытались убить Могабу.

Однако я не мог представить, для чего им это могло понадобиться.

Синдху переговорил с Госпожой. Его ответы на ее вопросы ничего мне не сказали.

Один раз Госпожа прервала допрос из-за тошноты. Маленький тощий старикашка по имени Нарайян, вертевшийся поблизости, отчего-то несказанно обрадовался этому. Кстати, Синдху оказывал старикашке заметное почтение.

Их присутствие мне не нравилось. То небольшое, что я знал об их культуре, убеждало: мне не хочется, чтобы они влияли на моих начальников.

Допрос завершился. Дружки Ножа отвели меня к Лебедю с Мэзером. Это означало, что можно наконец поговорить на нормальном языке. Однако вскоре я почувствовал себя всеми забытым.

– Что дальше будем делать? – спросил я.

– Не знаю, – ответил Лебедь. – Мы с Корди просто таскаемся за ее светлостью и делаем вид, что вовсе не следим за ней по поручению Прабриндра Дра с Радишей.

– Делаете вид?

– Что толку от соглядатая, который каждой собаке известен? Хотя это в основном заботы Корди. Из нас двоих он с Бабой в ладушки играет.

– То есть это не просто сплетни? Он вправду путается с Радишей?

– Что, трудно поверить? Да, рожа у нее... Эй, Корди! Где картишки? Тут объявился лопух, который возомнил, что умеет играть в тонк.

– Возомнил? Лебедь, сядешь со мной играть – решишь, что это я тонк изобрел.

Мэзер был довольно скромным парнем порядочного роста, с имбирно-рыжими волосами и на общем фоне выделялся лишь тем, что был белым в стране, где разве что гаремных девочек с рождения прячут от солнца.

– Опять у Лебеда словесное недержание? – спросил он.

– Да похоже на то. Я, между прочим, на тонке карьеру сделал. Если не можешь обыграть бродячего шулера, рискуешь вылететь из Отряда.

Мэзер пожал плечами:

– Ну, этак ты живо Лебеда без штанов оставишь. Вот колода, сдавай. А я схожу узнаю: может, и могучий генерал Нож захочет с нами посидеть.

– Отсюда ему Госпожу не увидеть, – проворчал Лебедь.

Ну да, известное дело – зелен виноград.

Усмешка Мэзера подтвердила мою догадку.

– Да что в ней такого? – спросил я. – Каждый, кто хоть пять минут возле нее покрутится, тут же слюни пустит, язык вывалит и все вокруг перестанет замечать. Вот я сколько лет был с нею рядом, знаю, что все у нее на месте, лучше и не бывает, однако не помню, чтобы хоть разок возбудился. Да и как ни крути, она не просто баба, а Госпожа и жена Старика.

Ну, последнее не совсем верно: через меч перелезть никто из них так и не удосужился.

Лебедь стасовал колоду:

– Снимешь?

Сниму. Всегда снимаю. Одноглазый приучил.

– Неужели и вправду никаких чувств? – спросил Лебедь. – Стоит ей мимо пройти, и у меня в башке все кувыркком. А раз она теперь вдова...

– Не думаю.

– Что?

– Какая же она вдова? Костоправ-то жив.

– Ч-черт, и тут не везет... А хочешь, сложим колоду так, чтобы Корди решил, что выиграл, и разденем его?

Стоило мне покачать головой, и Лебедь пожелал узнать, почему я считаю, что Костоправ жив. Некоторое время я уклонялся от определенного ответа, и тут вернулся Мэзер:

– Нож занят – ищет позицию, с которой удобней рассматривать нашу колдунью. Лебедь, ты небось опять колоду зарядил? Нет? Баловство это пустое; пересдай.

– Учитесь, слабаки, – проворчал я. – Смотрите. – У меня

на руках были два туза, пара двоек и тройка. Автоматический выигрыш; такой расклад почти не бьется. – И ведь совершенно честно.

– Не важно, – хихикнул Лебедь. – Все равно бы ты ничего не смог сделать.

– Это точно. Почему бы вам, ребята, не навестить Дежагор? Я вас пивом угощу, Одноглазый там варку наладил.

– Ха! Конкуренция?

Лебедь с Мэзером, едва прибыв в Таглиос, занялись пивоварением. Потом они это дело оставили. Одной из причин было то, что жрецы всех конфессий запретили пастве употребление спиртного.

– Это вряд ли. Его пиво только тем хорошо, что по шарам дает.

– То же было и с нашим, – сказал Мэзер. – Дорогой мой папаня, пивовар, в гробу переворачивался всякий раз, когда мы закупоривали новый бочонок.

– Однако впрок мы пиво никогда не запасали, – возразил Лебедь. – Едва оно созревало, мы снимали пену и все выливали в таглиосские глотки. Ты, Мурген, не очень-то верь насчет дорогого папани. Старый Мэзер был податным чиновником, да таким тупым, что даже mzды не брал.

– Заткнись и сдавай. – Мэзер сгреб свои карты. – Домашнее-то он варил. А вот Лебедев родитель вообще был подручным каменщика.

– Зато красавцем и популярным любовником. И я унасле-

довал его лучшие черты.

– Ты скорее в мамашу пошел. Если чего-нибудь со своей шевелюрой не сделаешь, тебя скоро в гарем затащат.

Такими дружелюбными я этих парней раньше не видел. Однако слишком расслабляться в теплой компании не стоит – это не Отряд. Поэтому я молча сосредоточился на игре; пусть рассказывают, как жили, прежде чем всё бросили и пустились по свету скитаться.

– А ты, Мурген? – спросил Лебедь, заметив, что выигрываю я куда чаще, чем проигрываю. – Сам-то откуда родом?

Я рассказал, как рос на ферме. В моей жизни не было ничего интересного, пока я не решил, что мне осточертело крестьянствовать. Тогда я записался в одну из армий Госпожи, понял, что и там мне не нравится, дезертировал и вступил в Черный Отряд, где только и смог отделаться от разыскивавших меня профосов.

– Жалел когда-нибудь, что ушел из дома? – спросил Мэзер.

– Каждый божий день. Каждый... Выращивать картошку скучно и утомительно, зато она не норовит пырнуть тебя ножиком. Дома я не голодал, жил в тепле, да и помещик нас не прижимал особо. Он, прежде чем взять что причитается, всегда глядел, хватит ли арендаторам на зиму... Да и жил-то немногим лучше нашего. А магию мы видели только ту, что бродячие фокусники на ярмарке показывают.

– Так чего ж не вернешься домой?

– Не могу.

– Если держаться с оглядкой, не рядиться богато и никого не задирать, можно почти везде пройти без проблем. Мы же прошли.

– Не могу, потому как дома-то больше нет. Через пару лет после моего ухода там побывала армия мятежников.

А после них – Отряд, по дороге из какого-то мерзкого места в другое, тоже не обещавшее радостей. Вся империя была превращена в пустыню во имя свободы от тирании Госпожи...

Госпожа прислала за мной только через шесть дней. За это время я излечился от поноса и малость отъелся, заново набрав несколько фунтов, но все же выглядел так, словно из ада сбежал. А впрочем, почему «словно»?

Госпожа тоже выглядела не шикарно. Утомленная, бледная, подавленная – наверное, до сих пор превозмогала хворь, от которой ее в прошлый раз рвало. Она не стала тратить времени на светские любезности:

– Я посылаю тебя назад, в Дежагор, Мурген. Мы получаем тревожные вести о Могабе.

Я кивнул. Сам уже кое-что слышал. Каждую ночь озеро пересекали плоты. Дезертиры и беженцы, все как один, с изумлением узнавали, что Тенекрут мертв, а его армией, тоже изрядно истощенной повальным дезертирством, командует Госпожа.

У Госпожи характер не сахар. Похоже, она просто не желает решать созданные Могабой проблемы. И не важно, чего это будет стоить Таглиосу и Черному Отряду.

– Зачем?

Не слишком-то умно вот так. Все наши таглиосцы оставили дома родню. Многие – люди видные и состоятельные, таким-то прежде всего выгодно защищать Таглиос.

– Мне нужно, чтобы ты просто вернулся и продолжил на-

чатое. Но записывай события. Оттачивай мастерство. Держи Отряд сплоченным. И будь готов ко всему.

Я хмыкнул. Не это хотелось услышать, учитывая, что осаду можно прекратить в любой момент. Госпожа почувствовала мой скрытый протест, слабо улыбнулась и взмахнула рукой:

– Спать, Мурген.

И я рухнул, где стоял.

Все та же старая ведьма...

В голове клубилась муть. Таглиосцы, давеча помогавшие мне перебираться через воду, смахивали на зомби. Все время молчали и даже, казалось, не замечали ничего вокруг.

– Ложись! – негромко приказал я. – Патруль.

Они выполнили приказ, но двигались, словно до предела накурившись дури.

Патрулей теперь было немного, и избегать их внимания не составляло труда. Да и не входило в их задачу задержание всех, кто бродит вокруг. Берега озера мы достигли без происшествий.

– Отдыхаем, – распорядился я. – Ждем темноты.

Я не знал, что вынудило нас пересекать холмы днем. Просто не помнил, как мы вышли.

– Я что, странно себя вел? – спросил я.

Таглиосец, что повыше ростом, неуверенно покачал головой. Он понимал в происходящем еще меньше моего.

– Кажется, лишь пару часов назад я вышел из тумана, – сказал я. – Помню, как нас схватили, как держали в плену. Помню что-то вроде боя. А вот как ушли – не помню...

– Я тоже, господин, – заговорил тот, что пониже. – Только у меня такое чувство, что надо поскорей вернуться к своим. Уж не знаю почему.

– А ты что скажешь?

Высокий, хмурясь, кивнул. Он так старался вспомнить, что жила чуть не лопнула от натуги.

– Наверное, – предположил я, – Тенекрут что-то сделал с нами и отпустил. Об этом стоит помнить. Особенно если возникают побуждения, которым сам удивляешься.

После наступления темноты мы прошлись вдоль берега, обнаружили плот и, забравшись на него, двинули к Дежаго-ру. И тотчас поняли, что на шестах не доберемся: слишком высоко стоит вода. Кончилось дело тем, что мы из шестов и обломков досок соорудили нечто вроде весел. Полночи ушло на переправу, а затем, естественно, все полетело к чертям.

Одноглазый, стоя на часах, коротал время с любимым бочонком пива. Услышав плеск воды и оклики, он вообразил, что все орды зла ополчились на него, и принялся вывешивать огненные шары, так что любой толковый лучник легко нашпиговал бы нас стрелами.

Одноглазый узнал меня почти сразу – лучники успели выпустить от силы три стрелы. Он заорал, требуя прекратить стрельбу, но было поздно. Нас заметили нары с башни над

северными воротами.

Мы были достаточно далеко, чтобы им не удалось разглядеть лица. Но само наличие у Старой Команды связей с внешним миром, несомненно, вызовет у Могабы живейший интерес.

– А-а, Щенок вернулся, – заговорил Одноглазый, когда я вскарабкался на стену. – Мы тебя уже в мертвецы записали, собирались поминки устроить. Затянул я с этим, потому как дел много навалилось. Раз ты, предположительно, покинул сей мир, вести Анналы пришлось мне.

Он щедро протянул мне свою две недели не мытую кружку с пивом. Я от такой чести отказался.

– Да все ли с тобой в порядке?

– Не знаю. Может, ты разберешься.

Я рассказал, что смог вспомнить.

– У тебя был припадок?

– Если так, то и у двух других тоже.

– Интересненько... Ладно, завтра об этом поговорим.

– Завтра?

– У меня смена через десять минут, и я намерен малость ухо придавить. Да и тебе поспать не мешает.

Ох, дружище Одноглазый... Что бы я делал, если бы ты не заботился обо мне?

Разбудил меня Бадья:

– Мурген, пришел человек от Могабы. Говорит, его величество желает тебя видеть.

Я застонал:

– На кой черт тут столько света?

Накануне я поленился спуститься в подземелье.

– Могаба недоволен. Пока тебя не было, мы делали вид, что ты здесь, просто не можешь с ним говорить. Гоблин с Одноглазым иногда двойников твоих на стену выставляли, чтобы нарам глаза мозолили.

– И вот настоящий Мурген вернулся, а вы и рады его волку скормить.

– Э-э... Так Могаба же никого другого не зовет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.